

ЭДУАРД ПОЛЯКОВ
ВАРВАРА СЕРЕБРО

ХОЗЯИКА МЕРТВОЙ ВОДЫ. ФЛАКОН 1

ОТ РАН ТЕЛЕСНЫХ И ДУШЕВНЫХ

Варвара Серебро
Эдуард Павлович Поляков
Хозяйка мертвой воды. Флакон
1. От ран душевных и телесных

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34116626
SelfPub;*

Аннотация

Явь – река, за которой начинается новый мир. Для студентки мединститута из города Оренбурга, Ольги, это именно так.

Ольга (Хельга) попадает в параллельный мир Каэн-ар-Эйтролл и начинает новую жизнь. Как говорит ее наставник ведун Пересмысл: перемещение – есть воля высших Сил. Сил, посчитавших что её место именно по эту сторону Яви. Девушка приносит с собой ценный рецепт исцеляющей Мертвой воды и творит чудеса. Таинственный Ивар, о судьбе и силе которого ходят легенды, пытается узнать рецепт. Зачем ему нужна Мертвая вода?

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1. На том берегу Яви	4
Глава 2. Наблюдатель	23
Глава 3. «Боевое» крещение	48
Глава 4. Первые капли	67
Глава 5. Дела сердечные	88
Глава 6. Отцы и дети	109
Глава 7. Солнечная вода	133
Глава 8. Бочонок для орка	160
Глава 9. Князь горы	181
Глава 10. Долги совести, дружбы и чести	208
Глава 11. Мертвая вода для ченослова	233
Глава 12. Иллюзионист	248
Глава 13. Хозяйка мертвой воды	267
Глава 14. Расплата	288
Время платить по счетам	308

Эдуард Поляков, Варвара Серебро Хозяйка мертвой воды. Флакон 1. От ран душевных и телесных

Глава 1. На том берегу Яви

Ольга вышла на крыльцо мединститута и закурила длинную дамскую сигарету. Ранняя осень, еще тепло и можно обойтись без куртки. В нос ударил запах выхлопных газов. В воздухе чувствовалась сырость.

Девушка зевнула и мысленно отругала своего парня Льва за то, что так долго едет из дома ее встречать. Сладкий сигаретный дым клубился сизыми облаками. На улицу выбежали еще несколько однокурсниц Ольги. Они устроились небольшой группой на другой половине крыльца и посматривали в ее сторону.

Ольга пользовалась особым вниманием. Одногоруппники незаслуженно считали её бластной. Она не простая студентка – падчерица депутата и бизнесмена Валерия Петровича Си-

дорова. Загадка состояла лишь в том, что статья она решила врачом общей практики.

Высокая дверь распахнулась, и на крыльцо вышел упитанный молодой человек с залысинами на лбу. Денис – один из друзей парня Ольги.

– Привет, – поздоровался он и растянул губы в улыбке, встал рядом с Ольгой, вынимая из пачки сигарету.

Денис частенько крутился от нее неподалеку. Сначала Ольга даже решила, что он присматривает за ней по просьбе Льва, а потом поняла – скорее Денис питает к ней некоторую слабость.

– Привет, – нехотя поздоровалась Ольга.

Ее розово-фиолетовые волосы до плеч растрепал и теребил ветер. Она выглядела ярче всех в институте.

Из-за серых туч вышло солнце, на глянцевом асфальте заискрились золотистые блики. От света заиграли всеми цветами радуги масляные пятна на лужах.

Машины Лео все не было. Ольга начинала нервничать. К тому же, Денис, который дымил сигаретой поблизости, раздражал ее. Ходил за ней, словно тень. Этого парня как раз «просунул» в институт отец, известный пластический хирург. Чтобы сын, так сказать, шел по его стопам.

– Может сходим куда-нибудь, посидим? – спросил он повседневным, бесцветным тоном.

Но Ольга заметила, как дрожат его пальцы с сигаретой.

– Извини, Ден, нам с тобой не по пути! – отрезала она его

намерения. – Вон, Ленку пригласи, она точно согласится.

Денис поморщился, глянув через плечо на высокую девушку с завязанными в конский хвост черными волосами, и хмыкнул.

Из-за двери выглянула Даша. Смешная, неказистая девушка. Над такими часто потешались называя “ботанками”. Внешний вид Дашки буквально кричал – она хорошая девочка, скромная, целомудренная. По ночам спит дома. Одна. Обязательно в ночной фланелевой рубашке в мелкий цветочек и в объятиях плюшевого мишки.

– Оль, ты что, на лекции спала? – начала она воспитательную беседу.

Ольга не любила этого.

– Устала, – ответила та, – не выспалась.

– Оль, ты что по ночам делаешь?

– Только сегодня утром из Вены с Лео вернулись. Спала урывками в самолете, – Сидорова сказала это негромко, чтобы ее не слышали остальные одногруппницы.

Подруга с завистью вздохнула.

К институтскому крыльцу, шелестя резиной по мокрому асфальту, подъехал породистый немецкий автомобиль. Оля сбежала по лестнице и крикнула хмурой Дашке:

– Меня не будет пару дней, скинь мне конспекты в ВК.

Подруга мотнула головой и теперь растерянно смотрела на то, как её бывшую одноклассницу встречает тот, кто являлся причиной ее бессонных ночей.

Из черной иномарки на низкопрофильной резине, вышел высокий видный парень атлетического телосложения, с темными, зачесанными назад волосами. Его хороший друг Денис, тот, что крутился всегда возле Ольги, часто шутил над Львом, что тот старается своим видом подражать итальянским мафиози и выглядит как герой Аль Пачино. Тот отвечал на подкол друга, что если он похож на Аль Пачино, то Денис смахивает на толстяка Денни ДеВито.

Девчонки заворожено пялились в сторону крутого транспортного средства и его не менее крутого обладателя.

– Привет, студентки, – крикнул парень прелестницам, толпившимся на крыльце с тонкими сигаретками в пальцах под строгой надписью: “Не курить” и улыбнулся как телезвезда.

Несколько прелестниц пытались строить парню глазки до тех пор, пока Ольга не толкнула Лео локтем. Еще бы, она не любила таких провокаций.

Чувствуя спиной завистливые взгляды, Сидорова улыбнулась своему парню, подошла ближе, поцеловала по-французски с языком, развернула спиной к девицам и прихватила за крепкий зад. Лео подпрыгнул от такого, только это было сделано не ради него, а ради того, чтобы указать завистницам их место.

– С чего бы это? – спросил парень.

– Дома поговорим, – прозвучал намек от Оли на приятное и далеко не скучное продолжение вечера.

Лео открыл девушке дверь машины, приглашая внутрь салона.

“Вот кобель!” – подумала Ольга, закинула сумочку на сиденье машины и села сама. Салон оказался обтянут новенькой светлой кожей молочного цвета и пах новизной.

Они выехали с университетского двора и направились в сторону выезда из города. Городские серые многоэтажки мелькали в окнах джипа, а между ними временами выглядывало унылое, медленно заходящее за горизонт солнце. Потом появились пейзажи промзоны и, наконец, зелено-красно-оранжевые лесные просторы, приносившие своим видом некоторое спокойствие.

Парочка направлялась в сторону загородного дома Красновых. Лев проживал вместе с семьей в двухэтажном коттедже.

Ольга достала из сумочки косметичку.

– Опять сумочка новая? – покосился Лео на дамский лакированный бежевый аксессуар.

При этом лицо парня сделалось надменным.

– И что?

– На херню деньги сливаешь. Херню с эпическим ценником. Салон машины стоит дешевле, чем твои тряпки! – парень говорил с некоторой иронией, поглядывая то на дорогу, то на красивую девушку.

Когда у него заканчивались аргументы, Лео, начинал разговор про траты. Как будто это он оплачивал счета с её кре-

дитки.

– За собой следи, экономист с красным дипломом. Вон ты, снова салон у тачки обновил – у каждого свои слабости, – Ольга подмигнула. – Будешь бузить, могу и без сладкого оставить. Понял?!

– Сладенькое найти – не вопрос, – хмыкнул парень и крутанул баранку.

Машина резко дернулась в сторону. Наманикюренные пальчики Ольги крепко сжали его “гордость”, между ног. Лео вздрогнул, замер, нервно посматривая на дорогу.

– Э-э-э, ты чего, озверела?! Э-ээ...

Ольга прищурилась и поджала губы. Краснова нужно было поставить на место.

– Я не потерплю даже намека на измену! Найдешь сладенькое на стороне – наше расставание будет самым меньшим из твоих зол! Понял? – девушка сжала цепкие пальчики чуть сильнее. – Понял?!

– По-ня-л, – покраснел и взвыл Лео. Нет, если бы его руки сейчас не были заняты рулем, он мог бы и ответить, но Ольга знала, когда и за что нужно хватать. – С-с-у-к-а!

– За то ты меня и любишь! – вполне серьезно сказала Ольга, стащив конфетку с приборной панели авто.

Девушка отпустила его “смысл жизни”, достала из сумочки блокнот в кожаной обложке, гелевую ручку и начала рисовать. Это странное увлечение помогало успокоить нервы и не заснуть. В теплом салоне авто после зябкой улицы де-

вушку начало накрывать объятиями Морфея.

Джип вывернул на трассу и направился за город к элитному поселку с многоэтажными коттеджами. Ольга все наблюдала за осенним, немного грустным пейзажем за окнами машины. Вдоль трассы стояли хвойные и лиственные деревья. Осень – время грусти и меланхолии. Правда – этой молодой паре ни то, ни другое, похоже, пока не угрожало.

– Останови машину! – попросила Ольга заметив у обочины старую знакомую.

– Что?! – не понял Лео.

– Прижмись к обочине.

Гелендваген завернул к краю дороги, Ольга взяла сумочку и выпрыгнула из машины. Там сидела на маленьком раскладном стульчике скрученная старушка: совсем старая, маленькая, возможно, еще пережившая вторую мировую войну и продающая самодельные мочалки.

– А я снова к вам, бабуль, – девушка улыбнулась, кивнув на гору пушистых разноцветных мочалок.

– Недорого внушка, те, что поменьше, по пятьдесят рублей, а вот эти, с узорами, по сто пятьдесят.

– Бабуль, по сто пятьдесят, вот этих вот плетеных сколько есть?

– Десяток где-то.

– Давайте все.

– Куда же ты их деваешь? Уже два раза как все мочалки у меня покупаешь, не уж то у тебя они так быстро заканчи-

ваются?

– Ваши мочалки хвалят, вот и приходится одаривать.

Божий одуванчик смутилась. Покосилась на дорогую машину и её хмурого хозяина.

– Ему тоже мочалка нужна, он у меня все просил в сауну купить, шею намылить получше, ему ваши мочалки сразу понравились.

Бабушка с гордостью сложила товар в потертый пакет с логотипом торговой сети и протянула Ольге. Та быстро отдала бабушке деньги, схватила разноцветный ворох банных изделий и запрыгнула в машину.

Бабуля пересчитала деньги.

– Милочка, внученька, да ты лишнее заплатила!

– Сдачи не надо, бабуль, мочалки и так дешёвые! – крикнула ей Ольга из окна машины.

– Зачем ты их покупаешь? – проворчал парень.

– По тому что могу, – уклончиво ответила девушка. – И вообще следи за дорогой, я тебе ещё не простила.

Лео отмахнулся, молча продолжил рулить.

Машина въехала через автоматические ворота на загородную дачу Красновых. То был внушительный двухэтажный домик с мансардой и множеством окон. Относительно скромный, если сравнивать с соседскими вилами бизнесменов.

Ольга выскочила из машины. Лео тоже лениво выгрузился из гелика и кинул ключи охраннику в черном костюме.

Барские замашки мальчика-мажора.

«Если бы я так сделала при матери, она бы мне губы в кровь расшибла. Да я бы и никогда так не сделала. Ничего, будем и его исправлять в лучшую сторону», – подумала девушка. Тогда она еще искренне верила в то, что человека можно исправить.

– Где батя и маман? – спросил тоном хозяина Лео у охранника, который годился ему в отцы.

– Уехали по делам, куда – не докладывались, – ответил тот спокойным тоном, словно не заметив надменности в словах Краснова-младшего.

Указывать сыну своего работодателя охранник не посмел бы, но и прогнуться под этого накаченного сопляка не собирался.

Таких людей Ольга всегда уважала. А у ее парня явно разбушевались гормоны, и он хотел показать кто в доме хозяин. Ольга смекнула об этом и решила переключить внимание Краснова-младшего на себя. Как говориться, лучший способ избежать истерики избалованного ребенка – отвлечь его от предмета каприза чем-то более интересным. И работал этот способ не только на малышах.

Ольга обхватила шею Лео, повернув его лицом к себе, и нежно прильнула всем телом.

– Лео, я хочу массаж! – она притворно закапризничала и улыбнулась, приподняв тонкую бровь.

Молодая парочка вошла в дом родителей парня и подня-

лась на второй этаж. Ольга сошлась со Львом всего месяц назад, но уже чувствовала себя в этом коттедже уверенно. Она называла парня Лео. Ей нравились смелые и сильные, как раз такие как он. Но иногда Лео вел себя как настоящий свин, и ей приходилось его укрощать.

На втором этаже располагалась спальня Краснова-младшего, состоящая из двух комнат.

Ольга распахнула широкие двухстворчатые двери спальни. Комната была великолепно обставлена. Огромная, даже не двух-, а четырехспальная кровать, с балдахином, как в фильмах про средневековье. На такой можно устраивать целые оргии. И бельё на постели Лео дорогое, мягкое, приятное на ощупь, с помпезной золоченой вышивкой в стиле восемнадцатого века. Ну и вкусы у этой семейки.

У изголовья кровати, на стене, располагался родовой герб Красновых-Гордеевых – воин с мечом и щитом. Уж очень мамаша Лео гордилась своей дворянской родословной и приходилась в родстве кому-то из рода Князей Гордеевых. Князья эти, как утверждала мать Лео, Марина Олеговна, были знамениты в свое, разумеется, время на политической арене страны, особенно во времена войны с Наполеоном. Вот только почему-то кроме неё никто о них не знал и не слышал. Муж у Марины – обычный рязанский мужик – Аркадий Семёнович Краснов; хваткий, крепкий: типичный простолюдин.

Был у Льва в комнате и здоровенного вида камин с вензе-

лями. В углу у камина стояли железные рыцарские доспехи, сделанные по заказу, точно такие же, какие носили тевтонские рыцари. Да, красиво жить не запретишь!

Ольга с легкостью сбросила туфли, пробежалась по прохладному дубовому паркету, упала на мягкую кровать и глубоко вздохнула. Парень вошел в комнату следом и прикрыл за собой двери. Взгляды любовников встретились.

– Кто сегодня сверху? – игриво усмехнулась девушка и сбросила кофточку.

Парень запер двери на защелку, снял и швырнул кожаную куртку прямо на пол.

– Я!

Ольга краем глаза заметила, как потемнел просвет в замочной скважине. Похоже вернулись Красновы и её потенциальная свекровь Марина Олеговна решила лицезреть «клубничку» в реале. Ну что же пусть смотрит, как надо отыграть мужчину, чтобы он налево не то чтобы ходить, даже смотреть не мог.

Пусть завидует! Ольга догадывалась, что отец Лео давно не делил постель со своей женой, предпочитая этому совещания в саунах. В семье Красновых это общеизвестный факт. Только все делают вид, что не догадываются...

Часом позже.

...Любовники расслабленно лежали на кровати. Девушка,

наконец, освободила парня от шелковых пут. Вычурное постельное бельё смялось и местами сползло на дорогой паркет. Давно у них не было такого жаркого секса.

– Мне понравилось, – сообщил Лео, глядя на Ольгу, и протянул руку к пачке сигарет на тумбочке. Впрочем, не забыв ущипнуть девчонку за сосок.

Вечер опустился на землю незаметно. Стало смеркаться, за окнами мерцали желтоватые фонари.

– Давай посидим, устроим пикничок на природе, – предложил парень, застегнув штаны, медленно и зевая, вышел на лоджию. Вид у него был неопрятный. – Я жду тебя на свежем воздухе, Кися.

Ольга накинула халатик с сакурой, вышла из спальни и спустилась вниз по лестнице, завернув направо, как раз к кухне.

Там она застала Марину Олеговну, потенциальную свекровь: женщину лет сорока восьми с чересчур крашенными бровями и острым, как морда ее таксы, лицом, которая выкладывала в фарфоровую белоснежную тарелку соленые грибы из банки.

В углу у окна светил абажур, обтянутый тканью цвета морской волны. Такая вот цветовая гамма придавала некоторую холодность кухне, оформленной в белые тона, и зеленоватость лицу хозяйки. Да, сейчас мать Лео напоминала злую колдунью Гингему из страны Оз.

Марина пребывала в подозрительно хорошем расположе-

нии духа и даже приветливо улыбалась Ольге. Хотя с девушкой у нее с самого начала знакомство не заладилось. Ольгу она терпела лишь для того, чтобы угодить своему властному супругу, который как раз-таки видел в сближении с семьей депутата Валерия Сидорова некую выгоду для себя.

– Добрый вечер, Олечка, я не помешала вам, надеюсь. Вы так тихо себя вели, что я даже боялась все ли у вас в порядке.

– Все замечательно, могли бы нас и не навещать.

Ольга не упустила момент словесно уколоть маму Лео. Те времена, когда она старалась понравиться этой престарелой нимфоманке, остались далеко позади, что можно считать их неправдой.

– Вот, решила угостить тебя своими соленьями. Лео говорил, что ты очень любишь солененькое, – женщина немного желчно улыбнулась и продолжила сервировать тарелку соленьями. Изображать самую любезность она умела. Да вся жизнь этой женщины казалась одним сплошным притворством.

– А вы – сладенькое! – Ольга подмигнула и протянула Марине Олеговне желтую камеру.

Конечно, Марина знала, что это за коробочка, но сделала удивленное лицо.

– Не поняла?.. – возмутилась потенциальная свекровь.

– Ну что же непонятного? – улыбнулась Ольга. – Я записала все, что вы так любите смотреть. И не надо портить глаза и гнуть у двери спину! – нахально подмигнула девушка Лео и прикусила губу.

Сидорова взяла из холодильника запотевшую бутылку водки и стопки из шкафчика над кухонным столом. Не побрезговала она и угощением Марины Олеговны. Грибы Ольга любила еще с тех самых пор, когда она не была падчерицей богатого бизнесмена. А вот Лео грибы терпеть не мог. Это хорошо, Ольга всё равно не собиралась делиться!

Девушка поднялась на второй этаж, по коридору вышла к лоджии и открыла дверь ногой.

Лео курил сигарету, развалившись в кресле и закутавшись в теплый плед. Фонарь под потолком блекло освещал его лицо и придавал коже некий восковой блеск. Лоджия у Красновых была достаточно просторной. На ней стояли два кресла и круглый столик.

Ольга поставила свою «добычу» на столик, присела рядом и укуталась вместе с Лео в плед. Придвинув тарелку с грибами ближе, стала лакомиться соленьями.

Сейчас Ольга чувствовала себя счастливой. У неё было все, о чем другие могли только мечтать всю жизнь. Вот только мама Алена не одобряла ее выбор, говорила, что Лео слишком уж простоват и туповат для нее. Что деньги не главное, а главное – человек и прочие какие-то глупости, ее не касающиеся. Любят эти мамочки поучать.

Воздух на улице уже наполнился осенней прохладой, приятно пахло свежестью перед дождем. Ольга взяла Льва за руку и прислонилась к его плечу.

Лео лениво потянулся, громко зевнул и разлил водку по

стопкам.

– О чем задумался, Лео? – Ольга чмокнула парня гладко-выбритую щеку.

– Зима скоро. Нужны новые колеса на тачку, – почесав затылок, сказал Краснов-младший. Волосы у него на голове взъерошились и легли неопрятно.

Да милый и романтичный разговор! Как можно испортить такой момент?

– Колеса. А чем старые плохи? Гнутые? – заявила Ольга и принялась с большим рвением вылавливая вилкой грибы, прожевывая их с аппетитом...

Правда вкус у этих грибочков был весьма странный. Да и сами грибы бледные с синим отливом. Интересно, что это за опята такие?

– За тачкой тоже уход нужен, – настоял парень, залпом выпил стопку водки и нахально выпустил облачко сигаретного дыма девушке в лицо. Она недовольно посмотрела на него.

– За мной тоже уход нужен. Мне иногда кажется, что тачка тебе дороже меня. – Она обиженно отвернулась от него. А если она обижалась, это грозило парню очередным воздержанием... и весьма долгим.

– Да ладно, чего ты дуешься? Тачка для меня то же самое, что для тебя твои платышки.

– Вот и трахай свой гелик в выхлопную!

Ольга резко поставила остатки грибов на стол. Обида

вскипала внутри, а ещё и подташнивать стало. Слишком уж подозрительные грибы у Марины Олеговны, и слишком много Ольга их успела проглотить. От волнения или на нервной почве девушка всегда набрасывалась на еду и ела все, что попадалось под руку.

– Сегодня спишь один! – сказала Ольга, встала из кресла и направилась в комнату Лео.

Парень несильно расстроился, в его комнате кроме кровати стоял довольно мягкий диван.

Ольга сделала несколько шагов по коридору, привалилась к стене и поняла, что у неё вдруг закружилась голова и заломило в висках. Да что же это? Она по стеночке добралась до комнаты и постели, обмякла, упала на неё и погрузилась в воду.

В воду?!

Стены комнаты исчезли, появилось необычно красивое звёздное небо. Звезды на нем были с фиолетовым мерцанием и проблесками белого. А еще, по нему проплывал синий кит. Огромный, с прозрачным пузырем, в котором метались мелкие рыбки. Гигант, открывая безразмерную пасть, заглатывал звезды.

Ольга приподнялась, пытаясь понять, где находится. Теперь девушка лежала на камнях, холодных и серых. Мир снова преобразился и изменил свои очертания и образы. Это точно грибы! Перед ней всюду стояли стеной скалы, голые и серые, а под ногами появилось озеро с настолько прозрач-

ной водой, что, погрузившись в него почти по колено, она видела дно, каждый камушек и маленьких серебристых рыбок. Таких смешных с большими выпученными серебристыми глазками.

Посередине озера, на небольшом каменистом островке, рос могучий дуб с невероятным множеством дупел. У Ольги появилось желание подойти ближе к дереву. Если кит показался ей жутким, то дерево, напротив, каким-то родным и даже немного уютным. Она пошла в сторону островка, ступая по водной глади, как по зеркалу, и не проваливалась.

Крону дерева густо покрывали зеленые резные листья и желуди, резвились маленькие лемуры с кожистыми крыльями. В какой-то момент величественному дереву надоела возня приматов и оно вздрогнуло, трягнуло ветвями, сбрасывая с себя летающих зверей.

Когда дуб успокоился, а на воду опустились последние, слетевшие с ветвей, резные листья, девушка продолжила путь. Теперь из сотни до этого пустых дупел, на нее смотрели глаза. Дупла оказались глазницами дерева!

Древесное растение смотрело на девушку. Кора дуба треснула, в стволе появилась черная продольная брешь, похожая на рот с губами, из неё вырвалась ярко-желтая птица с черными крыльями и длинным клювом. Она сделала несколько кругов по воздуху и приземлилась у ног Ольги, на поверхность воды, превратившись в лысого седого старика.

У него были настолько кустистые брови, что они едва не

опускались ему в глаза. Виски этого пришельца покрывали ромбические татуировки с непонятными символами. На запястьях рук побрякивало множество браслетов, с красными, зелеными и белыми бусинами. Дедуля уставился на девицу, глаза у него вдруг удивленно расширились.

Ольга посмотрела на своё отражение в воде озера и ахнула. Она все ещё была в эротическом костюме розовой кошечки и халате с сакурой.

– Где я? Как я сюда попала? – попыталась она заговорить с дедушкой.

– Ты мне скажи, – старик закурил длинную трубку. – Как ты попала по ту сторону Яви?

Ольга похлопала себя по щекам, силясь вырваться из морока, словно из дурного сна.

– Вернуться хочешь? – спросил старик, выпустив колечко зеленого дыма.

Ольга не отвечала, осознав теперь всю сюрреалистичность происходящего вокруг и старика в частности. Она лишь краем глаза посмотрела на деда и еще сильнее начала хлопать себя по щекам.

– Держи меня за руку, пошли.

Ольга подала руку старику, тот так крепко сжал её запястье, что она ойкнула и неожиданно начала перевоплощаться в такую же, как и он, желтую птицу. Ощущения оказались необычными, особенно когда сквозь кожу начали прорастать перья, а все кости захрустели, изменяя форму.

Шелковый халат с сакурой слетел с неё и приземлился на гладь воды, словно листок. Взмахнув крыльями, обе птицы влетели в отверстие в коре дуба, похожее на рот, из которого в это странное место проник бородатый старик.

Глава 2. Наблюдатель

Ольга долго не могла прийти в себя. Её сильно тошнило и, казалось, выворачивало наизнанку, иногда забывая вернуться обратно. Теперь девушка лежала совсем больная и слабая на твердой, деревянной кровати с матрасом, набитым сеном, оттого у нее ломило спину и плечи. Оказалась девушка в какой-то мрачной лачуге, пропитанной запахами трав, животного жира, лука и плесени. Под потолком были развешаны бусы из сушеных грибов, пучки высушенных трав и части животных.

Как она оказалась в этой лачуге – не помнила. А возможно, ее болезненный бред еще продолжался. Рядом с кроватью стоял светец¹ с небольшим корытцем, наполненным песком. Лучина, вставленная в развилку светца, тлела красным тусклым огоньком. Но даже этот приглушенный свет резал глаза, и в висках появлялась невыносимая ломота.

Тот самый бородатый старик, забравший её с озера у странного дуба, сидел почти все время рядом и силой вливал ей в рот теплое горькое питье, которое не задерживалось в желудке надолго, выплескиваясь обратно с горькой желчью вперемешку. Мерещилось всякое. Когда девушку начинало тошнить, дед аккуратно держал ей волосы над деревянной

¹ Светец – подставка под деревянную лучину.

бадьей и ждал, когда отвар выйдет из её нутра полностью.

– Не держи в себе! – приговаривал он. Голос у него был густым, но не громким.

Слабая девушка вспотела так, что колючее шерстяное одеяло, которым ее укутали, стало влажным от пота. Иногда сознание гасло. Ольга проваливалась в пустоту. Периодически окунаясь в галлюцинации, в виде детских воспоминаний, порой ей мерещился летающий кит с прозрачным пузом и плавающими в нем, словно в большом толстостенном аквариуме, рыбками.

Во сне Ольга переживала ощущение полета, но не такого, когда стремительно падаешь на землю и просыпаешься от страха, а легкого и парящего полета птицы. Когда воздух струится под руками и между пальцев, рассекаешь грудью ветер и чувствуешь запахи земли, от которых голова пьяняще кружится. Внизу только чарующая и захватывающая дух высота, а тело покрывают ярко-желтые птичьи перья.

Временами мерещилось лицо мамы, такой родной и грустной. Она кричала и звала её откуда-то издалека, просила вернуться, и обещала за все простить.

“Мамочка я вернусь, только поправлюсь, обязательно вернусь.”

Порой бред и сны прерывались. Ольга снова видела перед собой старика, который отпаивал её через силу то горьким питьём, от которого тошнило, то мясным бульоном, то водой, от холода которой ломило зубы.

Несколько раз болезная пыталась приподняться, или хотя бы оторвать голову от набитого ароматными травами мешка, положенного ей вместо подушки. Но тело не слушалось, а голова казалась слишком тяжелой.

В таком бреду девушка провела неизвестно сколько времени. Однажды она проснулась от сильной жажды. Её тело пропахло едким потом. Только сегодня она нашла в себе силы приподняться и сесть.

Приподнявшись с кровати, осмотрелась и поняла, что все еще находится в той же темной землянке с бревенчатыми стенами и низким, кое-как оструганным потолком. И это ей, похоже, не снится. Свет теперь шел не от лучины, а из окошка, застекленного каким-то полупрозрачным минералом. Под потолком висели травы, корешки, бусы из сушеных грибов и связки длинных веточек. По стенам располагались полки с самобытной посудой из некрашеной глины.

Девушка съежилась, приподняла край своего одеяла и ахнула, она была абсолютно голой. Её наготу прикрывало лишь это одеяло из колючего шерстяного сукна, которое еще и к тому же скверно пахло псиной. Кто-то её раздел? Неужели этот старый? От такой мысли девушку передернуло. Она захотела выбраться из землянки как можно скорее и понять, где она вообще находится.

Ольга осмотрелась еще раз, попыталась встать, но не смогла. Где она, что с ней? Почему никто не навещает, кроме этого старика или, кто он там еще...

Голова закружилась, и в висках снова заломило от боли. Ольга упала без сил на жесткую кровать и провалилась в тяжелый сон. Так девушка спала еще несколько дней кряду, изредка вырываясь из морока, не понимая где находится и засыпая снова. Старик перестал мучить её рвотным снадобьем и теперь поил только бульоном. Силы уверенно возвращались, стало появляться и желание уйти отсюда, но хозяин землянки не мучил ее, напротив, старался помочь.

Прошло еще неизвестно сколько времени, прежде чем девушка почувствовала себя лучше. Хотела встать и убежать отсюда, но входная дверь скрипнула на провисших петлях, и в землянку, с одной-единственной комнатой, зашел старичок-птица из видения. Ольга прикрыла глаза, изображая сон.

Хозяин землянки подошел ближе, слегка склонился над спящей девушкой и прислушался к её дыханию. В руках он держал тарелку.

– Хватает сил на то, чтобы притворяться. Значит на поправку идешь, – проговорил старикан, поставил на стол деревянную тарелку с густым луковым супом и положил краюху хлеба.

Ольга все ещё прикидывалась спящей и оттого не слышавшей его. Дедушка подошел и одним движением сдернул с неё одеяло, оставив девушку абсолютно голой. Ольга, не ожидая такого, вскочила с кровати и вырвала его обратно из рук старика.

– Ходишь значит уже, – усмехнулся старик.

Он отчего-то радовался резкой реакции девушки на сдернутое одеяло, – великовозрастный ценитель женской красоты. А теперь приземлился на лавку и потирал свои татуированные ромбиками виски, посмеивался на неё и изучал хитроватым взглядом.

– Ты кто такой, старый, где я? Меня искать будут! – забеспокоилась Ольга. Она старалась не показывать своего волнения.

– Ну хорошо, что ищут, – безразличным тоном проскрипел старик. – Вот только найдут ли. Ты сюда духами прислана, а значит здесь не просто так. Значит имеешь какое-то предназначение. Вот только какое?

Девушка вдруг обнаружила, что говорит со стариком на чужом языке. Так, этого еще не хватало! Кроме среднего знания английского и латыни, Ольга языков не знала. Значения слов были знакомыми, но звуки, из которых они состояли, другие, мягкие и мелодичные. Где она могла выучить другой язык? Как и когда?

Старик тоже разговаривал все время на другом языке. Притом язык этот напоминал чем-то славянский, с оттенками французской легкости.

– Меня зовут Пересмысл, – представился он девушке, которая одним глазом косилась на аппетитно пахнувший суп. – Я ведун народа Иволг, и ты в моём доме.

– На каком языке мы говорим? – спросила у старика Ольга, прислушиваясь к своим ощущениям от произносимых

слов. Надо же, она словно родилась в этом мире!

– На скив-речи, птичье наречие. Очень, надо сказать, чистое наречие, ты часом не из клестов будешь?

Ольга снова не верила своим ушам. Но факт оставался фактом, она понимала и говорила на ином языке. Девушка обмоталась одеялом и подпрыгнула, схватилась одной рукой за затылок. Ощупала голову, прикоснулась к шее: пульс был нормальный. Если бы она могла найти зеркало, то посмотрела бы заодно на свои зрачки. Возможно она очень сильно чем-то отравилась и все еще видит галлюцинации.

– Где я?

– В лесах Скив, в Липовом доле, на правом берегу Звенящей реки, – ответил ведун, пригладив длинную бороду.

Все это прозвучало странно. Её, наверное, ищут всем городом, а этот сумасшедший дед похитил ее и теперь... а чего он хочет-то?

– Что, эта землянка точно твой дом? – поморщилась Ольга и осмотрелась. – А где туалет?

– Что, прости? – искренне удивился ведун.

– Пописать куда сходить можно? – уточнила девушка.

Старик улыбнулся и показал под лавку.

– В ведро, и за домом есть отхожее место. Но ты за дом не ходи, слаба еще, провалишься в дыру отхожую, и лови тебя всей деревней.

– Дыру, отхожую, – снова съежилась Ольга. – Ты серьезно? Может и лопухом подтираться? – взбрыкнула она, но уже

сдержаннее. Такими “удобствами” она давненько не пользовалась. Только когда в деревне у бабушки летом гостила.

– А бумага туалетная есть? – уточнила девушка и съежилась, подсознательно понимая, что ответ ее не порадует.

– Чего? – не понял старик и почесал в затылке.

– В смысле, подтираться-то чем?

Когда до старикана дошел весь сокровенный смысл сказанного, он улыбнулся и тщательно пригладил бороду.

– Для этого вода есть, возьми вон там в углу на лавке кувшин с водою. А у отхожего места лопух растет.

“Хорошо в деревне летом...” – вспомнила Ольга строки из похабной песни и почувствовала, как слабеют ноги. Так, в последний раз она находилась в доме Лео. Водку не пила, но ела грибы. Грибы?!

– Слышь дед, а до Оренбурга отсюда далеко? – Ольга надеялась выбраться из этой землянки как можно быстрее и вернуться домой к нормальному туалету и ванной. Ох, она бы с удовольствием приняла бы сейчас ванну. И как персонаж из фильма “Бриллиантовая рука”, от чашечки кофе тоже не отказалась бы. Да и очень хотелось кушать. А лопухом подтираться – это слишком!

– Это на островах Дымер? Где этот Арен-бурх? Ты сейчас в землях скивов, в роду Иволг. Понимаешь? – растолковывал ей дед, почти что по слогам. – Дом этот мне по стезе ведуна достался, а сам я живу в избе рядом. Вот от тебя, голуба моя, вижу злая баба хотела избавиться, да и отравила

грибками.

Ольга закрыла глаза и еле удержалась, чтоб не завывать на всю землянку.

– Слышь деда?

– Пересмыслом меня зови.

– А где я?

– В землях Скив, в роду Иволг. Забыла, что ли, как летала?

После этих слов Ольга еще раз осмотрелась и охнула, взявшись за голову.

– Летала?! Чего, какие скивы, какие леса, какие оборотни? Что за наркомания? Мне, бля, билет в реальность. Ну нет, это уже совсем не смешно! – истерика накатывала от осознания того, что это словно дурной сон, только наяву.

Ольга вскочила с кровати и, придерживая одеяло, бросилась к окну. Но за мутноватыми стеклами из минералов совсем ничего не было видно.

– Поешь сначала, а я пойду, пока, чтоб тебя не смущать, – сказал старик, то ли сочувственно, то ли с издевкой, поторопился убраться из землянки.

Ольга, воспользовалась ведром, потом накинулась на принесенную дедом похлебку. Лютый голод только усилился от аромата остывшей, но все еще горячей еды. В луженой тарелке, в бульоне плавали овощи, разваренные бобы, жареный лук. Еще никогда в жизни не ела она с таким аппетитом.

Глотала пищу, почти не прожевывая, не чувствуя вкуса и одновременно удивляясь, до чего же вкусной была эта простая еда.

Проведя руками по бокам, девушка поняла, что за то время, пока находилась здесь, скинула, наверное, килограмм пять. Кстати, где она находилась до сих пор представления не имела.

Последнее, что четко помнила – это вечерние посиделки под пледом с Лео на лоджии дома его родителей, странный вкус грибов, очередную мелкую ссору, после которой Ольга ушла спать и... странный сон, страннее, чем приключения Алисы в Стране чудес. Теперь она здесь, в этом сарае, и какой-то старик срывает с нее одеяло, заставляя сверкать голый задницей. Жуть!

“Лео, где же ты, Лео, забери меня отсюда!”

В комнату заглянула рыжая девочка-подросток и с интересом осмотрелась в землянке, словно искала, что-то. Потом принюхалась, её конопатый носик несколько раз дернулся. Тряхнула плетеной корзиной, которую держала в руках. В корзине лежали какие-то тряпки. В живом взгляде подростка мелькнула задоринка, вперемежку с хитрецей.

– Привет, я Ариша, – веснушчатая девочка глядела на новую жительницу лачуги с любопытством.

Ольга поняла, что интерес девочки был вызван необычным розовым цветом её волос.

– Тебе чего? – пробубнила девушка набитым хлебом ртом.

Она пыталась не выронить ни единой крошки.

– Какое странное имя: “Тебечего”. Ты что, из Фашираз? – звонко засмеялась над ней дерзкая девочка. – Дядька Перемысл сказал взять тебя с собой, когда мы купаться соберемся. Выходи, мы тебя ждем.

Ольга поёжилась. Противный липкий пот и запах собственного немытого тела, после отступившего голода, стали раздражать ещё сильнее. Рядом на лавке она обнаружила простое льняное платье, видимо дед позаботился. Его даже сложно было назвать платьем, скорее это напоминало тряпичный чехол на тело, чем предмет женского туалета. По сравнению с тем, что носила на себе раньше Ольга – настоящее тряпье!

Обнаружился здесь же и розовый кошачий костюм, с ушками на ободке. Ольга не успела и слова сказать, как Ариша деловито сгребла её костюмчик в свою корзину с бельём и вышла за дверь. На улице стояли девушки, их одежда была украшена зеленой ромбической вышивкой по вороту. Они с любопытством разглядывали странную пришелицу, а пришелица, в свою очередь, рассматривала их.

Возраст девушек разнился от совсем маленьких, десятилетних, до её ровесниц. Никто из местных жительниц не носил коротких или окрашенных волос, только косы, длинной у кого до пояса, а у кого почти до самой земли.

– Пошли, “Тебе чего”, только тебя и ждем, – задорно сообщила Ариша, сморщив конопатый носик и поманив чужачку

пальчиком. Склонила голову набок жмурясь от солнца.

“Так, и куда же меня занесло, и кто эти старообрядцы дикие?” – всё ещё думала про себя Ольга.

– Ну чего ты встала? Пошли уже, – произнесла Ариша.

Стайка девушек, звонко смеясь, повела Ольгу к лесной реке, которая находилась за окружавшим поселение деревянным частоколом. По пути к купальне чужачка осматривалась по сторонам, не замечая, как часто открывает рот от изумления. Никогда прежде не видела Ольга таких странных, даже сказочных деревень. Всюду стояли чудноватые и необычные дома, окруженные невысокими плетнями и небольшими клумбами. Они словно выросли в корни могучих многовековых ив, кроны которых затеняли дворы и огороды.

Были здесь обычные, на вид рубленые избы, а посередине деревни возвышались деревянные столбы с вырезанными на них ликами, скорее всего божеств.

Постройки примыкали к берегу не очень широкой реки. Жители этой странной деревеньки выглядывали из дверей и окон, провожая удивленными взглядами появившуюся в их поселке девушку с необычными сиренево-розовыми волосами. Кто-то прятал малых детей, опасаясь, что пришелица может оказаться злой колдуньей. За частоколом стояли еще деревянные столбы, с изображенными на них лицами. Как пояснила Ариша, это памятные столбы, на которых вырезались лица умерших, и находились они здесь оберегая потомков от лиха и сглаза.

Купальщицы вышли за частокол, проследовали вдоль речушки, до места, благоустроенного для помывки и стирки. Девушки шли без опаски босиком по земле и траве с плетеными из ивового прута бельевыми корзинами в руках и обмахивали загорелые лица, спасаясь от укусов комаров, пучками свежей прохладной травы или полевых цветов. Несколько девушек обернулись в желтых птиц и с щебетом полетели к реке. Пришелица ковыляла неуверенно, не привыкла она без туфелек по земле босой бегать.

Ольгу снова терзали мысли, куда она могла попасть. Возможно все это ей мерещится. А может это сон? Такой долгий, затянувшийся сон, только слишком реалистичный. А если не сон? Если она просто сошла с ума и это очередной бред, фантазия её воспаленного от болезни мозга. А может её в самом деле в секту затащили? Ну типа, любители природы, которые живут по старинке, без благ цивилизации. Но вот только в птиц сектанты не оборачиваются.

– И давно вы здесь живете? – задала она Арише наводящий вопрос.

– Всегда здесь жили.

Ответ оказался весьма неоднозначным, учитывая, что Арише на вид не более тринадцати лет.

– А вообще, поселок давно здесь? – уточнила Ольга.

– Давно, несколько веков уже. Видела какие у нас дома есть под деревьями, их очень давно построили. Представляешь, сколько таким могучим деревьям расти надо.

– Представляю, – согласилась Ольга. Но все же надежда на то, что это все нереально теплилась. Ну не может такого быть, что она попала в какой-то другой мир.

Вспоминая уроки выживания в школе, Ольга стала искать взглядом электровышки, прислушиваться к звукам, не загудит ли среди птичьего щебета привычный её слуху звук мотора автомобиля или трактора. Но нет, ничего похожего. Все слишком дико и естественно – пение птиц, стук дятла и хохот девушек.

«Так, не паниковать! Главное не паниковать!»

Они пришли к месту купания. Рядом с широкими, заросшими камышами, мостками стояли лавки, вырубленные из крупных бревен и перекладыны для сушки белья. Погода была прекрасная, жаркая, солнечные блики искрились на водной глади. Теплый ветерок задувал волосы на лоб. Ольга зашла на мостки, наклонилась и умыла лицо прохладной водой.

Корзины с грязным бельем остались на берегу, а девушки ринулись в нагретую солнцем воду, брызгаясь и визжа. Ольга раньше купалась в реке, только очень давно с деревенской ребятней, когда ездила с мамой в гости в деревню к бабушке Зое в Оренбургскую область. До смерти бабули, они гостили у неё каждое лето.

Чужачка стояла в стороне и наблюдала за обнаженными оборотками. Не могла отойти от шока. Среди них были в основном иволги, но встречались и иные виды ипостасей. На-

пример была среди них одна скворчиха и даже медведица. Девчонки уже всю плескались в воде, и резвились, играя в некоторое подобие догонялок. Еще несколько, превратившись в птиц, взлетали над водной гладью, потом ныряли в воду, обернувшись обратно. Ни одна из них даже и не думала стесняться своей наготы. Так она и сидела на мостках, любясь как её новые знакомые радовались летнему теплу. Потом, замерзнув, девушки выбрались на берег и мостки обсыхать под теплым летним солнцем.

Когда Ольга находилась на лоджии Красновых, было немного прохладно, осеннее небо покрывали свинцовые тучи и холодный ветерок пробирал до костей. А тут тепло, лето, как будто июнь или июль. Климат теплый, мягкий, но и не жаркий.

Девушки подозрительно шушукались и посматривали на Олю. Активнее всех в разговоре участвовала конопатая Ариша. Затем, сельчанки с визгом накинудись на Ольгу, стянули с неё мешковатое платье и столкнули в воду.

Ольга чуть не захлебнулась. Поплыла, кашляя от того, что наглоталась воды.

– Полоскайся лучше, а то смердит-то от тебя как от зверя дикого, – приговаривала мелкая зараза с веснушками.

Когда Ольга выбралась на мостки и стала выжимать промокшие волосы, Ариша подошла к своей корзине с бельём, всучила ей её розовый костюмчик кошечки и кусочек самодельного мыла.

– На, постирай!

Давно Ольга сама не стирала свои вещи, да еще мылом. Она растерянно посмотрела на скользкий обмылок и поморщилась. Маленькая зараза лишь посмеялась на неё.

– Эх ты, смотри и учись, – упрекнула Ариша, взяла у неё розовый лифчик, намочила его и принялась намыливать, распластав на доске мостка.

Девчонки живо окружили хозяйку невиданной одежды.

– Что это?

– Какие ушки? А зачем они нужны?

– А это на шапочки похоже? – посмеялась одна из девушек на лифчик покрутила его и бросила на мостки.

Ольга подняла мокрый лифчик и приложила к голой груди.

– Это вот сюда нужно одевать. Тогда у тебя к тридцати не будет грудь по коленкам стучать, поняла? – промолвила Ольга, а девушки захихикали.

Пришлица показывала деревенским жительницам принципы ношения эротического кошачьего костюма. Разрешила по очереди примерять костюмчик. Получилось забавно и даже смешно. Особенно девушек заинтересовал лифчик. Надо же такое придумать, специальная одежда для груди. Правда все же девицы так и не понимали важность нижнего женского белья. У них тут таких «благ цивилизации» не наблюдалось.

Ольга примеряла костюм на себя. Удивительное было для

местных обитательниц зрелище. Розовые ушки на фоне розово-фиолетовых волос Ольги смотрелись лучше, чем на рыхлых и светлых волосах других девушек.

Чужестранка одела лифчик, похожий на маечку с вырезом в форме кошачьей головы в области декольте.

– Давай меняться, Хельга, – предложила Ариша. – Ты мне эту одежду, а я тебе два, нет три платья за неё отдам.

– Нет, – покосилась на неё чужестранка. Девчонке тринадцати лет он все равно не нужен, а ей он служил напоминанием.

Ариша обиженно посмотрела на неё.

– Возьми и шей такой же. Сама, – нашла выход Ольга.

Девушки, судя по вышивкам на мешковатых платьях, здесь мастеровитые, таких могут вещей сделать, если, конечно им идею правильную подкинуть. Ариша пощупала мягкую ткань костюма.

– У нас такой нет.

– Другую возьми. Выкройку я тебе дам снять. Хочешь?

– И мне.

– И мне...

Девушки сначала робко, а потом наперебой начали просить у Ольги чудо-костюм, чтобы снять с него выкройку.

Их живая беседа, смех, эхом разносились по речному долу, доставала до самых темных омутов, спокойную поверхность которых покрывали заросли белых кувшинок. Рядом с мостками в воду спускались густые зеленые кроны ив с вы-

тянутыми листочками.

В кроне деревьев, над водой, раздался хруст. Вместе с веткой в воду слетел чей-то силуэт и со всплеском погрузился в глубину темного омута. Желтые кувшинки отбросило разошедшимися волнами в разные стороны. Когда ряска снова затянула поверхность, из воды показалась, голова парня. Он громко закашлялся, выплевывая попавшую ему в рот тину и сбросил с головы несколько желтеньких водных цветков.

– А, чтоб тебя! – с уст его слетело ещё несколько очень резких ругательств.

Девушки завизжали и бросились врассыпную, прикрывая руками свои обнаженные тела, разыскивая одежду, срывая сушившиеся на перекладах простыни.

– Опять он! – закричала Ариша и бросилась одевать платье.

Парень, видимо, не первый раз подглядывал за юными девицами, но сейчас выбрал для любимого занятия не совсем удачное место.

Несколько купальщиц, убегая, споткнулись и упали, перемазавшись в песке и иле. Многочисленные листочки, травинки, палочки легко приставали к влажной коже, запутывались в мокрых волосах. В сторону парня полетели палки, камни. Зазвучала отборная ругань.

Одна только Ольга ничуть не испугалась. Она выпрямилась в полный рост и смотрела на плывущего в их сторону хулигана.

Когда парень почувствовал под ногами дно и показался из воды наполовину, он напомним ей кикимору из сказки: весь облепленный и обвешанный густо-зелёной тиной. Девчонки успели обкидать лицо парня грязью, и оно стало сероватого цвета. Вот только глаза у этого нахала оказались необычно желтыми. Никогда прежде Ольга не видела таких странных и одновременно красивых глаз.

Она стояла, не двигаясь, в своём кошачьем комплекте и в упор смотрела на парня. Девушка совсем не боялась, не с такими еще нахалами справлялась. Кровь вскипела у неё в жилах и захотелось проучить этого наглеца. Как следует проучить! Будет знать, как подсматривать!

Парень решил не выходить на берег, а обойти и выбраться в другом месте, возможно он надеялся, что его не узнают из-за большого количества “маскировки”. Правда не учел, что Ольга не собиралась так просто его отпускать. Абсолютно не стесняясь своего полуголого вида, она схватила палку, помчалась за ним следом и несколько раз со всего маха огрела по спине и бросилась преследовать вдоль берега реки.

– А ну стой, тварина! Стой, кому говорят! – орала она и угрожающе замахивалась палкой.

Перебраться на другой берег парнишка не мог, там был крутой песчаный обрыв. А на этом берегу его преследовала полуголая, злая девушка с розовыми кошачьими ушами и с большой палкой в руках.

Она кричала ругательства, которые парень никогда рань-

ше не слышал. Да и вообще она много чего говорила в его сторону непонятного. Он смог бы с ней справиться, отбросить в сторону, к примеру, и убежать. Но наглость, смелость этой девицы просто его обескуражили.

За спиной Ольги послышались крики мужиков из деревни скивов. Наверняка толпа полуголых и орущих девиц навела шороху в Липовом доле, и мужики сорвались в погоню за мерзавцем, желая изловить его и наказать по совести.

– А ну стой, поди сюда! – раздался грозный оклик одного из мужиков.

Вот тут-то парень и рванул по-настоящему, что у него было сил, вдоль берега, обернулся росوماхой, и, выскочив на берег. Косматая спина оборотня замелькала среди кустов и низкой лесной поросли. Из-под когтистых лап зверя полетели куски мха и травы с корнями. Раздалось по лесу гулом громкое рычание.

Сейчас Ольга его догонять не посмела. Она стояла ошарашенная таким вот превращением. Слышала она рассказы о росумахах от прадедушки охотника. Зверь этот хоть и не сильно велик размером, но характером грозен. Боятся его многие обитатели лесов. Может он справится и прогнать прочь из своих владений, стаю волков, да и хозяин леса медведь побаивается этой большой куницы. А характер у зверя ой, какой сложный.

Но даже у этого зверя вряд ли получится сбежать от быстрых иволг. Мужики из поселка без колебаний помчались

вслед за грозным зверем и на ходу превращались в лесных птиц. Ворчание и пыхтение куницы смешалось со свистом нескольких иволг.

Ольга не видела погони, но слышала, как перекрикивались между собой птицы и как ломая бурелом, пыталась улизнуть бурая лесная зверюга.

Через полчаса из леса вышли пять мужиков. Один из них оказался плененным оборотнем-росомахой. Четверо его преследователей силком тащили парня к поселку, отвешивая пинки «для скорости» и подзатыльники для острастки. Теперь все они вели себя как обычные люди. Хотя и злобно ворчавшие.

Ольга надела платье и с несколькими девушками, отправилась следом за мужчинами в деревню. То, что парня изловят, сомнения ни у кого не возникало. А вот вопрос, что с ним дальше делать, встал остро.

Ольга теперь наблюдала и слушала, о чем говорили старожилы. От услышанного по её коже временами пробежал холодок. Да она, похоже, попала в деревню оборотней, которые превращались в желтых лесных птиц иволг. А этот парень родом из деревни оборотней-росомах. И хоть образы у этих людей были разными, и жили они в разных поселках, между ними была прочная связь, единые боги и законы.

Парня привели в деревню и привязали к позорному столбу на лобном месте, прямо напротив ликов пращуров. Чтобы те видели его позор вместе со всеми, и помогли свершиться

и истинному правосудию, и справедливости.

Вокруг собрался почти весь поселок. От малых сопливых деток, до скрюченных стариков. Всем хотелось глянуть на возмутителя покоя их дочерей. Пленник, похоже, свою вину осознал и теперь, понурив голову, смотрел на утопанную под столбом землю.

Пока оборотень-росомаха бегал по лесным зарослям, с него слетела вся тина, речная грязь и порвалась часть одежды. Рубаха превратилась в серо-зеленые лохмотья. С расщепленной губы на утопанную у столба землю капала кровь. Был он не малого роста, выше всех мужиков на целую голову, могуч и мускулист телом. Угрюмый взгляд говорил о том, что парень смелый и умел в нужную минуту взять себя в руки.

– Как твоё имя? – спросил у пленника, один из тех мужиков, что изловил его и приволок в деревню.

– Храбр, – ответил тот.

“Храбр,” – повторила про себя Ольга. Она вместе с Аришей, и другими девицами, детьми и стариками остались стоять на лобном месте, рядом с пленником и ожидая решения совета старейшин.

Вскоре, из деревни росомах, Зверинного полесья, для разбора спора, прибыла целая делегация со старейшиной Зораном во главе. Чувствовалось, что матушка-природа одарила Зорана недюжинным умом. Читалось это по его мудрому и пронизательному взгляду. Старик был немного сутулый,

поджарый. Его гладкий, блестящий лоб виднелся из-под седых прямых волос, длиною по плечи. То, что это был именно старейшина, Ольга поняла по деревянному резному посоху и длиной почти до самых пят рубахе, расшитой по краям и вороту зеленым растительным орнаментом.

Со старейшиной Зораном из Звериного полесья прибыли выручать провинившегося парня его отец, дядья и матушка. Отец Храбра, Татьмир, был коренастее своего сына и походил на степенный крепкоствольный дуб. Матушка Храбра Златоцвета, суховатая и живая женщина, с волнистыми морщинами на лбу, все время хваталась за голову и обращала беспокойный взор на мужа. Видно было, что её материнское сердце обливается кровью.

Староста Деян из деревни Липовый дол, в которой жил народ Иволг, а теперь и Ольга, встретил соседей на главной дороге. В отличие от старосты Росомах, Зорана, Деян был невелик ростом, пузатый, приземистый и краснощекий. Эдакий плешивый купчик с носом в форме картошки и в рубахе с набивным узором в мелкий черный горошек.

Таких вот деловых купчиков Ольга лицезрела на картинах Бориса Кустодиева в одном из провинциальных музеев Золотого кольца.

– Добре, Зоран Горыныч, давно мы с тобой не виделись, споры не решали, – поздоровался староста Звериного полесья, протянул правую руку для приветствия.

– Добре, Деян Добрыньевич, – приветливо ответил ему

плешивый староста Ивового Дола и пожал руку.

Для разбора спора и решения судьбы Храбра, главы семейств собрались в Сборной избе, отроков и детей выгнали на улицу, чтобы не мешали решать важный спор.

Соблюдая традиции, перед тем как рядить да судить, все собравшиеся в избе сделали из одной братины по глотку медового напитка и прочли очистительную молитву богам Яриле и Мокоши. Прибыл в избу и ведун Пересмысл, с травами для окуривания, чтобы призвать на судище души предков спорящих родов. Опросить свидетелей: духов, кикимор, да леших, что, по его мнению, видели все, что на реке происходило. После проведения церемоний и обрядов начали судить.

Деян Добрыньевич поднялся с лавки и первым взял слово:

– Парень ваш, что на реке устроил!

– Да ну будет вам. Дело то молодое! Глядишь и породнимся с вами этим летом, – сказал Татьмир.

Очевидно Татьмир решил отделаться, как говорится, малой кровью. Ему не хотелось ни платить за сына выкуп, ни оставлять его. Видимо он наивно полагал, что парню по молодости всё сойдёт с рук.

– Железом его заклеить, – предложил жестокое решение брат одной девушки.

– Правильно, – поддержала его какая-то визгливая баба с огромными грудями, – или глаз вон, чтоб думал впредь.

– Вы что – дикари что ли, как фаширазцы? – возмутился

староста Зоран. – Железом клеймить и калечить воров надо. Давайте по-хорошему договоримся. Наказание выберем такое, чтобы все довольны остались и никого при этом не калечить.

Народ скивов не имел привычки сравнивать, в качестве ругательства, друг друга с животными. Назвать недруга или плохого человека “животным”... да за такое можно и калечкой стать.

– Подсматривал за девицами – дело молодое. Возьмем штраф ульями с его родителей и разойдемся, – предложил Деян и добавил. – Взыскать штраф в десять ульев, не меньше!

Деян пчелок уважал, любил и штрафы, конечно, взыскивал ульями. Пчелки – это всегда для деревни родной хорошо. Медовухи больше можно сделать на продажу, да и себя попотчевать.

Тут в Соборную избу отворилась дверь, в неё без стука влетел перепуганный парнишка по имени Сява. В шапчонке и коротких штанишках, закричал во всеуслышание, тыкая пальцем в ту сторону, где стоял позорный столб с нарушителем покоя местных девок.

– Там это... Храбра, девка дикая... та, что с такими волосами... ох она его... а он... а люди вокруг... – парнишка вытирал рукавом рот, перепачканный черничным соком, и бормотал что-то нечленораздельное и все время давился слюной.

Родственники парня перепугались, что их кровиночку сделают калекой до окончания судилища. Староста иволг, Деян, запереживал, что теперь не получит он ульев для Ивового дола. И только родня обиженных девок с рвением одобрила поступок буянки с чудными волосами.

Глава 3. «Боевое» крещение

Все, кто был в Сборной избе, выбежали на улицу, посмотреть, что происходит. Позорный столб окружила толпа односельчан, которые не участвовали в судилище. Слышались крики и смех. Староста Деян растолкал людей и пробрался на лобное место, увидел, что Храбр, как и прежде, был привязан к столбу, но не оставлял отчаянных попыток вырваться на свободу. Парень покраснел, как рак, и гневно сжимал зубы.

Перед ним стояла та, которую звали здесь Хельга, и с ехидной улыбкой, ласковым голосом говорила такие вещи, о которых стыдно даже думать, а не то, чтобы произносить на народном сходе.

– Чего ж ты там подглядывал? Или коротковат у тебя пока, чтоб девок до дома провожать? – девушка показала парню согнутый мизинчик.

Народ весело воспринял сравнение мужского достоинства с самым маленьким согнутым пальчиком. От такой обидной провокации, привязанный к столбу Храбр разодрал кожу в кровь об грубые, но крепкие веревки. Хорошо, что его привязали, а то не миновать и беды.

– Ну так, если коротковат, дак тебе любая девушка скажет: “Сиди дома, да отращивай!” Говорят, хрен тертый с расолом помогает при таком несчастье. Натирай да приклады-

вай! – продолжала издеваться Ольга.

Собравшийся народ снова принялся улюлюкать над парнем. А посрамленные его подглядыванием девушки краснели, но улыбались.

Розоволосая Хельга не унималась, оставляя на самолюбии парня все новые раны. Вряд ли такой эффект был бы от наказания сдирающей кожу плетью. Душевные раны гораздо больнее. Они не заживают годами, а иногда и до конца жизни. В минуты уединения эти раны дают о себе знать, заставляя вновь и вновь переживать унижение.

– А как отрастет, ты главное не трогай его лишний раз. А то, глядишь, и девки тебе уже не понравятся... – девушка вошла в раж. Она ходила вокруг столба, смеялась и все время показывала ему, дразня, согнутый мизинец.

Толпа затихла.

– Хватит, Хельга, еще слово, и ты встанешь на место Храбра! – послышался из толпы народа голос ведуна Перемысла. Старик своим видом источал ауру благоговейного ужаса. Девушка мгновенно прикусила язык под его нестерпимо тяжелым взглядом.

Хоть нарушительница покоя и замолчала, селяне, после недолгой паузы, продолжили улюлюкать над парнем.

Хельга виновато потупив взгляд опустила голову, чувствуя, что все-таки, как говорится, своими обидными изречениями «перегнула палку». Слепая ярость и жажда мести застилала ей глаза, и в этот момент не было видно той чер-

ты, которую переступать не стоило. Но она с легкостью её перешла.

Пересмысл, проигнорировав старосту и родителей парня, сложил руки на груди и вынес окончательный вердикт:

– Всыпать ему сто двадцать розг. По десять за каждую по-срамленную девушку.

Судя по тому, что перечить ему никто не стал, именно он являлся бесспорным авторитетом у всех жителей в деревне. Ивовый дол, в отличие от старосты Деяна, который такового только изображал.

– Дед Пересмысл, дак нас тринадцать было, это сто тридцать розг получается? – подметила веснушчатая Ариша, высчитывая количество ударов на пальцах.

– Хельга уже за себя воздала, даже с лихвой, так что, похорошему, и ей пяток розг на сдачу дать не было бы лишним.

Хельга испуганно уставилась на старика. Мужики из деревни Иволг отвязали Храбра от столба, приволокли козлы для распилки дров и распластали парня на них. Содрали с него остатки разорванной рубахи, закрепили веревками руки и ноги.

Матушка Храбра, Златоцвета, кусала при этом костяшки своих сухоньких пальцев, еле сдерживая крики. Ее супруг, Татьмир, смотрел на экзекуцию сына с каменным выражением лица, видимо понимал – заслужил парень.

Привести приговор ведуна в исполнение вызвался один лихой и крепкий мужчина. Рука у такого точно не дрогнет.

Специально для него несколько отроков нарежали пучки ивовых хлестких и гибких прутьев.

Мужик взялся за порку росомахи с пристрастием. Хлесткие прутья со свистом рассекали воздух, оставляя на спине Храбра красные полосы. Их вскоре стало столько, что на спине не осталось ни единого целого кусочка кожи. Парень сначала держался, потом начал превращаться в росомаху; рычал, скулил, как побитая собака, шипел и огрызался.

Златоцвета от такого зрелища лишилась чувств. Её подхватили братья и не дали рухнуть на землю. Татьмир сурово молчал, но взгляда не отвел. Остальной народ смотрел на расправу спокойно. Старухи показывали непослушным детям на наказание и стращали их. Некоторые мужики смотрели на парня с презрением. Хельга хотела отвернуться, ей стало жаль Храбра. Пересмысл не позволил.

– Смотри! – сказал ей ведун и силой развернул её лицом к месту наказания.

Когда наконец парню воздали по заслугам, отвязали от козел, родственники Храбра подхватили его и отвели в сторону. Ведун, он же и целитель, предложил промыть парню раны. На что получил резкий отказ от оскорбленных росомах. Впрочем, сказать что-то резкое Пересмыслу никто не осмелился.

Старейшина росомах задержался в Ивовом долу. Ему требовалось решить со старостой Деяном важные дела: сторговаться на счет цен, на мёд осенью.

Ольга вместе с Ведуном всё еще топтались у окровавленных козел. Какая-то баба отмывала козлы водой из ведра, которую таскал ей из реки пацанёнок Сява.

Ольга и Пересмысл понуро провожали жителей из деревни росомах взглядами.

Как-то не по-человечески поступила Ольга с парнем-оборотнем и теперь, осознав это, терзалась угрызениями совести. В её-то мире такие выходки иногда и мимо ушей пропускают, а здесь за такое могут отомстить или кровно обидеться. Она не сразу поняла это и теперь жалела о содеянном.

– Знаешь, дед, если этот вайерист мне отомстит, я, пожалуй, пойму, – сказала она старику-птице теребя подбородок.

– Повезло тебе, что ты девка, за такое тебя могли на поединок вызвать, – ответил Пересмысл. Он продолжал сердиться на неё, но все же понимал, что девушка могла не знать местных устоев и жизни.

Как полагалось, старосты двух деревень, стоявшие неподалеку, начали справляться о здоровье и благополучии родственников.

– Как ваши поживают, все ли живы и здоровы? – справился у Зорана Горыныча, Деян.

– Слава Семерым, все живы, вот только не все здоровы, – ответил староста Росомах.

– Чего так?

– Да тесть младший, Боровик, коликой мучается. Сильно

мучается.

Их разговор заинтересовал Пересмысла, стоявшего неподалеку. Он все же Ведун, а стало быть и целитель. Его кустистые брови слегка приподнялись.

– А где, у вашего тестя колика?

– В кишках, кажись. Все за бок правый держится, не похоже на колику, – Зоран показал на себе, где именно болело у его тестя.

Увидев эти жесты к ним подросла и Ольга или, как её все теперь называли, Хельга.

– А сильные боли в боку-то? – спросила она у Зорана и уставилась на него, жмурясь от солнца.

Староста от такой наглости поперхнулся.

– Я на врача училась. Разбираюсь немного.

– Что?

– Ну, на лекаря. Терапевта. Очень уж по описанию вашему все это похоже на абсцесс.

Пересмысл и Деян переглянулись.

– Ты, Хельга, объясни, что такое абсцесс, и что за такой терапевт, – попросил Пересмысл.

– Терапевт, это диагност... Не важно, одно, что лекарь и всё... Воспаление у вашего Боровика и, похоже, воспаление аппендикса, – почесала в затылке новая и странная жительница деревни Иволг.

– Апенди... что? – попытался повторить староста Зоран.

– В общем, воспаление рудиментарного отростка в ки-

печнике. Надеюсь не гнойный, – пыталась объяснить Ольга. Она взяла прутик и начала чертить на песке под ногами пищеварительную систему человека. – Вот это кишечник, это, как раз аппендикс, если он воспалился и его не удалить, то каюк вашему тестю любимому!

Три умудренных жизненным опытом человека вытаращив глаза смотрели на юницу, которой были известны тайны неведомые им ранее.

– Внутриутробный гнойник неизлечим. И если с человеком такое приключилось, дня три-четыре ему мучиться осталось. Как я вам сочувствую, уважаемый Зоран, – уголки губ Пересмысла опустились вниз.

Ольга мысленно усмехнулась на них:

– Его можно удалить и спасти вашего тестя. Вот если бы глянуть мне, – произнесла девушка и затерла рисунок на песке ступнёй.

– Ну что, Зоран Горыныч, позволъ-ка глянуть нам на больного. Хельга чужая, у них может и лечат такое, – как можно добрее попросил Пересмысл. Старик не был лишён любознательности и понаблюдать за терапевтом из другого мира ему не терпелось. А что до больного, дак ему уже ничего не поможет.

– Жалко мне что ли, гляньте, коль так хотите. Да только наш лекарь ничего сделать не может, а вот чем эта девушка поможет? – недоумевал Зоран, немного надменно посматривая на странную чудачку с необычным цветом волос.

– Помогу – чем смогу! – ответила за себя Ольга.

Решив все дела и завершив переговоры, Зоран Горыныч отправился домой в Звериное полесье, прихватив с собой двух лекарей из Ивового дола. Они пошли коротким путём, по тропе через сосновую рощу. Тропа была усыпана жухлыми иглами и шишками. Ольга иногда наступала на шишки босыми ступнями и ойкала. Зоран шустро шёл впереди. У старика на ногах были удобные тапки плетенные из лыка. Пятки Ведуна Пересмысла были грубее Ольгиных. Старикан привык без обуви ходить. А вот Ольга все время спотыкалась и ощущала, как её ступни кололи опавшие сосновые иглы.

– Если ты и взаправду училась на лекаря, то это похвально, целители они всегда нужны. Вот ведовству чуток подучиться, – тихо сказал ей Пересмысл. – Ох, и чудна ты, девка!

– Ага, только танцев с бубном мне и не хватает! – поморщилась Ольга и в очередной раз ойкнула и остановилась, чтобы отряхнуть пятки. – Не Ивовый дол, а Деревня дураков какая-то.

Пересмысл поджал губы и затряс бородой.

– Ты, девка, за языком-то следи, а то глядишь и вырвут его!

– Ладно дед, не бери в голову. Это я сгоряча...

– Чего там топчитесь? – окликнул староста Зоран, отошедший достаточно далеко. Голос его эхом разнесся среди красно-коричневых сосновых стволов. – Поторопитесь, мы

не гулять идем.

Ольга заметила в низенькой траве несколько кустов земляники с красными ягодами и помчалась их собирать. Мешковатое платье развевалось на ней, как парус. Жадным взглядом она искала любимое лакомство.

– Хельга, пошли, кому сказали. Тебя сам староста дожидается, – поторопил раздраженно Пересмысл. – Что за дурёха, там человек помирает, а она ягоды ищет.

– Подождет... – прошептала недовольно девушка под нос, но увидев, как густые брови у Пересмысла поползли вверх, ответила: – Иду, деда, иду!

Наконец они подоспели к деревне росомах, Звериному полесью. Деревня немногим отличалась от деревни Иволг. Такие же дома-землянки, только не под липами, а под бу-ро-красных витиеватыми соснами.

Памятные столбы на окраине с вырезанными на них лицами почивших предков. Частокола вокруг деревни не оказалось. Видимо, росомахи не боялись никаких набегов. Хотя по оценке Ольги, Звериное полесье было поменьше, чем Ивовый дол. Мужики у росомах все как на подбор оказались крупными и плечистыми. К тому же еще и молчаливыми. Все мужское население превращалось в росомах, а вот их жены, могли иметь и иную звериную или птичью ипостась. Как пояснил Пересмысл, образ предка передается только по мужской линии.

Дом Боровика отличался от остальных домов поселка наличниками с ажурной, как кружева, резьбой. Высокое крыльцо чисто выметено. На ступенях крыльца сидела бледная молодая женщина, обнимала двух детей почти одинакового возраста в длинных рубашонках. На лице у неё читалось отчаянье и страх. Похоже она пыталась смириться с мыслью о скорой смерти мужа.

Несколько мужчин подошли к избе и пялились на Ольгу. И пялились как-то недобро. Наверное, им рассказали в красках о её насмешке над Храбром. Но вот при старосте Зоране никто задираться не смел. Да и с ведуном связываться тоже не каждый смельчак посмеет. Хотя, наверняка им этого очень хотелось.

– Ты, Хельга, далеко от меня не отходи, – предупредил ведун девушку.

Спутники переступили порог дома и прошли в светлую горницу избы. Ольга подивилась, как все было устроено в ней уютно и просто. Лавки по стенам, устланные полотенцами с зелеными кружевами по краям. Беленая и расписанная разными травянистыми узорами печь. Больной лежал в отдельной комнате на деревянной кровати с резными каретками, укутанный по самый нос, и смотрел отчаянно в потолок. Глаза его были чуть прикрыты, он тяжело дышал.

– Здравствуй, сват, вот привел к тебе целителей, – сказал староста и мотнул в сторону Пересмысла и девушки.

Ольга тихо поздоровалась с больным, но он не ответил,

только чуть приоткрыл глаза, посмотрел на неё и снова закрыл их. Рядом с кроватью девушка заметила бадью.

– Так, тошнит? – спросила она больного Боровика.

– Да, все время тошнит – ответил за него Зоран. – И живот болит, точно режут его.

Ольга подошла к Боровику, откинула одеяло. У больного и пощупала живот. Тот вскрикнул и дернулся, пышная борода сползла набок.

– Точно, аппендицит, – заключила Ольга. – Придется вырезать.

– Ой, – вздохнул родственник. Больному же было все равно.

– Или готовьте еще дерево на новый тотем для усопшего! – заключила девушка и забрала розовые волосы в тугой хвостик на затылке и принялась ощупывать живот больного со всех сторон.

Пересмысл присел на край кровати и внимательно наблюдал за манипуляциями девушки. Зоран, стоя в стороне, поглаживал свою бороду.

Закончив осмотр, Ольга повернулась к Пересмыслу и быстро затараторила:

– Нужен нож, маленький, но самый острый и крепкое вино.

– Ну что же, Зоран доставай свою прошлогоднюю медовуху, – кивнул ведун старосте. Тот поджал губы, однако спорить не стал и, побледнев, вышел из горницы.

Но Ольга на этом не остановилась:

– А еще побольше чистых тряпок и горячей кипяченой воды.

– Не повитуха ли ты? Уж очень этот набор похож на тот, что нужен роженице!

Ольга не обратила внимание на замечание Зорана и направилась к столу в горнице и начала его двигать, скидывая с него посуду, приготовленную для обеда.

– Что ты творишь? – возмутился было Зоран, но Пересмысл остановил его жестом.

– Что тебе еще надо, Хельга? – уточнил ведун.

– Свечи, много свечей, нитки, иглу и помощника!

– Помощником я буду! – вызвался старик-ведун, который еще пару часов назад хотел приказать выпороть наглуую девицу.

Зоран позвал невестку Боровика Милану и потребовал у неё предоставить целителям все, что они попросят. Женщина побежала звать себе на помощь мужа и деверя.

Комнату убрали, приготовили стол, постелив на него чистую скатерть, принесли свечи и вскипяченную на летней дровяной печи во дворе дома горячую воду.

В горницу сбежались родственники Боровика: дочери, выданные замуж и живущие по соседству, внуки, братья, еще пара сыновей, старуха-жена, которая услышав, что её мужа собираются ножом зарезать, бросила стирку и примчалась в дом.

Ольга почувствовала, что смотрят они на неё сейчас, как на мясника, который пытается заколоть поросенка.

– Ты что, старый из ума выжил совсем, – запричитала жалостливо жена Боровика обращаясь к Пересмыслу. – Эта зараза с розовыми волосами мужа моего зарезать живьем задумала! Уж дайте умереть-то ему по-человечьи.

– Что ты, ерунду, сватья, городишь? При живом муже!!! – остановил её Зоран Горыныч, повысив голос и глянув свысока.

Ведун Пересмысл занервничал и обратился к Ольге с тем вопросом, которого она боялась:

– Знаешь ли точно, что делаешь, Хельга?

Ольга дернула плечами и ответила:

– А что будет, если я не вмешаюсь?

– Помрет.

– А так, может, и не помрет. Мук ему в любом случае не избежать. А теперь есть шанс выжить.

– Все слышали? – добавил к её словам Зоран Горыныч и хмуρο глянул.

Родня страдальца снова запричитала, но послушаться, хоть и родственника, но все же старосту не смела.

Ольга сурово глянула на народ и нагло вытолкала всех за порог. Последним из горницы вышел Зоран Горыныч.

– Сейчас бы музыку, – заворчала целительница с розовыми волосами на родственников Боровика, потом обратилась к тем, кто принес ей ткань и горячую воду. – Мне понадо-

бится кипяток каждые полчаса. И не халтурить – кипятить. Если будете просто греть – умрет, так и знайте!

– Слышали?! – окликнул родню Зоран Горыныч. – Я сам лично за этим прослежу.

Дверь закрылась перед носом обеспокоенной родни, что дало ей дополнительный повод поахать и поохать.

Ольга смекнула, что с таким рвением родственники не просто проследят за тем, что все будет сделано как нужно, но и воду теперь точно трижды прокипятят.

– Ничего, справимся, – повернулась Ольга лицом к нервно мявшему бороду Пересмыслу. Хотела бы и она сама быть такой уверенной. Но что она могла сказать им? Что знает операцию только по страницам учебника, а сама учится на третьем курсе? Тогда парня точно закопают, или сожрут. Ольга не знала, как принято у них тут.

Болезный вдруг зашевелился и застонал, увидев нож нитки и все приготовления:

– Ой не надо, за что же мне такие муки...

Ольга почесала в затылке и с пониманием посмотрела на Боровика.

– Дед, так он от болевого шока загнетса, даже если привязать. И у меня рука дрогнет. Грибочки есть?

– Грибочки? – не понял старик.

– Ну, что ты ешь для допинга? Мухоморы? Поганки? Ложные опята?

Старик прозрел и кивнул. В один момент обернулся жел-

той птицей. Ольга отворила окно и выпустила его.

Она давно поняла причину того, почему попала сюда в этот мир. Её будущая свекровка, Марина Олеговна, не стала мириться с взбалмошной и своенравной девчонкой, поэтому, видимо, решила отравить ее грибами, зная слабость к простым деликатесам. А потом оправдаться, не знали, мол, что грибы ядовитые, купили такие, думали маслята. Вышло, что Ольга не умерла, а попала сюда. Или всё-таки умерла? Но она сейчас прекрасно осознавала себя, у неё было тело, такое же, как и раньше, и оно не изменилась. Только вот где сейчас она была, еще не до конца представляла.

«Где же ты, Лео, что сейчас без меня делаешь. Ищешь утешение в объятиях другой!»

– Ольга помотала головой, с силой избавляясь от таких крамольных мыслей.

Птица вернулась через десять минут с пучком сухих грибов в клюве и снова обернулась в старика.

– Держи, Хельга, желчный гриб – он для крепкого сна, суток на пятеро. Волоконница – для прохода в мир Теней и паутинник – без него не вернуться обратно.

– Лео с дружками за такую коллекцию допинга все отдал бы, – вслух подумала свои мысли Ольга.

– Нельзя грибы давать не ведунам! – запротестовал старик, но быстро смирился.

– А ты будешь резать живого, кричащего человека? – Ольга начала уже психовать.

Ее окончательно доконали все эти условности и закрытость к новшествам. В конце концов, мужик всё равно умрет, если не от отравления галлюциногенными грибами, то от ножа или инфекции занесенной в рану. Чем это лучше разорвавшегося внутри аппендицита? Все всё понимали и, все же, старались стукнуть ей по рукам. Неужели она единственная, кто хочет спасти этого человека, хоть и не знает его?

Еще раз ведун перечить не решился, лишь плюнул под ноги.

– Так, чистоту соблюдаем! – сделала замечание старику девушка, голосом прокурора на допросе.

Дедок чуть не подавился и прикрыл рот ладонью.

Ольга взяла глиняную плошку с полки за печкой, накрошила в неё сушеных грибов и залила медовухой. В другую плошку налила медовухи для обработки ножа и ниток с иголкой. Медовухи девушка потратила малую часть, оставив в сохранности добрые полбутыля.

– Все закончим – вместе разопьем! – подмигнула юная целительница, стараясь сбросить напряжение, которое, словно электрическое поле, витало в воздухе. Она старалась говорить увереннее, нервотрепки ей и самой хватит, нечего старика до инфаркта доводить.

Они помогли Боровику подняться с кровати и дойти до стола. Мужик не сильно упирался, но лицо у него было мертвецки-бледным и покрыто липким потом, словно маслом. Потом лекари положили его на столешницу, устланную чи-

стой тканью.

Мухоморы с медовухой мужик выпил залпом.

Вместо медицинских халатов целители переоделись в чистые исподние рубахи до пят. Притом, Ольга переделалась прямо тут же, непривычно не стесняясь присутствия старика.

– Слышал сказки про мертвую и живую воду? – спросила она у старика-птицы.

Пересмысл мотнул головой:

– Есть сказание, “Про хозяйку мертвой и живой воды”

– Дак вот, мертвая вода – исцеляет... убивает гниль, затягивает раны, создает эту стерильность...

Пересмысл, конечно, ничего не понял, но видимо сделал в голове какие-то странные заключения.

– Дак ты, стало быть, та самая хозяйка?!

– Хозяйка – хозяйка. Продезинфицировать надо. Вот, что я имею в виду.

– Что сделать?

– Протереть живот надо спирт.....медовухой, – опомнилась Ольга. – Дед, слышишь, помогай! Ты у меня за медсестру сейчас.

– За чью сестру?

– Короче, дед делай что говорю, – ворчала недовольно девушка и примерялась где будет делать разрез.

Пересмысл насупился, сдвинул брови.

– Ты, поаккуратней, я все же уважаемый человек, как-ни-

как...

– Давай, уважаемый, помогай! Если Боровик «отъедет», то уважать тебя будет на одного меньше! – скрипнула зубами целительница и, наконец, наметила место разреза. Вроде у трупов аппендикс был именно там. Заодно и проверим...

Пересмысл выполнил поручение со всей ответственностью. Надо сказать, оказался он не из брезгливых. Да уж, решил стать врачом – терпи кровь и дерьмо! Так, кажется, пытался отчим отговорить Олю поступать на медицинский...

Спустя два часа.

Ольга, ничуть не стесняясь старика, уселась по-турецки на пол рядом с импровизированном хирургическим столом, на котором сном младенца спал пациент. У больного на животе виднелся только что заштопанный красными шелковыми нитками разрез.

Между стариком в одной исподней рубаше и розововолодой девушкой стояла бутылка янтарной, слегка мутной медовухи и всего одна глиняная кружка, второй, увы, не нашлось, как и закуски. Поэтому они снимали напряжение «на сухую». И только сейчас Ольгу начало трясти от нервов. Она только что сама сделала операцию. Главное, не искалечила, не зарезала, а именно спасла человека. По крайней мере, он пока дышит.

У Боровика поднялась температура, но его лицо уже не

было покрыто тем липким нездоровым потом – это обнадеживало.

Снаружи дома слышался негромкий, но постоянный гомон. Видимо, несмотря на поздний час, в деревне вряд ли кто-то спал. Сейчас, наверное, половина местных жителей собралась возле дома и обсуждала, что происходит внутри избы. Только вот выходить на улицу не хотелось, было только одно желание – напиться и лечь рядом с пациентом. Сегодня Ольга пережила слишком много.

Глава 4. Первые капли

Ольге пришлось остаться жить в деревне Звериное поле-сье. За больным нужно присматривать и защищать его от родственничков, которые понятия не имели как за ним ухаживать и словно поставили для себя задачу – доконать больного. Староста Зоран выделил девушке отдельную избу. На высоком сухом месте, недалеко от своего дома, в тени гигантской сосны. Ольга начала постепенно обживать новое жилище. К ней в дом перенесли и Боровика, чтобы был под её присмотром.

Старый ведун Пересмысл не давал Ольге повода соскучится. Навещал свою ученицу и учительницу каждый день, ближе к полудню. Заодно приносил домашней еды, в которой, кстати, у неё надобности не было.

Слишком обеспокоенные комфортным житием Боровика в доме Хельги родственники, в упор не слышали её рекомендации: в первые дни после операции не кормить его ничем, кроме костного бульона и нежирного кипяченого молока. Несли в избу целительницы продукты. Притом пытались накормить страдальца самым вкусным, пирогами, сметаной, копченой рыбой. Один, даже половину жаренного поросенка принес. Вот и пришлось девушке отдуваться за него, пока все не испортилось.

Новый дом оказался слишком просторным, с нескольки-

ми горницами, сеновалом и двором для скотины. Правда был один недостаток – изба Боровика была по соседству, поэтому в окна целительницы часто заглядывали его дети, жена и сам староста – Зоран Горыныч.

“Недурно бы обзавестись занавесками!” – подумала Ольга, увидев в окне очередное любопытное лицо.

Деревня росамах Звериное полесье была больше Липового дола раза в полтора. Ольга наблюдала в окна, как мимо ее нового жилища то и дело проходила толпа народа в местных колоритных одеждах с зеленой вышивкой и кружевами по воротам рубах и платьев. Пробегали играющие в догонялки дети с соломенными волосами. Они часто носились возле памятных столбов с ликами предков. Женщины хлопотали по хозяйству, пропалывали огороды, посуду мыли прямо на улице.

Могучие вековые сосны с толстыми стволами и земляками среди корней стояли повсюду, в солнечный день тени от их вечнозеленых ветвей расплзлась по всей деревне. А под ногами и на тропах валялась масса сосновых иголок. Живительное и ласковое солнце заглядывало в обращенные на восток в окна дома целительницы только с утра. Потом в избе снова становилось сумрачно. Иногда даже приходилось пользоваться лучиной. А еще Ольге порой невыносимо хотелось закурить, но табака скивы не знали. Оно может и к лучшему, ведь девушка давно пыталась бросить эту привычку.

Боровик все время собирался отправиться к предкам,

притом по поводу и без такового. Если Ольга осматривала швы и случайно задевала рану, он охал и говорил, что ему, приходит конец. Спустя пару дней, больной и вовсе набаловался донельзя, и собирался на свидания к пращурам даже тогда, когда у него просто портилось от чего-то настроение.

Как говориться, старость не радость...

В Оренбурге, в том мире, где прежде жила Ольга, сорокалетний мужчина не считался пожилым.

Пришлось девушке полностью окунуться в ощущение жительницы давно минувших веков. Самой хаживать за водой к общему колодцу находившемуся в северной стороне деревни. Обитатели Звериного полесья косились на неё, а некоторые даже откровенно пялились, чуя в ней чужачку.

Однажды у колодца Ольга встретила странного парня, который сразу выделялся на фоне остальных мужиков-росомах своей щуплостью и нескладной фигурой. Руки и одежда у него были перемазаны светло-коричневой глиной. Это оказался местный гончар. Он сам носил воду в свою мастерскую, которая располагалась шагах в двадцати от того места, где обычно вся деревня пополняла запасы воды.

Первый раз они с Ольгой чуть не столкнулись на одной тропинке. Оба, видимо, витали в этот момент каждый в своих мыслях. На следующее утро повстречавшись у колодца поздоровались.

– Меня зовут Лан. Я гончар, – несмело представился парень. – А ты Хельга – целительница. Я о тебе много разговоров слышал. Удивительно, о таких способах лечения, как резать ножом, я читал у Мадьях, но вот чтобы их кто-то делал...

Ольга почему-то сразу прониклась к парню симпатией. Все местные мужики, обычно на неё посматривали либо с вожделением, либо с опаской, а этот скорее с точки зрения научного интереса. К тому же, странно встретить в этой глуши читающего человека, точнее оборотня.

– Приятно познакомиться, Лан, а у тебя книги есть по медицине? – поинтересовалась девушка.

– Есть, у меня много книг, – похвастался парень, буквально чуть не сияя от радости. – Я каждый год в Китеже на книги почти все заработанное спускаю.

От того, что знаменитая на всю деревню Хельга обратила на него внимание, парень сильно смутился и краснел.

– Заходи вечерком на чай, – пригласила Ольга.

– На чай? – удивился парень слову “чай”. В этих местах вместо чая готовили отвары с добавлением трав и разных ягод. От такого предложения росомаха слегка замешкался.

– Я ведь здесь никого не знаю, составишь мне компанию, поговорим. Мой больной хоть и идет на поправку семимильными шагами, а все больше молчит и спит все время. Да и по возрасту он мне в отцы годится. Приходи, – приглашала девушка и приветливо смотрела на гончара.

– Приду, – парень раскраснелся и засмутился еще сильнее. – Сегодня вечером.

– “Отлично, – обрадовалась Ольга. – Хоть сегодня не придется ложиться спать с заходом солнца”

Нет, ну конечно у девушки были и другие варианты с кем скоротать вечер, например, с племянником старосты Сомом. Тупым как полено и здоровенным, словно медведь. Тот просто проходу ей не давал. Чуть свет, и чьи-то знакомые, оттопыренные уши уже видны в окне и тень от них падала на половицы у окна, напротив которого стояла кровать целительницы. А иногда покажется в окне и морда росомахи с такими же знакомыми ушками торчком. Так и зайкой стать недолго!

И Зоран Горыныч зачастил к любимому свату с племянником Сомом на пару. И все подозрительно нахваливал его. Что он и добрый, и обходительный, да и вообще мужик крепкий. Сосватать видно вздумал?

Ольга весело улыбнулась.

– Заходи, обязательно, – настояла она и пошла обратно к своей избе.

Вечером гончар Лан пришел в гости и притащил берестяной короб, наполненный разнообразными книгами. Было видно, что он волновался: путал слова.

Ольга совсем забыла, что позвала его в гости: забот за прошедший день у неё было много. Услышав историю об исцелении Боровика, к ней стали приходиться жители деревни росомах и просить помощи. У кого зуб заныл, у кого ломило

ноги. Был один пациент с сифилисом, но этого она сразу послала куда подальше. Такие болячки она не станет лечить. Поэтому забыла, что пригласила Лана и даже воды для чая не вскипятила.

Это ничуть не смутило гостя. Лан вытряхнул из короба книги в кожаных тисненых переплетах, некоторые с золочеными вензелями по корешкам. Такой книжной коллекции позавидовали бы многие антиквары и любители старинных фолиантов.

– Вот думал, что с собой взять и решил, что это то, что надо! – довольно хвастался гость.

Ольга рассмотрела принесенные фолианты в кожаных обложках, с толстой то желтоватой, то немного голубоватой бумагой. Удивительно, откуда у гончара такая коллекция? Здесь были труды по медицине, справочник по болезням и лекарственным травам. Да за такое Пересмысл бы руку отдал.

– А зачем ты все это собираешь, Лан?

– Через книги я могу проникнуть в думы великих философов, что жили века назад, или прочесть о странах, куда никогда не попаду.

– Мечтатель, значит.

– А ты не мечтаешь попасть в другой мир, вырвавшись из оков быта, что как кабала и деньщина заставляют проживать жизнь за брэнной рутинной? Горшки эти, к ляду все это...

– Так я и вырвалась. Вернее, вырвали.

– Не туда ты вырвалась, Хельга.

– Везде хорошо где нас нет, – подвела итог Ольга.

– Наверное.., – согласился парень.

– Нет, ты не понял, это выражение такое, оно значит, что человеку всегда кажется, что где-то в другом месте ему будет лучше, чем сейчас. Правда – это не всегда так.

Так, слово за слово и засиделись они до рассвета. Чтобы не беспокоить больного, перебрались на улицу и сели во дворе на поленницу с кружками горячего отвара или, как его упрямо называла Ольга, чая. Закутались в шерстяные одеяла – ведь несмотря на лето, ночью прохладно. Лан рассказывал Ольге про мироустройство, что сам знал и что прочитал в своих книгах.

Про народы, их религии, особенности и нрав. Сейчас Лан являлся для неё своего рода тверским купцом и средневековым путешественником первооткрывателем – Афанасием Никитиным, который побывал в разных странах и теперь рассказывал о своих путешествиях. Хотя Лан просто много читал.

Ольга узнала о существовании северных демгердов, которые славились своими огненно-рыжими бородами, ростом и были Великими мастерами кузнечного дела и других ремесел. Про довольно надменных аркрумцев, взявшихся обуздать тонкие грани искусства магии, раскрыть и составить витиеватые алхимические формулы и механические схемы. Про южные народы с дальнего и разгоряченного солнцем ма-

терика Фашираз, кожа которых цвета мореного дуба. Фаширазцы поставляющих на продажу кристаллы, дающие возможность использовать магию тем, кого обидела природа.

На следующий день, вечером, Лан снова пришел в гости к Ольге, чему она была очень рада. Мало кто мог рассказать ей столько, сколько знал этот парень. И снова они просидели за разговорами до первых петухов. Боровик иногда крутился неподалеку, слушая чудные рассказы гончара краем уха. Правда надолго его не хватало, и он уходил спать.

Время шло, больной поправлялся, и Ольге уже можно было возвращаться обратно в Липовый дол. Она сняла с раны Боровика швы и, понаблюдав за ним еще пару дней, сказала, что тот может возвращаться домой. Мужик обрадовался, а вот целительница не очень. Так как за это время в Зверином полесье у неё появился, наконец, верный друг и интересный собеседник.

Когда тесть Зорана Горыныча, Боровик, торжественно отбыл к родне на поруки, Ольга посетила лавку гончара Лана. Мастер как раз раскручивал с помощью педали и какого-то механизма большой гончарный круг и придавал форму огромному кувшину. Пол в мастерской земляной. Лан работал, раздевшись по пояс и босиком.

– Здравствуй, Лан, – поздоровалась девушка, зайдя в мастерскую, где было не так светло, как на улице, и пахло сыростью.

– Хельга, здравствуй, – поздоровался парнишка и вытер

пот со лба, перепачкав его красноватой глиной. – Я рад, что ты навестила меня. – Но парень не отрывался от комка глины, постепенно обретавшего форму.

– Больной-то мой выздоровел, теперь я возвратиться, вроде как могу. Вот только думаю здесь остаться. В Липовом доле целитель и так есть, а я здесь больше пригожусь. Что скажешь на это?

Парень заулыбался.

– Нечего и раздумывать – оставайся. Мне всё не скучно и староста, думаю не против будет.

– Ко мне теперь народ идет за лечением. Все в основном переломы, да разные порезы. Спирта не хватает.

Лан остановил гончарный круг.

– А это что такое?

– Как, ты не знаешь? Этиловый спирт. Только вот нужен перегонный куб. Сможешь сделать?

– Гончар вытер руки о бока:

– Нарисуешь? И объяснишь зачем, попробую.

Ольга нашла под ногами плоский и продолговатый камушек и стала рисовать прямо на земляном полу мастерской.

– Нужен вот такой сосуд, чтобы его на огне подогреть можно и змеевик, и ещё один сосуд.

Парень подошел к рисунку, почесал в затылке и сказал:

– Два сосуда я тебе сделаю, а вот змеевик...

– Ну это трубочка, изогнутая спиралью, металлическая.

– Тут кузнец нужен. Хороший кузнец, – сделал вывод Лан.

– Есть у вас такой в Зверином полесье?

– Есть, – посмеялся про себя гончар. – Только вот согласится ли...

– А где его мастерская? Сейчас мы у него и спросим, – решительно сказала целительница.

Гончар указал направо:

– Да вон там, немного поодаль от домов у небольшого пруда. Только ты, Хельга, не ходи к нему. Я сам лучше.

Гончар бросил все дела, надел смятую рубаху и отправился к кузнецу. Ольга осталась ждать в мастерской. Заодно рассмотрела и ассортимент посуды. Нет, конечно не венское стекло, но все же у парня руки из «того места». Кроме необходимой домашней утвари, крынок, кувшинов, тарелок, стояли на полочках и сушились разнообразные вазочки, фигурки, детские свистульки в виде зверушек в женских и мужских одеждах.

Через пятнадцать минут гончар вернулся и расстроено развел руками. После долгих и упорных расспросов Ольги, признался, что увлекся описанием змеевика и случайно обмолвился, что он нужен на одну хитрую штуку, которую он мастерит вместе с Хельгой. Услышав имя девушки, кузнец разозлился и едва не вышвырнул хилого паренька за шкуру прочь из мастерской и сказал, что, если ей нужна какая-то помощь, пусть будет такой же храброй в жизни, как и на словах, и попросит сама. Лан закончил рассказ и замолчал, дожидаясь решения девушки.

– А как звать мастера, Лан?

– Храбр, – ответил гончар и поперхнулся.

Ольга чуть не подпрыгнула от возмущения. Надо же, как судьба распорядилась.

– Свидание, значит захотел! – вслух подумала Ольга, вытерев перепачканные в земле и глине руки о тряпку, которая лежала на одной из полок и решительно направилась к выходу.

Гончар решил не оставлять беззащитную девушку одну и поспешил следом за ней, чтобы, если что, закрыть ее от тяжелых кулаков кузнеца Храбра. Конечно отпор Лан дать не сможет, но все же он должен сделать хоть что-то, если вдруг мастера переклинит, и он решит прибить Хельгу.

Ольга быстро дошла до кузнечной мастерской, влетела в неё, распахнув двери. В ней за верстаком стоял кузнец Храбр в кожаном фартуке и работал над куском металла напильником. Лицо его было красным от жара кузнечной печи. Он даже не поднял взгляда на пришедшую к нему разъяренную фурию. Волосы Ольги вдруг сделались сами собой из розовых фиолетовыми.

– Если у тебя жабры коротки, пригласить девушку на свидание, то не нужно придумывать нелепых отговорок, – бросила Ольга мастеру, который теперь удосужился одарить её своим надменным взглядом.

Однако через минуту надменный взгляд кузнеца сменился улыбкой, и он потянулся к шее, чтобы дернуть за лямки и

снять с себя фартук. Когда ляжки были развязаны, а фартук сам упал на пол мастерской, Ольга поперхнулась и отпрянула подальше.

Под фартуком кузнец оказался совершенно голым.

В этот момент в кузню влетел гончар и хотел было защитить девушку и закрыть её собой, но как только увидел Храбра в чем мать родила, невольно сам спрятался за Ольгу.

– Как ты там говорила, отросток с «мизинчик»? Да я им подковы ковать могу! – взревел Храбр, непонятно от чего торжествуя.

Однако у Ольги тоже дыхание перехватило. Она не была знатоком и целительницей мужских форм и размеров. Да и парень у неё был в жизни всего один – Лео. Но то, что она видела сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что ей приходилось вообще когда-либо видеть.

Девушка лишь ахнула.

Ольге не нашлось чем ответить на такую провокацию. От увиденного она разом забыла все слова. И это был первый случай в ее жизни. Она просто покраснела и выбежала из кузни на улицу. Внутри все кипело от сильной обиды и от осознания того, что сегодня её впервые втоптали в грязь, и от того, что она впервые проиграла в словесных баталиях. И это она, та, которая могла при помощи пары фраз макнуть любого соперника в бездну его комплексов и прилюдно вытащить его скелеты из шкафа. Но не сейчас, не сегодня и не в этот момент. Ольга спасовала и от этого ей было особенно

обидно и гадко.

Целительница вернулась в мастерскую гончара и, склонившись над бочкой, стоявшей у входа, умылась и тряхнула несколько раз головой, пытаясь выкинуть из головы мысли о нахальном поступке кузнеца. Потом услышала за спиной тихие неуверенные шаги, обернулась и увидела Лана. В руках парень держал две медные трубочки и робко улыбался.

Ольге почувствовалась себя немного неловко. Надо же, застал-таки её в минуту слабости. “Хватит, размазня, соберись!” – приказала она себе мысленно и улыбнулась через силу Лану в ответ. Правда, её щеки все ещё пылали.

– Ну что, Лан, давай вместе постигать азы дистилляции? – произнесла она со лживым задором в голосе.

Увы, задор этот был ловко наигран. Хотя – это не важно, главное отвлечься от грустных мыслей в своей голове.

Остаток вечера друзья провели в мастерской, а затем, и следующие три дня.

Пока гончар Лан работал над сосудами для перегонного куба, Ольга раскулачила старосту Зорана, забрав у него несколько бочонков второсортной браги, ей он периодически расплачивался с мужиками, за ту или иную работу.

Услышав, зачем ей нужна брага в бочках, Зоран засмеялся и поначалу отмахнулся. Но Ольга не шутила и упорно требовала брагу в качестве платы за труд лекаря и спасение Боровика, или же она снова переедет к Иволгам. Услышав такие доводы, Зоран неохотно и тихо сдался. Сначала выкатил из

погрёба только один бочонок, но не стерпев упрека, что он низко ценит жизнь своего тестя, выкатил и второй.

– Вот и славно, – радовалась Ольга, поглаживая бочонки с ценным продуктом. И, видимо решив поднять самооценку, подманила к себе пальцем сына старосты Сома. – Ты у нас мужик справный, да пригожий и сильный. Не сможешь ли, красавец, хрупкой, маленькой, девушке отнести эти, без сомнения, очень тяжелые бочонки до гончарной мастерской?

От комплиментов Сом разомлел, особенно по поводу его силы. С легкостью подхватил бочонки, каждый из которых весил чуть меньше, чем сама девушка, подмышки и вприпрыжку помчался вслед за виляющей бедрами Ольгой в сторону мастерской Лана.

Не прошло и пары минут, как бочки с брагой уже оказались у входа в мастерскую. За такое старание Ольга решила наградить силача и ласково взяв его за коричневую косматую бороду, притянула его лицо поближе, чтобы поцеловать в щеку.

В этот самый момент она заметила кузнеца Храбра, идущего к колодцу с ведрами.

Ольга, сама от себя не ожидая такого спектакля, рукой резко развернула лицо здоровенного детины Сома к себе и поцеловала в губы, притворно прикрыв глаза. Увы, но кузнец на спектакль не отреагировал, а вот Сом расцвел. Черт, теперь спасу от него не будет!

– Это только благодарность, за помощь, – сказала Ольга

разомлевшему Сому.

Теперь она искренне надеялась, что детина, как истинный рыцарь в сияющих доспехах, умчится в сторону заката, помогать другим. Но нет, не тут-то было! Он воспринял – это иначе и теперь искал, чем ещё может помочь хрупкой девушке, не понимая ее настойчивых намеков, что ему уже пора идти домой.

– Может, еще чего принести? Мне не сложно, – сказал он Оле и посмотрел так, как обычно смотрят собаки, желая выпросить у хозяина кусочек лакомства.

– Нет, – резко оборвала его Ольга. Такие поползновения надо сразу пресекать, а то совсем обнаглеет. – Я сильно сейчас занята и мне не нужна помощь.

Сом кивнул, пожал плечами пошёл восвояси.

Ольга и Лан теперь плотно взялись за изготовление перегонного куба. И тут гончар показал, на что он на самом деле способен. Для начала решили сделать качественный и продуманный чертеж. Вот только вместо бумаги пришлось использовать большой кусок бересты. Можно сказать, он стал хоть и неполноценной, но все же какой-то заменой ватмана. Вместо измерительного прибора, по старинке, Лан все измерял при помощи пальцев, вернее, при помощи расстояния от большого до указательного пальца.

Пригодилось умение Ольги хорошо рисовать. Да и вообще, преподаватель анатомии Семен Адольфович, хирург по специализации, часто заставлял своих студентов изображать

различные органы и системы в специальных учебных альбомах. Студенты все это списывали на старческий маразм и крутили у виска пальцем. Зачем, ведь есть фотографии. Но теперь-то Ольга понимала, что в жизни пригодиться может абсолютно все.

Чертеж делали прямо на улице, где больше света и места. Лан вытащил к порогу мастерской стол, перед этим убрав с него кучу разных фигурок и посуды и стряхнув со столешницы песок и глину. Друзья склонились над столом и принялись за дело.

Краем глаза Ольга заметила, как Храбр уже третий раз идет к колодцу с ведрами. Об этом суровом парне у неё уже складывалось определенное мнение. По сути он не был плохим человеком. Да, грубоват и дик, как зверь, но, если бы не все эти разногласия и обида между ними, Ольга, пожалуй, смогла бы найти с ним общий язык. А так, чем он плох? Ну да, за девками подглядывал. Да как будто никто кроме него из парней не подсматривал!

Когда Храбр появился у колодца еще раз пять, девушка удивилась: – “Неужели он себе рядом с кузней прачечную открыл?! Енот-полоскун Храбр!”

Да и лицо Сомы все время мелькало неподалеку. Детина, как бы невзначай, прогуливаясь по деревне, часто проходил мимо мастерской Лана, но без радости, с какой-то грустью что-ли.

В итоге работу пришлось свернуть. Невозможно трудить-

ся, когда столько посторонних глаз украдкой изучают твоё творение и по-хамски останавливают взгляд на округлостях женской фигуры.

Вечер с лихвой окупил малую продуктивность дня. При свечах и лунном свете, все на том же столе, прямо у мастерской, друзьям удалось набросать на бересте чертежи будущего перегонного куба и, что самое главное, рассчитать примерный объём. Правда, при этом обнаружилось несколько технологических трудностей, которые Лан решил на удивление простыми способами. Все-таки у этого парня был неординарный взгляд изобретателя, склад ума гения или творца. Жаль, что ему приходилось день за днем лепить горшки, тарелки, кувшины и прочую ерунду, растрачивая себя на бренности бытия.

Когда друзья разошлись, а Ольга вернулась в свою избу, чтобы лечь спать, небо на востоке, над лесом, просветлело и появилась алая полоса восхода.

Ближе к полудню целительницу разбудил настойчивый стук в дверь. Она наспех накинула на себя длинную рубаху и открыла. На пороге стояли двое подростков и придерживали под руки третьего, который скакал на одной ноге. Рыжеватый, косматый, в драной одежонке мальчишка, играя у кузни с товарищами, распорол себе ногу о ржавый гвоздь. Пришлось зашивать. И Ольга снова невольно вспомнила о спирте. Ничего, скоро появится, а пока остатки крепкой медухи можно не жалеть!

Девушка взяла шелковую нить, иглу и принялась за работу, посадив парня на лавку и вытянув его ногу вдоль нее. Парень стиснул зубы, но вида, что ему больно не подавал. И когда милостивая лекарша склонялась к его ноге, чтобы наложить шов, подросток украдкой пытался заглянуть в декольте. Но, там его ждал розовый кошачий лиф.

Ольге было смешно наблюдать за его невинной робостью. Парнишка то и дело смущенно отводил от нее взгляд, сильно краснел, а потом украдкой рассматривал её вновь. Он лет на шесть младше нее, но все-таки поднял ей не только настроение, но и самооценку на сегодня.

За терпение Ольга поцеловала мальчишку в щеку:

– Ты очень смелый, раз не пикнул ни разу во время такой операции.

Парнишка покраснел еще сильнее и умчался, забыв поблагодарить Ольгу.

“Сому придется посторониться, от конкуренции нового воздыхателя”

Вечером были намечены последние приготовления и пробный запуск дистиллятора. Ольга не успела выспаться как следует. Дела по дому никто не отменял. Хорошо, что она живет одна и не особо требовательна. Вернее, девушка уже стала приспосабливаться понемногу к местным особенностям быта. Топить печь, готовить на ней, стирать на реке. И все сама.

Ольга открыла окно, чтобы проветрить перед уходом. Вечер был наполнен приятным теплом. Кроме того, в тени со-сен, которые росли повсюду над домами-землянками, не было жарко даже в полуденный зной. Закат. Только в этом мире Ольга видела такие необычные насыщенно-алые закаты. Из окна ее нового дома открывался удивительный вид на реку и небо, так как изба стояла на высоком месте. По небу лениво ползли персиковые рваные облака.

На улице послышался шум.

– Я тебе покажу, как меня позорить. Сплетни разносить вздумала, как бабка беззубая? Ща я тебе зубы то посчитаю и приданного лишу.

Судя по голосу, ругался явно мужчина, а вот визжала определённо девушка.

Высунув голову в окно, Ольга заметила, как народ стягивался к избе старосты. Вот те раз, что случилось, что за шухер? Она вышла из дома и тоже пошла за народом в сторону шума. Дойдя до места сходимки и растолкав народ впереди себя, увидела, как ее первый и недавний пациент Боровик охаживает розгой свою дочь, намотав девичью косу на кулак.

Девушка выла белугой и извивалась.

– Остановись, слышишь! – послышался голос старосты Зорана Горыныча.

Толпа расступилась сама, пропуская сутуловатого и поджарого старосту. Боровик прекратил бить дочь розгой, но косу не отпускал. Так она и стояла, склонив перед ним голову.

– Чем дочь твоя перед тобой провинилась? – поинтересовался староста.

– Дылда эта щеки свеклой мажет и Сома травит: “Зря ходишь, Хельга с Ланом ночи проводят да так, что труба у избы шатается” Сплетни распускает, отца позорит. Я-то в доме Хельги был и знаю, что они науку учат и разговоры умные ведут. А вот моя дочь, неряха, такие сплетни распускает.

– Отпусти ее, Боровик, – сказала Ольга. – Мало ли, кто что болтает! Ты мужик! Языком хоть в жопу лезь, а рукам воли не давай.

– Хельга! – удивился, услышав её Боровик.

– А что? По отцовски-ли это, позорить дочь на всю деревню? Смотрю, весело тут у вас!

Боровик отпустил дочь и посмотрел на Ольгу. Хоть и провинилась дочурка, да все же родная кровь.

– Хельга, я тебе жизнью обязан, а эта хабалка... Как мне загладить такую обиду?

– Приставь ее ко мне в ученицы. Мне часто руки требуются, а заодно и у нее будет опыт в лечении и не будет времени гадости разносить по свободным ушам. – Ольга даже удивилась, походу местный говор и к ней начал потихоньку прилипать. Раньше бы она вряд ли сказала так витиевато и хитро.

Девка вдруг завыла, словно её продолжали лупить розгами, и бросилась к отцу.

– Верно, Хельга, пусть поживет, да ума наберется! – со-

гласился Боровик, хотя в голосе его слышалось некое замешательство.

Так и сговорились. Ася, дочь Боровика, с этого дня должна была поселиться в Ольгиной избе и взяться не только за обучение, но и ведение быта. После того, как выяснились отношения с девушкой, Ольга, как и хотела, отправилась в мастерскую Лана.

Перегонный куб был готов к первому запуску. Гончар смастерил достаточно большой резервуар, водрузил его на небольшую печурку из кирпича, наколот щепы для растопки. Кроме того, придумал он и очень плотную крышку, которую, после того как залили брагу, залепили тестом, чтобы винные пары не выходили в воздух. Под змеевик приспособили корыто с водой из колодца, чтобы пар остужать.

Процесс пошел. Брага забурлила. Лан и Ольга сели на лавочку у своего “детища” и теперь с нетерпением ждали результата. Результат недолго заставил себя ждать, спустя пятнадцать минут первые “живительные капли” начали наполнять подставленный под конец медной трубочки кувшин.

То, что получилось, налили в красивую кружку, сработанную гончаром. Первый спирт, теперь не придётся мыть раны сладкой медовой брагой, на которую слетаются все мухи. В мастерскую влетел полупьяный Сом. Глаза у него были красными от слез, а лицо перекошено от злобы.

Глава 5. Дела сердечные

– Ты, жаба, все хвостом-то крутишь! – гаркнул он на Ольгу и, сжал кулаки, встал над ней.

Ольга даже бровью не повела.

– У жабы нет хвоста, – подметил неудачно Лан.

Сом схватил его за плечо и сдернул с лавки. Тот упал на пол мастерской и разлил самогон.

– Стоять... – рыкнула на Сому Ольга. – Вышел отсюда, и потом зашел как надо: со стуком и вытерев ноги.

Ее лицо в одно мгновение преобразилось от гнева. Стало жестким, мрачным. Розовые волосы сами собой потемнели и сделались фиолетовыми, в глазах промелькнула голубая искорка.

Сом уставился на Ольгу, онемел, а его хмельной взор стал рассеиваться. Здоровенный детина испугался миниатюрной девушки, но отступать не думал.

– Как ты смеешь заявляться сюда и что-то требовать? – Ольга приподняла одну бровь и надменно посмотрела на разбушевавшегося оборотня. Надо же, откуда только в ней взялось столько смелости? Ведь Сом мог прихлопнуть ее только одним неловким движением.

Лан поднялся на ноги и попытался здоровяка успокоить уговорами:

– Давайте поговорим и решим все спокойно.

– Пшел вон, дрищ! – отмахнулся от гончара Сом. – Все из-за тебя, из-за тебя отец Асю из дома выгнал! – завыл он и покраснел.

Лан кажется не понимал, о чем идет речь, и повел плечами.

– Лучше было бы, если б Боровик Асю колотил? Поживет у меня немного! За напрасные наговоры можно и жизни лишиться! – “Вот это сказала, да за такое Сом мне голову самой оторвет!”

Сом теперь наоборот побелел, а потом присел на лавку и обхватил голову руками.

– Ведь это все не я, мой отец задумал и дядя. Все пилили меня: “Хельга девка справная, толковая, в женихи набивайся. Нам лекарь в деревню собственный нужен. А я-то что, отца ослушаюсь... Так он же меня оглоблей... А Ася, она же ревнует... А ты...”

– О-о-о, как все сложно! – вздохнула Ольга и, облокотившись и дощатую стену сарая, сложила руки на груди. – Не переживай, ничего ей не будет. Лан, подай-ка кружку. У него раны сердешные, а их нужно срочно простерилизовать, – произнесла Ольга и сунула красивую посудину в руки Сома. Сом поднес кружку, наполненную едва ли на треть самогоном к лицу и тут же едва не бросил, скривившись от терпкого запаха спирта.

– До дна! – произнесла тост Ольга и вернула кружку к лицу Сома. – Выдохни и залпом.

Сом снова посмотрел на Хельгу, но уже как-то жалостно. А затем опрокинул в себя содержимое и громко стукнул кружкой по столу, отчего остальная посуда слегка звякнула.

– Это зелье вроде как вино, но намного крепче! – пояснила Хельга.

– Что за дрянь, глаза выворачивает! – ругался Сом, вытирая проступившие слезы. – Ведьма ты! Что это?

– А я, может и есть ведьма, а это – мертвая вода! – усмехнулась на парней Ольга.

– Ты врешь, это бабкины сказки, – не совсем членораздельно проговорил уже засыпающий Сом.

Однако Лан посмотрел на неё с любопытством, если даже не с подозрением.

– Ты хозяйка Мертвой воды? – спросил Сом, осматриваясь мутнеющим взглядом.

– А ты еще сомневаешься? – подыграла Хельга. – Любое лекарство горькое, но действенное. А у тебя тут болит. – Она прикоснулась к его груди, в которой мерно бухало сердце.

Через минуту Сом уснул, а вот Лан смотрел на Ольгу испытующе.

– Скажи, ты и в самом деле хозяйка мертвой воды? – спросил он чуть тише, чем следовало, как будто боялся, что их кто-то подслушивает.

– Не говори, что ты тоже такой наивный, Лан, – улыбнулась Ольга. – Он же не в себе, ему надо было успокоиться. Сом добрый. Нельзя таких обижать, Да, он может гвозди на

палец наматывать, но искренне расплачется, когда увидит птицу с перебитым крылом. В нашем мире таких людей мало. – Последние слова Ольга сказала почему-то с грустью, вспоминая свою свекровь.

– Но ты ему дала это... – гончар указал на пустую кружку на столе.

На ней появилась солидная трещина, видимо Сом всё-таки перестарался с усилием, когда поставил опорожненную посудину на стол.

– Я тебя умоляю, это всего лишь спирт! – сказала цельительница и смешно сморщила носик. – Скажем так, это концентрат медовухи.

– Концентрат? – переспросил Лан, услышав незнакомое слово.

– Ну очищенная медовуха, вернее та её часть, которая и делает людей пьяными, – пояснила девушка.

Парень кивнул, видимо смекнул, о чём говорит Хельга. А затем провел по трубке змеевика, из которого тонкой струйкой бежал спирт, и сунул палец в рот.

– Гадость какая. Спирт, – произнёс он, поморщившись от резкого вкуса и запаха.

– Хочешь я расскажу тебе про него? – спросила девушка, вспомнив про слабость гончара к знаниям. – В нашем мире его используют не только как алкоголь.

Лан кивнул, но тут же добавил:

– Нет, давай завтра вечером. Я захвачу чернила и бума-

гу, – последние слова он произнес с каким-то пафосом, видимо на Ольгу они должны были произвести впечатление.

– Хорошо. А пока, давай готовить новую партию, – сказала хозяйка мертвой воды.

Весь остаток вечера Лан и Ольга провозились в гончарной мастерской, ставшей на сегодняшний день винокурней. В работе им помогали разговоры и мнения по поводу произошедшего сегодня и мерный храп Сома, которому Ольга не удержалась и разрисовала лицо угольком. Здоровенный детина с усами Котовского, да в грязной рубахе добавлял своим видом веселья.

Почти уже ночью Лан, как и обещал отправился в избу Хельги учиться, притащив все необходимые для этого письменные принадлежности: карманную чернильницу и кипу неровных листов.

Ольга прихватила из мастерской Лана кувшинчик той жидкости, что у них получилась из медовой браги. Сома разбудить так и не удалось, поэтому его оставили там, где он уснул.

Ольга с видом заядлого знатока питья спиртных напитков стала учить Лана употреблять самогон. К “лабораторному испытанию” все было готово. А именно Ольга подсластила самогон медом и выставила на стол закуску: пироги, соленые грибы, немного сала, хлеба.

Девушка пояснила, что спирт не только можно пить, но и использовать для других важных целей, например, в лекар-

ственных настойках, парфюмерии, для приготовления элитного алкоголя, растворителя и во многом другом.

Лан, хоть и был уже изрядно пьян, но старался все записывать и еще успевал попутно рассуждать о применении спирта в их мире. До чего же гончар оказался любознательным. Иногда задавал Ольге вопросы, на которые она не всегда могла дать ответ.

– Чтобы сохранить целебные свойства трав и ягод, из них можно приготовить настойку. Спирт важен в медицине, как обеззараживающее средство. Не надо прямо в рану спирт лить, а вокруг, на кожу. Да и при операциях инструмент обрабатывать – первое дело... – Ольга ходила по горнице пошатываясь, иногда икая. – И конечно духи... Чтобы приятно пахнуть.

Лан почесал в затылке и вытер пальцем нос, оставив под ним чернильную кляксу, потом выпил еще, сильно сморщился и занюхал рукавом.

– Вот, так и запиши, изготовление духов, – потребовала Ольга, расхаживая неуверенной походкой из стороны в сторону и прикладывая все усилия, чтобы не упасть. Иногда хваталась за кромку стола. Хорошо, что обуви на каблуках здесь не носили.

Лан искренне удивился, когда девушка рассказала ему о вонючем спирте, именуемом духами. Ох, как много он еще не слышал и, как много Ольга могла ему рассказать. Знания Ольге давались всегда легко. Она хорошо запоминала и про-

являла не дюжую усидчивость и упорство в усвоении наук. Училась в школе, а потом в институте «на отлично».

– Не проще ли в бане помыться? – усмехнулся парень.

Вспомнив о том, что духи придумали французы, чтобы не вонять, Ольга мысленно согласилась с его доводами. Хотя духи – это вещь для девушки необходимая.

– Спирт можно использовать как элитный крепкий алкоголь. Например, коньяк.

– Коньяк? – поднял помутневшие глаза Лан и попытался записать это слово. Правда руки дрожали и записать становилось все сложнее.

– Это такой напиток, настаивается специально в дубовых бочках. Хороший напиток, король напитков и напиток королей! – Ольга сделала величественный жест.

Конечно в Оренбурге, в магазине могли и «сивуху» подсунуть. Но Ольге посчастливилось попробовать элитный коньяк; отчим предпочитал пить только такой.

– Вот с этого и надо было начинать! – оживился Лан и сжал перо. – Пойду завтра к нашему бондарю за бочками для этого «королевского напитка». Только нечем мне с ним расплачиваться, посуда хоть и бьется часто, но не дорого стоит и большой прибыли не приносит.

Гончар оказался парнем не только смышленным, но и хватким.

Ольга взяла с тарелки грибок и разлила самогон по кружкам:

– Не мужик, притормози, а то коней загонишь.

– Чего, каких коней. Нет у меня коней... – помотал хмельной головой Лан.

– Ладно, сделаем, как у нас в деревнях принято, расплатимся «жидкой валютой». Отстроим винный заводик, – Ольга мечтательно расселась на лавке и начала излагать думы о светлом будущем, как товарищ Ленин об «Октябрьской революции».

Захмелевший Лан уснул, прямо на своих листках, перемазав щеку о невысохшие на бумаге чернила.

Утром, как только солнце заглянуло в окна избы, в дверь постучали. Целительница, вздрогнула, проснулась, вышла в сени. Наверное, опять мальчишки приволокли кого-то с раной.

Но нет, она ошиблась, у порога неуверенно топталась Ася, дочь Боровика. Худенькая девушка с мягким, ангельским личиком и покрасневшими от слез большими глазами цвета вечнойзеленой хвои. Бедняга вся тряслась и смотрела на целительницу. Еще бы, неизвестно чем заставит заниматься ее грозная Хельга. Ведь она слышала немало историй, про то, как она унизила кузнеца Храбра, да и их родственник Зоран Горыныч прислушивался к словам целительницы.

– Проходи, – сказала Ольга, приглашая свою новую помощницу в дом. – Будешь жить в южной горнице, там не так много места, и окно всего одно, но тебе хватит.

Ася всё топталась у порога, сжимая в руках узелки с по-

житками.

– А что я буду делать?

– Для начала, проходи, положи вещи, – немного подумав Ольга более мягко добавила, – пожалуйста.

Девушка прошла в сени, а потом и в общую восточную горницу, где обитала сама хозяйка и спал на столе гончар Лан.

Увидев гончара, Ася снова оробела.

– Что смотришь, Ася? Лан! – Ольга толкнула гончара в плечо. – Вставай бутлегер!

Парень вяло открыл глаза, еле оторвал голову от стола, лист бумаги прилип к его щеке. Лан отлепил его и на коже остались ровные чернильные надписи. Потом горе-пьяница взялся за затылок.

– Ага, как самочувствие, Лан?

– Хреново, – честно признался он.

– Отлично, – строго гаркнула Ольга. – Меньше налегай на пойло.

– Зачем ты так, Хельга? – удивился парень.

Неизвестно, что подумал в этот момент гончар, но сказать что-либо в ответ не посмел. Если бы жили они в мире Ольги, она, возможно, посмеялась бы на сплетни Аси. Мало ли что она себе нафантазировала. Но в этом мире такие подозрения могли здорово повредить репутации. А ей еще жить среди этих оборотней неизвестно сколько.

Ольга подчерпнула холодной воды из ведра в сенях на лавке и, вернувшись в горницу, направилась в угол к зеркалу и небольшому корытцу. Так она умывалась по утрам и даже приспособилась чистить зубы при помощи соли, золы и мягкой тряпочки. Странно, ее волосы оставались розовыми, и краска с них совсем не смывалась, а когда она злилась, становились насыщенно фиолетовыми. Вот тебе и метаморфозы!

Лан собирал листки, разбросанные по всему столу.

Раздался настойчивый и звонкий стук в окно. Ольга открыла створки и впустила внутрь дома желтую птицу, которая, села на пол, подросла и превратилась в ворчливого старика с длинной бородой.

– А вот и Пересмысл пожаловал, – как-то недовольно проворчала целительница. Сегодня она явно не выпалась.

Старик принюхался и поморщился:

– Что-то дух у вас тяжелый, молодежь. Проветривать не пробовали? – он посмотрел на Лана, перепачканного чернилами. – Чем вы тут занимались-то?

– Проветривали, через месяц опять воняет, – хихикнула Ольга.

– Мертвую воду... изучали, – сообщил гончар и взялся за голову.

– Мертвую воду? – удивился старик и нахмурился.

К ведуну все, кроме Ольги, относились с некоторым трепетом. Она же разговаривала с ним, словно он был ее род-

ным дедом.

Дверь горницы хлопнула и на пороге показалась Ася. Увидев Пересмысла, она поздоровалась и опустила взгляд.

– Уж точно не грибами балуемся. Вот спирт, – указала целительница на несколько плотно закупоренных кувшинчиков, стоявших за печкой на полочках.

В сенях что-то загрохотало и в избу ворвался Зоран Горыныч и как-то тревожно уставился на хозяйку избы. В глазах Аси мелькнула надежда, что родственничек пришел за ней.

– Асю не верну, – проворчала Ольга на старосту.

Горыныч махнул на Асю рукой.

– Не до пустяков, Хельга, там у деревни дети гному беременную нашли. Очень ей плохо, не может разродиться, кровью истекает. Можешь ли что-то сделать?

– Гному? – переспросила Ольга. О этих созданиях Ольга читала только в сказках. – Так, мужики освободили мой кабинет и приберите здесь!

– И я? – Повел бровью целитель-иволга.

– Нет, деда, ты останься, – бросила Ольга, – и Ася. Надо все подготовить, чтобы гному лечить.

В свою бытность студенткой мединститута Ольга подрабатывала на скорой помощи. Это была прекрасная практика для будущего врача. Случаи со сложными родами, а именно такой сейчас и представился, тоже повидала. Вот только здесь, в этом мире, не было у неё современных медикаментов, да и она была не совсем готовым врачом. А тут еще

и женщина гном! Поначалу, услышав такую новость, Ольга удивилась, но не так, как раньше. Но если учитывать то, что жила она среди оборотней, это не стало для неё сногшибательной новостью.

На улице у дома целительницы Хельги уже собралась толпа любопытных. Дети, крича наперебой, бежали впереди целительницы и показывая ей то место, где они нашли страдальцу. У излучины реки, в высокой траве стояла толпа женщин. Одни утирали слезы со щек, другие склонились над кем-то и подбадривали.

– Сейчас Хельга, придет, целительница.

Детей к этому место женщины близко не подпускали.

Ольга ощутила тревогу и похолодела от страха, когда услышала наполненный страданием голос женщины. В этот момент она даже остановилась на мгновение. Но побоявшись, что ее неуверенность заметят, взяла себя в руки и пошла напрямую к тому месту, где толпились люди.

На траве лежала небольшая коренастая женщина в красно-коричневой одежде с большим животом. Лицо у нее было бледным с каким-то синеватым оттенком. Она держалась за живот, стонала и иногда открывала глаза. Ольга присела и осмотрела её.

– Ну и дела! Сложные роды, ребенок не выходит сам, – только и смогла проговорить Ольга. – Мужики, а ну, давай, помогай. Мужики!

Она вскочила на ноги и без стеснения выбрала из толпы

зевак тех кто нужен был для помощи. Женщину требовалось перемещать бережно и аккуратно.

– Ты, ты и ты, и вот ты, понесете ее. Что встали? – бес-
сильно злилась целительница. Когда Ольга начала командо-
вать, четыре выбранных ею мужика лишь переглядывались
между собой, не решались начать слушать бабу. – Неужели
не понимаете, она же умрет, ее ко мне надо отнести! Вы что
оглохли?!

– Успеем, – проворчал один из мужиков с дурацкими уси-
ками и отмахнулся от нее. – Чего с ней случится, с этой ко-
ротышкой?

Мужики стояли в стороне, и никто из них не желал помо-
гать:

– Ишь, шустрая какая пигалица. Командует она тут, –
уперся пузатый с маленькими сальными глазками.

Над толпой появилась светловолосая макушка Сом. На
лице у него отображались все муки алкоголика на утро после
пьянки.

– Сом, – окликнула его Ольга и показала пальцем на че-
тырех не слушающих ее мужиков. – Можешь уговорить этих
“джентльменов” помочь мне, – и, не удержавшись построила
ему милую обиженную моську, но тут же взяла себя в руки,
не время сейчас для тонкой женской манипуляции. Но как
же она была рада его видеть!

– Делайте, чего велит, – спокойно, даже тихо сказал Сом.
Но носильщики видимо не поняли.

– Чего, ща, делать больше нам нечего, бабу и станем слушать, – захохотал мужик с жилистой длинной шеей, грызя травинку щербатыми зубами.

– Угу, – помотали, соглашаясь, головами, худые, жилистые братья, с вытянутыми, как крысиные мордочки, лицами.

Гнома, ныла от боли и смотрела на них. Ольга сжала в гнев кулаки.

Сом ничего не ответил, вздохнул и дал мужику с травинкой в зубах в глаз наотмашь. Тот повалился, где стоял. Второго, одного из остролицых братьев, попытался схватить, но парень оказался проворным и вывернулся из его захвата. Еще двое, стоявших в стороне закатали рукава ринулись на племянника старосты и после пары нехилых ударов отлетели, держась за подбородки.

Драку пришлось охладить все той же Ольге:

– Вам проблем мало? Сом, мне нужны четыре живых санитаров, кто носилки потащит? – возмутилась она, глядя на страдающую от боли женщину из расы гномов.

У той на лице уже выступил холодный пот. Она слабела с каждой минутой, и это беспокоило Олю больше всего.

– Пока вы тут рисуетесь, она умрет. Тоже мне, богатыри хреновы! – Ольга плюнула себе под ноги от брезгливости. – Слизняки!

Но пары тычков Сома и последнего уверения Ольги хватило, чтобы мужики наконец зашевелились и соорудили из

лапника и двух жердей вполне сносные волокуши. Всем процессом руководил щербатый бедолага с фингалом.

Роженицу плавно уложили на волокуши.

– А теперь идем на счет раз, два три, – проговорила Ольга и пошла впереди носилок, следя за ритмом.

От одной только мысли, что при неловком движении женщину-гнома могут уронить, её бросало в дрожь. К счастью, теперь ее слушались и весомым аргументом для послушания был шагающий рядом с носилками Сом, который уже успел где-то раздобыть внушительного размера дубину. Так, на всякий случай.

Четверо носильщиков тащили свою ношу аккуратно, словно женщина-гном была сделана из ценного стекла. Лицо пациентки искажалось от мук. Она держалась изо всех сил, кусала от боли губы до крови и костяшки собственных рук. Надо сказать, маленькая женщина оказалась не слабохарактерной.

– Потерпи, – попыталась успокоить ее Ольга, хотя не знала, понимала ли гнома человеческий язык.

Всякие бывали случаи. И коллеги неадекватные встречались, и пациенты с придурыю, а то еще и под наркотой или настойкой боярышника. Вот думала ли она, что докатится до такого? “Бригада” оборотней, тащит к ней в дом, то бишь в местную больницу, “пациентку” – женщину – гнома?! Галаперидолу мне! Ох, и удивительны же порой бывают хитроspлетения судьбы и случая. И все же, Ольга поняла глав-

ное: оборотни, гномы – одно что люди, с теми же тараканами, придурью и страхами в головах!

Мужики бережно занесли роженицу в избу Хельги, теперь ставшую главной больницей для всей округи. Но сегодня эта больница превратилась еще и в роддом. Вместо акушерок Ольгу и женщину-гнома встретил бледный, как простыня, но невозмутимый, как могучая скала у моря, Пересмысл. Ася находилась рядом с ним.

Покинуть избу уговаривать никого не пришлось: одних только упоминаний о родах хватило, чтобы мужики побежали в ужасе куда глаза глядят. Да, это все, хоть и вполне естественно, но все же не для шатких мужских нервов!

Помещение быстро освободили от лишних людей, и пациентку уложили на стол. Роженица теперь принялась плакать, хватаясь за живот, и истошно и мучительно кричать.

Ольга немного замешкалась и даже запаниковала. С чего начать? Она не акушер-гинеколог, она просто студентка, волею судеб поставленная в такую патовую ситуацию. Сразу вспомнились разговоры с девчонками как раз-таки с акушерского отделения. Некоторые рассказывали душещипательные истории о том, как горе-практикантки, делая кесарево сечение впервые, вредили ребенку. Ходил слух о таком случае, когда молоденькая практикантка рассекла скальпелем лицо новорожденной девочке. Бррр...

От последних мыслей дрожи в руках Ольги только прибавилось. Главное не терять самообладание. Стоит только на

секунду перестать верить в себя и все...

«Сконцентрироваться и думать о главном – сейчас мы по-могаем появиться на свет новому жителю этого мира.»

Ведун смекнул что к чему и сейчас уже готовил усыпляющий отвар и крошил грибы.

– Главное не дать много, – сообщил Пересмысл. – Можно усыпить, а можно отправить к предкам.

Ася уже нагрела воды, приготовила чистые и проглаженные угольным утюгом льняные повязки. Импровизированный скальпель и иглу тоже прокипятила и протерла теперь все это спиртом. Какая же она молодец! Дед уже смекнул, что понадобится им заранее и научил этому Асю.

Ольга, переделалась в чистую рубаху и взялась за инструмент.

“Ну что же, кесарево сечение впервые в жизни. Главное холодный разум и никакой паники!”

Спустя примерно час все было закончено. Ольга смывала с рук кровь в деревянной лохани. Ася беззвучно плакала в углу, закрыв ладонями лицо и даже не обращая внимания на то, что ее руки по локоть перепачканы в крови. Женщина-гном все еще спала, она благополучно стала матерью. Рядом с ней лежали двое малышей, оба мальчики, и голосили что есть сил. Они совершенно не отличались от обычных младенцев. Розовые, с пухлыми щечками, темными, еще привыкающими к дневному свету глазами.

“Ничего – ничего, это часть моей работы!” – успокаивала

себя девушка-лекарь.

Ольга не сильно помнила курс акушерства и гинекологии, да и проходила его в институте поверхностно. боялась, что сделала операцию не так, правда уже поздно жалеть и что-то менять.

Живот у женщины был зашит. У детей перерезана пуповина. Теперь матери нужен покой и чистота. Чистота! В больницах обычно все полы и даже стены хлоркой и антисептиком обрабатывают четыре раза в день, а тут обычная изба, но никак не больница. Может в любой момент сепсис случиться. С Боровиком повезло, да и вообще на оборотнях раны заживали, как на собаках, а тут почти человек, только маленький. Да и младенцы, судя по тому, как они голосят, голодные.

Тут холодное спокойствие покинуло Ольгу. Сейчас целительница была бы и рада выйти и сообщить радость селянам, вот только ноги отказывались слушать её. Как только операция была закончена, она приземлилась на стул и сидела так уже минут десять, не находя в себе силы встать, пыталась унять дрожь в руках и коленях. Сейчас ей хотелось больше всего подойти к Асе, обнять ее и заплакать навзрыд.

Она студентка всего лишь третьего курса. И у них только начали преподавать серьезные вещи, а она уже успела вырезать аппендицит и даже сделать кесарево сечение. И не в какой-нибудь клинике, или стерильной операционной, а в обычной деревенской избе, можно сказать «на коленке»!

Ведь могла допустить роковую ошибку, занести инфекцию, или сделала надрез не там, где нужно, тогда роженица через пару дней умрет от внутреннего кровотечения. Да она вообще не хотела становиться хирургом! И ей не хотелось открывать собственное кладбище. И на врача она пошла учиться исключительно из-за истории со своим отцом.

Когда отец заболел, его лечащий врач долгое время не мог поставить ему верный диагноз. Сначала говорил, что у него хроническая простуда, остеохондроз и еще что-то в этом духе. Оказалось, это был рак и если бы диагноз был поставлен вовремя и правильно...

Несколько лет Ольга ненавидела врачей, потом, осознав важность этой профессии и не всегда добросовестный к ней подход, решила сама стать врачом-терапевтом и спасать, а не калечить людей. К тому же, хотелось доказать отчиму, что она не какая-то разнеженная Барби.

Да, она трусиха, но признаться в этом может только одному человеку – себе. Для всех остальных, она сейчас не может быть слабой и хрупкой.

Пересмысл только моргал и чесал лысину, идиот! А как еще охарактеризовать того, кто дожил до почтенных седин, а в медицине, кроме того, как галлюциногенные грибы жрать, знает ровно столько, сколько знает не очень старательная медсестра. А Ольга, дуреха, думала – Пересмысл знает, что делать. Надеялась на это. Ведун же только и мог помогать ей, если потребуется, но напрочь отказывался брать в руки

скальпель или иглу.

Да это не скальпель даже, а просто маленькие овощной нож, заточенный до бритвенной остроты. Раз уж на то пошло, ей пора обзаводиться профессиональным инструментом, специально изготовленным для того, чтобы оперировать людей, а не чистить картошку с репой.

В дверь постучали как раз в тот момент, когда Ольга готова была расплакаться и послать всех к чертям собачьим. Ей сейчас безумно хотелось домой, к маме и даже к отчиму, убраться отсюда, снова стать простой и беззаботной студенткой.

В дверь постучали снова, теперь более громко и настойчиво. Целительница встала, на подгибающихся ногах подошла к двери и открыла. За дверью ее поджидал староста Зоран. Он был бледен и чем-то встревожен.

– Гномы пришли, – сказал он не отводя от Ольги взгляда. – Это Хедвига, жена тана гномов.

Сначала лекарша не поверила своим ушам, но увидев серьезное лицо старосты, поняла, что все это не шутки.

– Хорошо, пусть принесут ей вещи. Здесь ей задержаться придётся. Родилась двойня, нужна кормилица что ли, мамка их вряд ли сегодня проснётся, – произнесла Ольга и присела на порог, стоять сил абсолютно не осталось.

Зоран Горыныч молчал некоторое время и покусывал свои тонкие потрескавшиеся губы. А затем всё-таки решился и произнес:

– Они за ее головой пришли, – выпалил он на одном дыхании, словно хотел избавиться от тяжелых слов.

Глава 6. Отцы и дети

Зоран говорил серьезно и похоже шутить не собирался. Навис над сидевшей на пороге избы Ольгой, словно туча над лесом в погожий денёк. Она чувствовала над ухом его прерывистое дыхание, но просто так не собиралась уступать. Да это какой-то бред! Потратить столько сил и нервов на то, чтобы спасти гномов, и нате: отдай их на расправу ошалевшим дикарям из её же народа.

– Что? – произнесла Ольга, поперхнувшись воздухом и привстав.

Зоран уточнил:

– У них не принято, чтобы детям рождаться помогали. Дети, которых кроме матери первым увидел не отец, осквернены.

– Что за бред собачий? Они на самом деле дикари? – возмутилась лекарша. Неужели она зря так рисковала, чтобы спасти жизни этих малышей.

– Я бы не был так скор на язык, Хельга, – предостерег староста Ольгу. – Тан Аин, сын Яхнта, не стерпит таких слов.

– Так что, ее муж ещё и титулованная задница? Вот повезло!

– Я же прошу тебя, не выражайся так о Аине Яхнте – навлечешь беду! – снова повторил свои предостережения староста росомах, обернувшись посмотреть не услышал ли

кто. – У гномов не только жестокие и жесткие традиции, но и к тому же они весьма злопамятны. Шуток гномы не понимают и иногда воспринимают все, как личную кровную обиду. Бывали случаи, когда правнуки мстили деревьям, за обиды, причиненные еще их прадедам. Притом, этой обидой могло быть когда-то неосторожно сказанное слово.

Зоран похоже сейчас готов был отдать женщину-гнома, лишь бы избавиться от проблем. Ольга встала в дверях.

– А у нас говорят, «на обиженных воду возят», – усмехнулась целительница.

Но Зоран не отступал ни на шаг.

– С гномами лучше не ссориться, Хельга. Они не великие бойцы и не имеют больших армий, зато прекрасные рудокопы и снабжают нас всех на поверхности металлом и его сплавами, – Зоран вел себя как чиновник, которому главное уладить все без лишних проблем, чтобы все дело «шито-крыто». – Это тебе не шутки, Хельга!

О гномах Зоран рассказал Ольге еще не мало, приводя доводы отдать им жену тана и разойтись по-хорошему.

– Нет, позволь поговорить с ними, Зоран.

Старик колебался некоторое время. Она понимала, что сейчас он пришел на самом деле по-хорошему поговорить, не взял с собой мужиков, чтобы без спроса забрать ее пациентку и младенцев. Кто она, Ольга, здесь, среди оборотней? Пигалица, пришелица и чужая.

И староста Зоран оказал удивительное великодушие, по-

вел ее к оборонительному частоколу. Возможно, надеялся всю вину спихнуть на целительницу.

Ольга собрала последние силы в кулак и пошла вслед за Зораном Горынычем, желая посмотреть в глаза тому, кто хотел убить беззащитную женщину с двумя младенцами.

Ворота в деревню были плотно закрыты, на стенах и собрались вооруженные мужики, готовые в случае чего дать отпор.

Целительница не зря выбрала бойницу на частоколе с дальней стороны, на ближней уже стоял Храбр в остроконечном шлеме и с двумя мечами наготове. Сом последовал за дядей и Ольгой на дальнюю бойницу.

Выглянув за частокол, Ольга увидела, как пояснил староста, гномий хирд.

Он ничем не отличался от построения “черепахой”, которое Ольга видела в учебниках по истории Древнего Рима в пятом классе. Абсолютно то же самое: стена из квадратных щитов со всех сторон закрывала находящиеся в своеобразной «коробочке» коренастых гномов. Отличие лишь в том, что в гномьем хирде бойцы в Авангарде скованны цепями. Зачем и для чего это было сделано – непонятно, но наверняка у этого какой-то свой замысел. Эти подземный народ выглядел не менее внушительно, чем скивы. Ростом гномы не выше полутора метров, руки и плечи хорошо развиты, как у ярых рудокопов. Густые бороды, длинной до пояса. У некоторых молодцев аккуратно стриженные или густые ба-

кенбарды, кому как нравилось носить. О их выносливости, преданности и жажде надоедать расспросами, слагали легенды. Если гном твой друг, значит ты почти ему родня, а стало быть жди в гости не только его, но и всех родственников до пятого колена. И упаси тебя Боги, стать гному врагом. Учитывая то, что тоннели Подгорное царства распространялись почти на весь материк, и все гномы состоят между собой в ближним, или дальним родстве. В случае обиды, будь уверен мстить тебе будут на всём материке.

И вот сейчас получается, что жена местного тана не смогла разродиться сама. И нет бы ей, как порядочной женщине умереть в родовых муках в одной из дальних пещер. Нет, она вышла на поверхность к людям-оборотням, где ее нашли местные жители и спасла Хельга. И ладно бы, если она была простой бабой, не высокого положения и не главы гномьего клана. Возможно, тогда бы ей ничего не грозило, кроме осуждения от старейшин или запрета на хороший брак для ее сыновей. А вот жена тана не имеет права нарушать традиций.

Как утверждал Зоран Горыныч, среди гномов встречались и знаменитые герои, не боявшиеся сражаться с подземными чудовищами. Да и упорства этому народу не занимать. А как иначе искать руду и копать длинные тоннели?

Так что, сейчас перед закрытыми воротами под палящими лучами солнца стояла «коробочка» из двух дюжин сердитых гномов, которые ждали одной лишь команды.

– И что вы хотите делать? – Ольга испытующе посмотрела на старосту.

– Хельга, ты пойми, деревня без металла не выживет, это их дело, – староста как бы оправдывался, ещё даже не огласив своего решения.

– Нет, ты серьёзно? – возмутилась она.

– Повежливее, не тыкай мне тут, – у Зорана всё-таки начали сдавать нервы.

– Отдайте нам Хэдвигу из рода Агата, – перебил их перепалку громкий и на удивление низкий басовитый голос из-за частокола.

Не далеко от хирда стоял мужчина-гном с топором в коротких и толстых пальцах. Лицо у него было широким, как и у многих гномов, густая борода закрывала половину лица и во взгляде угадывались решимость и ум. Остальные гномы безмолвствовали и посматривали на этого молодца с каштановой бородой. Сомневаться не приходилось – это был тот самый тан чья жена сейчас мирно спала у Хельги в избе на обеденном столе. Чёрт, после такого она, хоть убей, не сядет за него обедать.

– Нахрена вы им сказали, что она тут, раз знаете их обычаи? – зашипела Ольга на стоявшего рядом Сома, который только и смог, что посмотреть на старосту и пожать плечами.

– А мы и не сказали, – ответил за него староста.

– То есть, они не уверены и точно не знают, что она здесь? – вслух произнесла свой вывод Ольга, боясь спугнуть

удачу.

– Знают, – ответил староста. – Куда ей и ещё деться? Неужели в берлогу Медведица пойдёт? – видимо старик подумал, что у него вышла довольно удачная шутка.

– Нет, не знают. Да, хорошая мысль, пошла к медведице! Так и скажем, – настояла Ольга. – Тоже мне, пришел тут бородатый хрен с горы!

Сом хмыкнул, а Зоран поджал губы.

– Что ты задумала, Хельга, да разве это наши дела. Пусть сами со своими бабами разбираются. И хватит указывать, твое место у печи с ухватом! – злился глава деревни.

Сом снова хмыкнул. Ольга скрестила руки на груди и четко ответила: – Что же ты, Зоран Горыныч, бабе бестолковой жизни своего дома доверил, особенно тестюшки любимого Боровика, что же не оставил его подыхать с аппендицитом? Не отобрал его, а у меня жить оставил. Не я ли дерьмо из-под него потом выносила, выхаживала? Если отдашь этому хрену с горы Хедвигу и детей, ноги моей на этой земле не будет! Сам будешь врачевать! – поставила целительница Зорана перед фактом. – И дед Пересмысл со мной уйдет. Пусть народ Росомах благодарит тебя, Зоран. Долго и с пристрастием.

– И я с Хельгой уйду, – заявил молчавший до этого момента Сом и поправил на светловолосой голове шлем. – Да не один зверь свое дитя не обидит, а эти рудокопы каменноголовые что придумали?! Детей и женщин своих убивать! Разве звери не прародители нам, а? Это что же выходит: от-

дадим им младенцев на растерзание, да какие мы потом, звери нам прародители, да мы змеи подколодные! Червяки!

Делать нечего. Росомахи, Иволги, Клесты, Лесные коты, и многие другие скивы со всей округи, прознав про удивительную целительницу Хельгу, примут ее с великим удовольствием. А Зорана Горыныча на смех поднимут и ославят недобрым словом.

Староста громко и тяжело вздохнул и выкрикнул ожидавшему его ответа тану Аину из рода Яхнта:

– Нет у нас никакой Хедвиги из рода Агата. Нет и не было никогда. Убирайтесь обратно, если не желаете войны!

Гномы не торопились развязывать войн и конфликтов со скивами. Ведь скивы так же многочисленны, как и гномы, да и торговые связи между двумя этими народами очень крепкие и жизненно необходимые. Скивам нужен металл, а гномам, блага земные, особенно дерево и пища.

– Хорошо, мы верим тебе, староста Зоран. Ты никогда прежде не обманывал нас, – ответил, чуть прищурив правый глаз, гномий тан и демонстративно воткнул свой топор в землю.

Гномы вроде мирно договорились с росомахами, но уходить не собирались. Жители недр окопались недалеко от Звериного полесья, построили земляной лагерь, накопили нор; не нужны шатры и палатки, если есть мотыга и сноровка. Гномов в этом лагере становилось все больше. Хоть и прятались эти низкорослые обитатели подземелий в своих

норах. Но то и дело на лесной поляне мелькали их широкие спины.

Зоран Горыныч послал в соседние деревни скивов вести, о том, что творилось у Звериного полесьяч и что стояли они, Росомахи, хорошее. Иволги были ближайшими соседями, но их не так много, а вот до других деревень и родов, не менее двух дней ходу.

Гномы прибывали, и прибывали и складывалось такое впечатление, что теперь под каждым ближним к деревне кустом непременно сидел один из них или была вырыта гномья нора. Так и до штурма недалеко.

Вечер наступил медленно в нервных переживаниях, ожиданиях. Ольга была уверена, что ни один мужик не спал сейчас в Зверином полесье, готовился, точил оружие и звериные когти, либо патрулировал по периметру деревню, ворота и бойницы, наблюдая за тем, что происходило вокруг.

Ночь – время гномов. Время, когда жители подземелий обретали особую прыть и проворность. Кому, если не гному, лучше всех видеть в темноте. Обратни хоть и имели звериное чутье, все же в мраке видели плохо, напрягая зрение, чтобы хоть что-то рассмотреть среди скудного лунного света. А вот если луна за тучами скроется – все, считай ты слеп как щенок!

Ольга стоять против гномов вместе с мужиками и браться за оружие не собиралась. Все же она целитель и доля её теперь врачевать, а не калечить. Поэтому вместе с Асей по-

старалась обезопасить избу. Словно чуяла, может что-то случиться. Закрыла плотно ставни и двери на замки и для надежности подперла спинкой деревянного стула двери.

Вместе с ней в доме закрылся и старый ведун из рода Иволг, который чтобы скоротать беспокойную ночь, да и нервы успокоить, растирал в ступке сушеные травы и щедро забивал душистым порошком тростниковые трубки и раскладывал рядком на столе.

Сначала послышался шум на улице и гомон мужских голосов. Судя по звуку, гномы пытались попасть за ворота.

– Напали, крысы подземные. – прислушался обеспокоенный Пересмысл и отложил в сторону только что начиненную порошком ведовскую трубочку. Он не обращался к кому-то конкретно, скорее сказал это самому себе.

Ольга, пожалала плечами. Что тут сказать, она впервые оказалась в такой ситуации. Сидела рядом со стариком за столом и вздрагивала от любого шума. На всякий случай, припрятала в рукав нож для операций. Вряд ли она хрупкая девушка могла устоять против воина, но с хоть каким-то оружием спокойнее. Ася, Хедвига и младенцы сидели за занавесками на печи.

В какой-то момент пол под ногами вздрогнул, раздался гулкий хруст, а затем разошлись половицы.

– Дубекар! – прозвучал боевой клич гномов.

Молодая мать и девушки вскрикнули от страха. А вот ведун Пересмысл схватился за ведовские трубки.

Из-под пола выскочили темные фигуры гномов в стальных доспехах. Эти землекопы никогда не плели кольчуги, только ковали своеобразную броню. Широкие топоры были чуть ли не шире плеч каждого из них.

Струсил ли в этот момент Ольга? Конечно струсил. Спряталась за печку, как маленькая девочка и зажмурилась.

Однако старик Пересмысл не струсил, приложил к своим устам одну из недавно начиненных порошком ведовских трубочек и выдул из неё прямо в гномов целое облако едкой желтой пыли. Затем взял еще две и выдул из них облачка другого голубоватого цвета.

Двое гномов, будто ошпаренные, начали кататься по развороченным половицам избы и бились словно в эпилептическом припадке. Из рта у них капала вспененная слюна. Трое остальных, что вломились через лаз в полу чуть позже и попали под облака последних двух ведовских трубок, остервенело царапали свои лица толстыми пальцами с грубыми ногтями, отчего их лбы и щеки покрылись кровью от царапин. Но это их не останавливало и они продолжили расчесывать лица и тереть глаза. Что же это за злой порошок изготовил ведун, сваливший целых пять гномов-диверсантов?

Ольга схватила ухват для горшков, так, на всякий случай, и вышла к ним навстречу. Она боялась до дрожи, колени ослабли. Впервые в жизни девушка почувствовала так остро смертельную опасность. Никогда прежде не испытывала таких острых ощущений. Что уж говорить она – слабый пол,

это давало возможность для словесных вольностей, за которые бы мужик не ушел целым. Но сейчас все иначе. Она понимала: если встанет у гномов на пути, они зарубят её топором, словно курицу для супа.

Руки тряслись вместе с хватом. Ольга с ужасом смотрела на поднимающегося на ноги с пола гнома с топором и каштановой бородой. Пересмысл увидел это, выхватил у неё кухонное приспособление, а затем ловко, подцепил им шею гнома и припер к стене.

В этот момент дверь в избу с хрустом распахнулась, представленный к ручке стул сломался. Все старания Ольги и Аси ее баррикадированною избы остались тщетными, вместо двери на частично развороченном и грязном полу теперь лежала еще одна груда досок. В горницу влетели двое храбрецов. Ольга и Пересмысл не сразу узнали Сому и кузнеца Храбра.

Сом сгрэб с пола и подхватил под подмышки двоих довольно больших гномов, намеревающихся напасть на Хельгу и ведуна Пересмысла, которые, впрочем, в сравнении его богатырским ростом, были как маленькие пивные бочонки. Так он и держал их у себя подмышками.

Храбр не отличался исполинским ростом и крепостью как Сом, но был крайне ловок и верток. Неизвестно откуда в его руках появилась простынь, которую он накинул на гномов, все еще пускавших пузыри на полу и крепко спеленал их ею и присел верхом на одного из них и крепко держал второго.

Гномы на земле сопротивляться не стали, стоило их только придавить росомахе, попытки вырваться закончились.

Дикий страх отступил от Ольги. Она не смогла сдержать чувств и залилась слезами. Да это ужас какой-то, только что ее отделяло несколько шагов от неминуемой гибели, а теперь, когда здесь появился Храбр и Сом, она спасена. Ведь в избе некому было дать отпор гномам, кроме старика-ведуна Пересмысла.

Ольга считала себя сильной, способной постоять за себя и даже за других, но на деле оказалось...

Она посмотрела на двух смельчаков, пришедших на выручку. С Сомом все понятно, он удивительно добрый и невероятно сильный, хоть и не очень умный. Но вот Храбр – Храбр, который ее ненавидел?!

Кузнец сидел на гноме и посматривал на Ольгу исподлобья, но не злобно. Девушке хотелось поблагодарить его, ведь Храбр вбежал в избу первым, не смотря на все обиды между ними, но не стала. В памяти сразу возникла исполосованная в кровь розгами спина парня, и стыд за сказанные ею обидные слова. Особенно ярко вспомнилась и совсем недавняя их встреча, когда Храбр оскорбительно смеялся над ней в своей кузнице и из одежды на парне был только фартук из грубой кожи.

И тут на Ольгу накатила злость. Теперь им предстояла беседа с теми, кто посмел ворваться в дом.

– Я боялся, что эти рудокопы выкинут что-то в этом духе.

Подкоп под домом, что может быть лучше для гнома, – рассуждал вслух Храбр, иногда пихая задниками сапог пытавшихся шевельнуться под простыней двух гномов и поглаживая свою темную короткую бороденку.

Персмысл, удерживающий ухватом у стены одного из гномов, заметил его необычный пояс. Шириной не менее тридцати сантиметров, расшитый особым образом.

– Тан Аин, – узнал гнома Храбр.

– Тан? – усмехнулась Ольга. Она уже пришла в себя и теперь гневалась на всю эту ситуацию, а розовые волосы стали приобретать фиолетовые оттенки.

Целительница подставила к печи приступок и отдернула занавеску. Там сидели две перепуганные женщины. Молодая гнома обхватила колени и плакала. Отличалась Хедвига от обычных женщин только лишь своим малым ростом и широкой фигурой. Ходили легенды, что у женщин гномов растет борода, как у мужчин. Но ничего подобного Ольга не заметила. Гнома оказалась очень даже симпатичной: аккуратный носик пуговкой, густые волнистые волосы, благородного золотистого цвета, глаза, как у всех гномов, карие, светящиеся в темноте, удивительно крупные, словно два драгоценных камешка-агата. Не удивительно, что выбрал в жены сам тан, а не просто знатный гном.

Ася сидела рядом с молодой матерью, держала двух крохотных мальчиков и качала их, успокаивая. Дети голосили.

Ольга взяла близнецов у Аси и, несмотря на протесты их

матери, поднесла их прямо к тану, которого до сих пор удерживал ухватом Пересмысл.

– Их ты хотел убить? Папаша, – произнесла Хельга. Новорожденные близнецы уставились на бородатого сурового гнома своими темно-кариими глазками, которые светились в темноте. Именно этим они и отличались от обычных младенцев. Один из близнецов протянул к Аину крохотную ручку и ухватил его за густую бороду. – Посмотри, это твои сыновья, тан! Твои?

Хедвига еле спустилась с печи, шов после операции болел, и она была слаба. Ася поддерживала ее за плечи.

– Как, двое? – побелел тан Аин, его губы предательски дернулись, но он смог удержать себя в руках.

Рождение близнецов большая редкость у подземного народа, особый знак судьбы и благословение богов. Особенно, если это сыновья.

– Да, двое сыновей! – подтвердила Ольга и, увидев на лице сурового воина выступившие слезы, сама чуть не растрогалась и указала на бледную мать, которая стояла позади ее. – Это твоя жена, которая подарила тебе двух мальчиков. Не ели ты хотел убить?

Тан взялся сильными пальцами за деревянную ручку ухвата и сломал его в том месте, где начиналась металлическая насадка, отбросил остатки кухонной утвари в сторону, развязал пояс тана, означающий его статус, и подойдя к одному из своих соучастников, которого держал подмышкой

Сом, отдал ему. Это оказался один из его братьев.

– Возвращайтесь и передайте, я отрекаюсь от звания тана клана в пользу своего брата Дорта, – громогласно сообщил он и взял своих детей на руки.

Осчастливленный братом Дорт вцепился в пояс, покраснел и заревел:

– Аин, да ты одурманен этой злой ведьмой! – указал он на Ольгу.

Но счастливый отец уже не слышал его, он смеялся, держа на руках сынишку, который сейчас пустил звонкую струю на кирасу отца... Сом и Храбр отпустили гномов. Конфликт похоже перешел в русло переговоров.

– Ты сошел с ума, Аин! Нельзя нарушать традиции. Нельзя, – брат тана отряхнул одежду и смотрел на пищавших младенцев враждебно. Сейчас он наверное сожалел, что не оказалось у него острого боевого топора.

В избу вошли еще люди с факелами и оружием в руках. Среди них был и староста Зоран Горыныч.

– Вы воровать вздумали, придется ответить! – заявил он гномам.

Мужики-росомахи держали оружие наготове. Гномы народ отчаянный, мало ли что могут задумать. Но не тут-то было. Новоназначенный тан посмотрел на старосту и лукаво спросил:

– Вы говорили, что ее нет у вас? – отвечал вопросом на вопрос Дорт.

– Говорил... – нехотя ответил староста.

– Значит мы не воровали! – ответил Дорн, и он был прав.

Староста после таких доводов отступился от гномов.

С рассветом бородатые лазутчики покинули Звериное поле. Семья Аина осталась у Росомах.

Ольге пришлось устроить семью Аина в своей избе. Нелегко гномам жить на земле, а не в ее недрах. Солнце то и дело щиплет и слепит привыкшие к тьме глаза. Кожа первое время краснеет и даже покрывается волдырями. Но со временем гномы привыкали к жизни земной и появились даже те, которые полностью переселились на поверхность, и жили в городах, по соседству с человеком. Например, были такие вот гномы в Акруме.

Аин мужиком оказался деловым. Не зря же он из рода танов. Сколько раз убеждалась Ольга в том, что наследственность – важная штука. Вспомнила, в институте на лекциях по генетике говорили, что характер и склад ума передается по наследству от родителей. И если этот гном уродился таном, значит его предки имели к этому все способности.

Гномья семья поначалу ютилась в третьей, самой маленькой горнице. Потом Аин решил расширить жилплощадь. Идея эта пришла в его крупную гномью голову, когда он помогал чинить половицы в горнице у Хельги.

– А почему бы не обустроить нам под домом неплохую гномью нору? К тому же она почти уже готова, – предложил он Хельге, и та согласилась. Уютная нора для гнома, что для

человека изба.

На помощь Аину пришли его недавние противники Сом и кузнец Храбр. Удивительно, как иногда странно происходит знакомство. Еще буквально на днях готовы были друг друга поубивать, а тут нате, строят вместе и общаются как добрые соседи. Даже медовуху по вечерам распивают.

Ольга с Храбром виделась теперь каждый день, кузнец навещал гномов, но беседы вести не торопилась. Обычно здоровалась, уходила в сторону, в другую комнату, и, если не было пациентов, незаметно наблюдала за ним. В душе еще свежи были воспоминания о прошлых обидах и пока они были рядом с воспоминаниями его помощи. И Ольга не могла решить, что для неё сейчас важнее: прошлые обиды или благодарность кузнецу.

Мужики ловко отремонтировали развороченный пол избы, сделали широкий люк в лаз под пол, в который спускалась удобная широкая лестница, вставили новые двери, а однажды Сом приволок под мышкой новую широкую люльку для близнецов Аина, которую Храбр мастерил с особым старанием. Осталось гному обустроить нору и перетащить туда все свое немалое гномье семейство. И отблагодарить кузнеца за столь щедрый подарок.

Маленькие гномята не давали спать по ночам. Кричали, плакали, смеялись и требовали внимания. Если родители близнецов приспособились к дневному образу жизни, то гно-

мята просыпались исключительно по ночам, просились на руки.

Ночи на пролет Хэдвига качала сорванцов на руках. Помогали ей и Ася, и Ольга.

Когда прошли пара недель и пришло время, по обычаю гномов, дать детям имена, Хэдвига и Аин попросили Ольгу оказать им честь и наречь сыновей. Ведь именно юная целительница спасла жизни их и их матери и защитила от расправы.

– Вот никогда не думала, что стану крёстной и нянькой у гномов, – рассуждала Ольга.

Имена малышам она дала необычные для этого мира и вполне распространенные в том, из которого она попала сюда – Ялин и Лой из рода Аина.

Гончар Лан серьезно увлекся самогонованием. Парень оказался не только начитан, но и хваток в делах выгоды. Забросил свои поделки и чашки из глины и принялся экспериментировать со спиртом. Сначала гнал его понемногу, в убыток себе. Добавлял в разные ингредиенты и составлял рецепты. Ведун Пересмысл советовал парню лечебные сборы трав и ягод. Лан записывал за ним и потом уединялся в гончарной мастерской с самогонным аппаратом.

Так появился целый ассортимент лечебных настоек, духов, притинок. И теперь Лан задумал поехать на праздник в Китеж и продавать там не посуду, которая приносила мало прибыли, а настойки и сам самогон. Даже не поленился сле-

пить целую партию глиняных кувшинов для "продукта".

Как говорил отчим Ольги, бизнесмен и депутат Валерий Петрович Сидоров: "Чтобы продать – вложись!" И в этом случае требовались значительные вложения на покупку бочек, небольших бочонков и кадок.

Вспомнила Ольга и то, как начинал ее отчим строить свою «денежную империю», брал займы, на свой страх и риск, в счет дальнейшей прибыли. А выгода от продажи спирта без сомнения была. Девушка и сама являлась инициатором этого предприятия. Где взять в займы? Самый богатый оборотень во всем Зверинском полесье – это, конечно, староста Зоран. Тут главное привести весомые доводы.

Рассчитав время, которое потребуется на закупку сырья, на изготовление партии товара, на заказ бондарю, товарищи немедленно отправились навестить богатую, высокую избу Зорана Горыныча.

Староста поначалу встретил ходяков-просителей не очень ласково. Время близилось к обеду, и его жена уже суетилась у печи и избу покинули последние просители и работники. Когда в избу без стука и церемоний вошла Хельга и Лан, староста устало сидел на лавке у открытого окна. Увидев незваных гостей, он потупил взгляд и как-то отчаянно вздохнув спросил:

– Что снова задумала, Хельга? Или мало тебе того, что из-за тебя ввязались мы всей деревней в гномьи семейные

дразги?

Девушка прошла в горницу и улыбнулась.

– Да, и что? Разве ты с этого и выгоды не поимел никакой? Знаю я, ко мне люди ходят, многие рассказывают. Метал-то теперь для деревни подешевел.

Зоран задумался ненадолго, похмурился и потом, как бы нехотя пригласил:

– Проходите, раз пришли.

Лан и Хельга уселись на лавку. Гончар, по привычке, стал осматривать посуду, стоявшую рядком на резных полках.

Изба у старосты хорошая, подметила Ольга. Высокая, в два этажа. С резными наличниками и ставнями. Печь большая, широкая, выложенная из ровного белого камня, украшенная цветными плитками из белой глины, раскрашенными изображениями необычных птиц. Да на такой печи могла поместиться вся семья старосты и гости придачу. Подивилась Ольга и тому из каких толстых бревен были сложены эти хоромы. Деревья в срубе в три обхвата не меньше. Да в частоколе и то бревна поскромнее. В углу у печи сидела одна из дочерей старосты и чистила вареные яйца на крошево с каким-то местным квасом.

– Нам, Зоран Горыныч нужны деньги, – Ольга начала издалека. – Вот у тебя мы эти деньги и хотим попросить. Дело выгодное и прибыльное.

Ольга знала, какие слова нужно говорить, чтобы заинтересовать.

– Юлишь ты Хельга, ой юлишь. – прищурился Зоран.

– Дело надежное, Зоран Горыныч, если будут у нас бочки и сырье, да и деньги лавку арендовать в Китеже подороже, все с лихвой окупится, – подтвердил Лан и положил перед старости пачку исписанных мелким подчерком листов.

– А что же тогда, раз умный такой, раньше не разбогател? – как ему казалось, резонно спросил староста.

Лан глянул на Ольгу.

– Не юли староста. Не ты одолжишь, так найду в другого старосту в другой деревне более сговорчивого. Всё-таки, я у тебя не подаяние прошу а заём, – Ольга решила взять в свои руки переговорный процесс в виде как Лан поплыл.

Зоран нахмурится, по тому, как дрогнули у него губы, целительница поняла, старик у них на крючке, но пытается набить цену.

– Ну и что вы там варите? Слышал я, как охал Сом от того что голова у него болела. Должен же я знать, на что деньги своей семьи отдаю?

– Спирт незаменим для обработки ран и гнойников. Для целебных настоев, – бросился перечислять Лан полезные свойства.

– Если все сложится, ты, староста, получишь долг обратно, да еще и с процентом. Если прогорит, останусь в этой деревне на пять лет, долг отрабатывать. – Ольга не стала ходить вокруг да около, а зашла с козырей.

Вот эти слова похоже согрели душу старосты больше все-

го.

– И много денег вам потребуется?.. – спросил старик, почуввав выгоду любом случае.

Миры разные, в люди, даже если они не совсем люди, везде одинаковы. Все хотят кушать хлебушек да с черной икрой, да из белой муки. Из избы старосты друзья вышли с кошелем денег.

Лан остановился на крыльце и похлопав Ольгу по плечу спросил:

– Хельга, а если не получится ничего... вот не выйдет.

– Я в любом случае здесь задержусь, но лучше уж жить в своем доме, трехэтажном и каменном. Когда всё получится, думаю это староста будет приходить к нам с просьбами и вспоминать былые времена? – сказала Ольга и улыбнулась.

На самом деле ей ужасно хотелось вернуться домой, к маме, к парню Лео и даже обнять своего отчима Валеру. Ведь он на многие годы заботился о ней как умел.

Постояв еще немного на крыльце дома старосты, она распрощалась с Ланом, отдала ему все деньги и пошла домой. Девушка уже привыкла ходить босиком по прохладным сырым тропинкам Звериного полесья, засыпанным желтеющей хвоей. К обеду солнце в зените. Теплый воздух волнами поднимался от земли. От жары затихли кузнечики, а в Зверином полесье, под тенью вековых сосен, исполинской высоты, всегда приятная прохлада.

У своего дома, под окнами девушка еще издалека запри-

метила два человеческих фигуры. Подойдя ближе, Ольга узнала Асю и Сому. Они тайком обнимались. Ася держала букетик полевых колокольчиков.

– Кх, – покашляла Ольга в кулак.

Сом и Ася подпрыгнули на лавке и выпустили друг друга из объятий. Сом побагровел до самых кончиков немного оттопыренных ушей.

– Что хочешь делай со мной Хельга, а Асю я люблю. Ведь я чего сюда ходил, меня дядька Зоран завоевал. Иди, говорит к Хельге, девка красивая, справная, целительница, женись, чтоб не сбежала. А ведь никому не говорил, что Асю люблю, дочку Боровика. Ведь он меня за этот ух... – Сом сжал кулак и показал жестами как староста скручивает ему голову, словно цыпленку.

Ася сидела рядом с Сомом опустив взгляд.

– Что вы как пятиклашки по углам жметесь? Я на пару дней переезжаю к Лану, Здесь буду только днём принимать больных.

Ольга подмигнула покрасневший Асе и распахнула дверь приглашая парочку в свой дом. Она на самом деле, и не договаривалась с гончаром, что будет жить у него. Эта мысль пришла ей в голову только сейчас. Ведь у них с Ланом впереди минимум полторы недели подготовки. Гончар башковитый парень, но все-таки куда он денется без ее совета. Тем более, именно она рискует головой в случае неудачи. А молодой парочке наверняка приятней будет на теплых просты-

нях, нежели на зеленой траве, комаров кормить.

Лан новость о том, что Хельга будет ночевать у него, воспринял с радостью. Дом у парня оказался небольшой, немного покосившийся, внутри тесно и уютно по своему: все завалено книгами, исписанными листами, гончарной утварью. Печка крохотная и закопчённая. Но вотстряпня, в этой печи получалась на удивление вкусная, а может и парень умел хорошо готовить. В любом случае, полторы недели в доме гончара пролетели незаметно. Спать парню приходилось в мастерской или на сеновале возле дома, в его небольшом доме всего одна комната и Хельгу смущать ему не хотелось.

Как только староста выдал деньги, Лан поторопился закупиться сырьем. Хорошей пшеницей, медом, фруктами. В ход шли и ягоды, и разнообразные травы. В мастерской стояли бочки с брагой. Вечерами Ольга с Ланом запускали перегонный аппарат, экспериментировали, добавляя в спирт разнообразные ингредиенты. Засыпали только лишь под утро, а потом Ольга бежала домой, где её ждали пациенты, притом некоторые стали приходить из дальних селений.

Последнюю ночь перед отправлением в Китеж Ольга долго не могла уснуть. Перед дорогой все же решила ночевать в своей избе. И все пыталась в уме представить мифический и загадочный город, мечтала туда попасть, представляла будущее молодой парочки, которая отправится туда, чтобы создать новую ячейку общества оборотней и не мыкаться больше по углам.

Глава 7. Солнечная вода

Удивительное человек создание, ко всему может привыкнуть, везде ужиться и даже найти единомышленников и друзей. Вот и Ольга все время ловила себя на мысли, что теперь Звериное полесье для нее вроде как не просто деревня, а место где живут ее друзья и в какой – то степени близкие люди. И теперь совсем ей не безразлична судьба любого жителя этой деревни.

Она привыкла, что все звали ее исключительно Хельгой. Люди, хоть они и оборотни, шли теперь к ней не только за исцелением, но и за советом. Так что врачевать приходилось и тело, и душу. Удивительно, почему приходили именно к ней, к молодой неопытной девушке.

Праздник Дня летнего солнцестояния или именины Ярилы – важное событие в жизни каждого скива. На каждый большой праздник народ со всей округи съезжался в столицу. Три дня в Китеже – это целая маленькая яркая жизнь. Туда отправлялись целыми семьями от мала до велика. Каждый искал в этом городе свое: ремесленники везли разнообразный товар, парни и девушки искали свою судьбу. Парень не мог жениться на девушке, не пройдя все испытания на празднике в столице.

Мужики из Звериного полесья готовили лодки для отправки в Китеж. Сплавливались обычно по Звенящей реке це-

лыми семьями, молодежь компаниями, торговцы и ремесленники собирались в речные караваны.

Лан и Хельга готовились к дороге. Весь самогон, настойки, растирки, лечебные капли погрузили в широкую, плотную лодку, которая называлась «Карасем», из-за широких бортов, неповоротливости, но в нее без труда убралось больше ста пятидесяти литров бочонков, множество глиняных бутылок. Гончар решил ехать на этой лодке, а Хельга на другой, вместе Сомом и Асей и ведуном Пересмыслом. Старик ведун знал много интересных истории и с ним путь не покажется ей таким длинным.

Звонящая река – одна из главных дорог скивов. Вдоль берега толпились разнообразные лодки: быстроходные, но маленькие «Плотвички», неповоротливые широкие «Караси» и «Карпы», плоскодонные и юркие «Щуки». Народ нетерпеливо и тревожно шумел, укладывал в лодки вещи, товар, размещался сам. Некоторые спорили из-за места у берега. А по серебристой водной глади, под палящим летним солнцем уже плыли разнообразные суденышки и лодки. Народ с берега перекликался с путешественниками, знакомцами и родственниками из других скивских деревень.

Хельга поудобнее устроилась в длинной лодке Сомы рядом с Асей и ведуном Пересмыслом. Ее новый сосед гном Аин решил плыть на «Карасе» с Ланом.

Ася плела венок из трав и полевых цветов и напевала какую-то незамысловатую песенку. Ее жених любовался своей

девушкой, которая сейчас напоминала речную зеленоглазую русалку.

Дед Пересмысл дремал на носу лодки, прикрыв от солнца голову широким лопухом. Кустистые брови полностью прикрыли веки старика. Хельга сидела на курдюке. Для поездки в Китеж, Ася смастерила ей новое летнее платье, более приталенное, с каймой василькового цвета по вороту.

– Поехали, – крикнула Хельга Сому, оторвав его от любования своей невестой.

– Подожди, еще одного забыли взять, – сообщил Сом и нахмурился.

Ася улыбнулась ему и одела только что сплетенный венок на голову. Теперь девушка еще больше напоминала речную мифическую жительницу вод.

Они стали ждать. Лодки других семей росомах уже отчалили и отправились в путь. Солнце пекло голову и хотелось пить. Среди бортов порхали зеленоватые стрекозы. На прохладную водную гладь плавно приземлялись одуванчиковые пушинки. В крутом песчаном противоположном берегу чернели норки крикливых ласточек-береговушек, которые раздражали своими голосами чуткий слух оборотней.

Из-за поворота реки показалось несколько плотов из толстых рыжих бревен. Это оборотни из малочисленного рода выдр тащили на продажу в Китеж редкую золотую липу. На последнем плоту стоял кряжистый моложавый мужик и рулил с помощью шеста. Остальные его товарищи в ипостаси

выдр толкали бревна по течению. На плоты были загружены бочки, в которых плескалась живая рыба, она как и бревна являлась ценным товаром.

Уже минуло около получаса, Хельга забеспокоилась, да и устала ждать:

– Чего твой человек опаздывает? Не может в своей избе носки в найти?

Сом промолчал в ответ. Пересмысл, до этого мирно дремавший на носу длинной лодки, открыл один глаз и проговорил:

– Успеется, да и не люблю я в толпе путешествовать.

– Вот и не успеется, – забеспокоился Лан, ожидавший отправления на соседней широкой лодке «Карасе». – Все хорошие торговые места на ярмарке выкупят!

– Успеем, – проворчал Сом, – знаю я тут одну протоку...

Когда отчалили почти все лодки соседей, и берег реки почти опустел, на тропинке, ведущей к реке, появился Храбр с мешком вещей в руках, в кожаных штанах и льняной широкой рубахе с зеленым обережным пояском.

Хельга вдохнула, знала бы она, кого ожидал Сом!

Парень увидел издалека знакомые лодки, махнул Сому и Аину, сбежал к кромке воды. Заметив в лодке Хельгу, спрятал улыбку. Закинул мешок на нос и помчался помогать грузной лодке Лана отчалить от берега. Потом подсобил и лодке Сома.

– Поехали, – сказал Сом, радуясь товарищу. Вместе с

Храбром ему и путешествовать веселее и грести легче.

Юркая «Щука» с легкостью рассекала островатым носом прохладные речные волны.

Лан с Аином, которые плыли на «Карасе», порядочно отстали. Хельга опустила руку за борт и иногда протирала лицо прохладной водой.

На берегах реки, через некоторое отдаление друг от друга, стояли деревушки других скивских родов. Первой на пути встретилась уже знакома Хельге деревня Иволг, родная деревня ведуна Пересмысла. Несколько девиц, заметив в лодке целительницу и старика. Закричали им вслед. Одна из девушек обратилась желтой птицей и сделала над «Щукой» несколько приветственных кругов.

– Ариша, – узнал неизвестно как птицу ведун. – В следующем году и ты поедешь в Китеж.

Иволга издала певучий крик, приземлилась на лодку, обратившись в девушку-подростка.

Деда, я вас провожу, – сказала Ариша.

– Не летала бы ты одна по реке, Ариша, Ивара не боишься, так о родителях подумай, – погрозил девчонке Пересмысл.

– Что еще за Ивар? – заинтересовалась Хельга.

– Это долгая история, – нахмурился старик. – Неприятная история.

– А времени у нас много, – подметила Ася. – Не так давно на двух противоположных берегах Звенящей реки жили два рода Воронов и Ворон и между ними всегда шли споры и

неурядицы.

– И хоть были они в дальнем родстве, но то и дело ссорились. Не находили общего языка. – добавил Пересмысл, приподнялся на лавке. Его пышные брови заколыхались от набежавшего ветерка.

– В деревне Воронов жил Ивар, найденыш. Ивар не имел благословения духов, на ипостась зверя – прародителя, но, слыл умным и могучим, – продолжил Сом налегая на весло.

– Ивар – обычный мальчишка из демгердов. – Перебил его Пересмысл. История эта его сильно, похоже, занимала и он хотел рассказать ее как можно правдивее. – Вот только проклятый. Почему его и вышвырнули свои же, отвезли подальше в лесную глушь, а Вороны подобрали. Баба у них была бездетная, нашла мальчонку и пригрела. А зря.

Хельга верила в эту историю все меньше.

– Может и проклятый, или еще какой. Но почему вы его вспоминаете. Аришу пугаете, словно это «бабайка» какой? – проворчала она, вспоминая, как ей самой в детстве рассказывали разные небылицы.

Сом Пересмысл Храб и Ася переглянулись, а Ариша пожала плечами.

– Он силу имеет. Люди за ним уходят. Иногда ушедших встречают, но они не признают знакомых и родных, а глаза их горят одержимостью. – ответил Сом.

Они миновали еще несколько деревень и теперь по берегам стоял лишь дремучий лес. Стало тихо, даже слишком

тихо. Птицы замолкли, кузнечики в траве перестали стрекотать и ветер пропал.

– Деда, ты не так рассказываешь, – припомнила Ася какую-то часть истории про загадочного человека из деревни Воронов. – По слухам, Ивар обезумел от любви к красавице Снежке из деревни Ворон, – начала рассказывать Ася, осматриваясь, словно кто-то мог их подслушать. – Снежа считалась самой красивой девушкой во всей округе. От одного её взгляда мужчины теряли дар речи. – Ася подчеркнула эти слова указав на свои сомкнутые губы. Храбр сдержанно посмеялся на ее жест. Девушка, любила рассказывать истории о любви. – До чего Снежа была хороша собой и не похожа на других... Случаи были, когда обезумевшие от любви к этой девушке парни накладывали на себя руки или убивали друг друга. Красота ее – это проклятие! Вот и встретились два проклятых Ивар и Снежа. А когда встречается два проклятых, камня на камне не останется! Билось за Снежу немало мужчин на празднике в Китяже и Ивар, чужеземец, выиграл.

– Выиграл, удалой, парень был – у столькох выиграть! – подмигнул Храбру Сом.

Ася посмотрела на Сому, улыбнулась и продолжила:

– Вот только вóроны пошли против всех традиций и Снежу Ивару не отдали. Враждовали с ворóнами и чужаку девушку отдавать не хотели. Вот так. А Ивар об этой девушке грезил наяву.

– Тогда парень пустился во все тяжкие, стал адептом Чернобога и изничтожил две враждующие деревни Воронов и Ворон. Повелевает Ивар тенями и духами, темной ворожкой владеет, – добавил ведун Пересмысл и посмотрел на Аришу, которая слушала рассказ раскрыв рот.

– Чернобогу?.. Чернобог душами питается, деда! – вспомнила Аришка, присев рядом с Асей. – А с девушкой-то что? Что стало? Неужели и её Ивар убил со всеми вёронами?

– Пропала, – ответил ей дед. – Слух был, утопилась.

– Ты прости, Пересмысл, слухи-слухами, а пропадает народ. Ивар, всяких там пернатых не жалует, ему кто посильнее нужен. Недавно мужики и парнишка из Звериного полесья пошли охотиться и не вернулись. Возможно Ивар забрал, – вдруг подал голос молчаливый Храбр и сморщил широкий лоб.

Хельга никак не ожидала, что парень в эти сказки тоже верит.

Сом хлопнул веслом по воде и басовито загудел во весь голос:

– Ивару, пять мужиков скрутить, как раз плюнуть. И лицо у него череп мертвецкий, а тело из тьмы соткано. Говорят, даже солнцу его саван тьмы не развеять.

Хельга улыбнулась, история одна, а в устах каждого рассказчика она звучала по-своему. Ариша, испугавшись долгой обратной дороги и историй про Ивара, вновь обернулась иволгой и издав протяжный свист, полетела обратно до Иво-

вого дола.

Дальше на их пути встречались удивительные и разнообразные селенья оборотней, некоторые названия говорили селений давали представление о их жителях: «Медвежьи холмы», «Волчье логовище», «Клестовая роща».

Звонящая река безмятежно несла свои воды вдоль покрытых зеленью и лесами берегов. Запахло дождем, птицы стали летать низко перед надвигающейся непогодой. Вдалеке виднелась вторая широкая лодка, откуда путешественникам со «Щуки» иногда кричали и подавали разные сигналы Лан и Аин.

– Вот подумай, Хельга, ведь именно в тот, а ни в какой иной день я решил с духами беседовать. И спасение детей Аина тоже не случайно, – вдруг начал рассуждать ведун Пересмысл, видимо История Ивара навела его на эти мысли.

– Глупости, – отмахнулась от ведуна целительница. – Глупости ты дед говоришь. Еще скажи, что я мир должна спасти.

Ведун как-то загадочно посмеялся в усы, прислонил голову к носу лодки и задремал.

"Вздор!" – подумала Хельга. – Бред собачий!"

Налетел ветер и тучи плотной серой пеленой покрыли небо.

– Сейчас польёт, как из ведра! – принялся Сом.

Ася достала из тюка плотную ткань, ведун проснулся, и теперь все путешественники стали разворачивать материю, чтобы накрыться от дождя.

Сом и Храбр направили «Щуку» к правому, более отлогому берегу реки.

– Вот и передохнем, – сказал Храбр, втащив весло в лодку и выкинув за борт увесистый якорь.

Вскоре их догнали их друзья на неповоротливом «Карасе». Лан вразумлял гнома поучительными речами. Аин не слушал его, живо разворачивали из мешка ткань и накрывал товар от дождя.

– Смотри, аккуратнее тут по лодке шастай. Разобьешь, убытки... – ворчал гончар, и сверлил карими глазами ширококостного и низенького Аина, который без особых церемоний перешагивал небольшие бочонки и глиняные бутылки, фляжки и колбочки.

На «Щуке» уже давно все укрылись под тканью. Ася перебралась поближе к Сому. Храбру пришлось перебраться и устроиться рядом с Хельгой. Возникла неловкая ситуация.

Пересмысл заметив это, заулыбался в усы. О мог бы потесниться и пустить парня к себе, но не стал. А Хельге сразу вспомнилась неприятная встреча с Храбром в кузне от этого воспоминания её передернуло. А потом припомнила она и то, как парень защищал ее от нападения гномов. Девушка еще не решила для себя прощать ли заносчивого кузница, но теперь всё равно относилась к нему более сдержано.

Храбра такое соседство ничуть не смутило. Он поскреб покрытые щетиной щеки, уселся рядом с целительницей.

– Не мешаю? – нахально поинтересовался он.

– Нет, – ответила Хельга, стараясь не смотреть на него.

Согласилась Хельга, наверное, слишком поспешно, от голоса Храбра вновь нахлынули эмоции. И снова эти чувства были слишком сложны для того, чтобы понять их.

Дождь не заставил долго себя ждать и стремительно брызнул, покрывая мелкой рябью поверхность реки.

– Вот скажи мне, Лан, а ты веришь в предназначение? – громко спросила Хельга друга сидевшего в соседней лодке, стараясь перекрыть шум дождя.

Ей хотелось заполнить тишину. И отвлечься от ванильного сюсюканья Сома и Аси. Как только эта парочка выбрались за пределы деревни, сразу отбросила былую робость и сейчас Ася сидела у Сома на коленях, полностью игнорируя присутствие остальных попутчиков.

– Конечно, – приподняв край ткани, прокричал ответил гончар. – Каждый человек играет в жизни другого человека определенную роль. Мы все ниточки одной паутины, стебли в одном поле и части одного целого. Вот если бы я тогда за водой не пошел на колодец и не встретил тебя – никогда бы не узнал, как болит голова по утру после попойки, – улыбнулся парень.

– А вот что я думаю, Хельга, – обратился к девушке ведун. – Все же ты не просто так сюда попала. Значит здесь ты оказалась нужнее. Предназначение твое здесь находится среди нас.

Хельга не поверила своим ушам и пожала плечами:

– То есть, меня свекровь моя будущая не зря грибами отравила. Не зря хотела убить – так получается?

– Так, она тоже свое предназначение выполняла, тебя к нам отправить, – пояснил старик.

– Ах, сука, предназначение! – привстала от возмущения Хельга. – Значит, если я человека захочу убить – это я свое предназначение выполню!..

Пересмысл немного задумался, кустистые брови его слегка приподнялись.

– Да, выходит выполнишь. Если суждено человеку погибнуть – погибнет. От меча, хвори или оступится на ровной дороге – не важно. Суждено жить, чтобы с ним не случилось – жив останется. Представь, Хельга, скольких ты спасла, пока здесь находишься. Нет, не зря сюда тебя предназначенье забросило!

Хельга присела обратно на лавку. Пересмысл оставался все в том же расслабленном состоянии на носу лодки. Придерживал над головой кусок ткани и иногда проваливался в думы.

– Думаю, ты еще не выполнила свое предназначение до конца, – сделал он вывод.

Хельга умыла лицо прохладной водой из реки. Сом, Храбр и Ася притихли. Дождь продолжал идти, барабанил по пропитанной дегтем и ещё каким-то составом непромокаемой ткани.

От шума дождя и видимо пригревшись рядом с девушкой Храбр задремал, опустив темноволосую голову ей на колени. Целительница ругала его за это про себя, чувствовала его запах, совсем не похожий на человеческий, но будить не стала.

Сквозь серые тучи выглянуло солнце и позолотило все вокруг. До чего же это было необычное зрелище. Капли блестяли от солнечных лучей, падая на поверхность реки.

– Солнце при дожде – хороший знак! – подметил ведун. Он выставил суховатую руку из-под ткани под живительные струи дождя. – Сегодня особый день и такая вода имеет особое, целебные и колдовские свойства.

– Обычная вода, – выпрямилась Хельга и положила ладонь на голову Храбра. Тот проснулся, закашлялся и поднял голову с колен девушки.

Пересмысл ничего не ответил Хельге, только улыбался как-то хитро. Лан, услышав старика бросился набирать “солнечную воду” в кувшины и почему-то очень этому радовался. Никак придумал что-то?

Дождь закончился, снова все вокруг ожило, защебетали птицы, зажужжали надоедливые комары. А деревья трава и кусты покрывала искристая дождевая влага.

Путники сложили ткань в лодки и поплыли дальше.

Хельга опустила запястье в воду и наблюдала за расходившимися от борта лодки волнами. Вдруг кто-то коснулся её запястья и звонко захихикал. Она дернулась подскочила и повалилась на Храбра, который работал теперь веслом на

соседней лавке. Парень не стушевался, ловко подхватил ее, придержал одной рукой и не дал упасть за борт.

– Меня кто-то из реки за руку схватил! – сердце вздрогнуло от страха и в кровь Хельги моментально поступила приличная порция адреналина. Уж она-то об этом догадывалась наверняка.

Но спутники её совершенно не удивились этому. Молчаливый Храбр скупно улыбнулся на удивление девушки. Ася начала смотреть за борт, видимо хотела там что-то или, скорее кого-то увидеть.

– Да это водяные шалят, – успокоил целительницу ведун. – Ты руку-то опустила в воду, вот и решила один из них с тобой поздороваться. Говорил же, вода сейчас особые свойства приобретает. Лесные и водные духи пробуждаются.

– Да меня чуть удар не хватил! – хваталась за сердце целительница.

Путешествие их продолжалось еще несколько дней. И все это время Хельга не переставала удивляться.

Разновидностей оборотней в этих местах превеликое множество. Казалось, что каждая птица или зверь мог оказаться и человеком. Теперь понятно, почему с таким уважением скивы относились к животным. Притом настоящий это зверь или скив ее спутники различали сразу, и Хельга каждый раз этому удивлялась.

– Ничего, – подсмеивался над ней ведун Пересмысл, – и ты научишься, нас отличать.

Леса в землях скив совсем не такие, как в её родном мире. Да в них росли знакомые Ольге деревья, но вырастали они до исполинских высот. Вот уж воистину дремучие леса скивские.

Все больше Хельга осознавала, что от Оренбурга она не просто далеко, а очень далеко. Где же вы, русские леса, пусть и есть в них вековые сосны, но совершенно нормальные. Не такие огромные и ветвистые. И в начале лета поют совершенно нормальные соловьи и варакушки. Точно не оборотни.

Еду взяли с собой. А к концу пути остановились у поселка Барсуков и пополнили ее запасы. Для ночевки приставали к берегу Звенящей реки. Сооружали из непромокаемой ткани что-то вроде палаток: подпирали ткань кольями и на землю постилали сухую траву. Спали всем скопом, бок о бок. По одному или вдвоем сторожили. Девушкам парни миссию охраны лагеря не доверили. Впрочем, девушки не сильно расстроились.

К концу четвертого дня добрались до небольшого городка Приречье, серого и унылого, пропахшего сыростью и помоями с немощеными улочками и низенькими деревянными домиками. Хельга высадилась из лодки, осмотрелась по сторонам и немного поежилась. В городе можно было остановиться на ночлег или нанять телегу, чтобы от реки перевезти товар до Ярозера, на котором и появлялся славный град Китеж.

Все путники единогласно решили, что оставаться в При-

речь надолго не станут, к тому же, до Ярозера всего день пути, а там можно и на берегу подождать. Лан торговался с хозяином речной пристани. Пузатеньким мужичком с пухлыми пальцами и коричневыми сальными кудрями. Тот грыз кедровые орехи и выплевывал мелкие красноватые скорлупки на сырые мостки причала. За его спиной, прямо на тех же мостках, торговали свежей рыбой несколько женщин. Толкался прибывший на пристань по реке люд.

– Послушайте, уважаемый, десять монет неплохая цена, – упрасивал Лан. – Ведь раньше, когда я торговал горшками мы сходились и на трех монетах. – Лан улыбнулся. – Что изменилось?

Толстяк вытер пальцы о засаленные бока длинной рубахи.

– Теперь товар-то другой, подороже, значит и цена другая, – он выплюнул на сырые мостки порцию ореховой скорлупы. Его красный нос облупился.

– Горшки и пара бочек? – уточнила Хельга. – Ничего не изменилось, уважаемый.

– Хе, не надо меня за идиота считать, а что в бочках-то везете? Вино? А вино дорого стоит.

– Какое вино, так лекарства. Мы тебе за постой платим, а не за товар, – хитро прищурилась юркая девушка и указала на Пересмысла, за спиной у которого переминалась с ноги на ногу живой и подозрительно улыбчивый Храбр и возвышавшийся над ним Сом. – Мы целители, везем лекарство в Китеж.

– Что, все целители?

– Да, мы, например, костоправы, – улыбался Сом, словно кот после порции валерианки, – Я мастер Сом. Э-э-э... – он обернулся и с удивлением обнаружил, что юркий Храбр куда-то пропал.

Толстопузый оказался не из робких.

– Таких костоправов я и здесь найду, – спокойно ответил он. – Только свистну.

Мужик долго упирался. Тот еще выискался прохвост. Но и Хельга спуску не давала и тоже упрячилась, не хуже местной ослицы:

– Ты что, сука, цены за постой такие заваливаешь. У тебя что пристань золотом вымощена?

– Пятнадцать монет! – заявил хозяин пристани.

– Ну ты и торгаш... – покраснела целительница и сжала кулаки.

– Двадцать пять. Или плывите туда, откуда приплыли!

Лан дернул Хельгу за руку, давая понять, что лучше больше не упираться.

– Хорошо, мы заплатим, – согласился он.

Храбр все это время крутился неподалеку от толстяка, гладил его мохнатого ослика, рассматривал рыбу у торговков.

Получив от Лана, кошель с деньгами, мужичок направился к ослику и гаркнул злобно на Храбра:

– Пшёл вон!

– Простите за неудобства, – надел на лицо лисью улыбку

Храбр.

Толстяк поставил ногу в стремя, крикнул и попытался взобраться на ослика.

– Пшел вон! – снова рывкнул на него толстопузый и пришпорил осла.

– Ты еще в зад его поцелуй! – разозлилась на парня Хельга.

– Сколько он с вас взял? – спросил росомаха, проводив взглядом удалявшегося от них вдоль мостков хозяина пристани. Рожа у Храбра в этот момент была подозрительно довольная.

– Двадцать пять монет, за каждую лодку, – ответил ему Лан.

– Мда, ободрал вас по полной!

Парень хлопнул себя по боку. Раздался звон монет. И все увидели на его поясе довольно увесистый кошель, притом намного больше того, что отдали за лодки.

– Где-то убыло, где-то прибыло, – подмигнул плут и махнул Лану, – Пошли нанимать ослов и тележки.

Тележки с приозерскими осликами, что может быть лучше, для перевозки груза. Особенно такого хрупкого и ценного, как бутылки с самогоном. Выносливые, сильные животные с косматыми длинными ушами, которые не боялись оборотней и могли перевозить до пятисот килограмм.

Ослы перебирали копытами, поднимая облачка пыли на высохшей и потрескавшейся от жары дороге. Всего наняли

три телеги. В одну сложили вещи из лодок, в две остальные товар.

Телега с вещами мерно покачивалась, подпрыгивала на выбоинах и кочках. Лан сидел спереди и управлял парочкой осликов, телеги связали гуськом. Девушки устроились на сиденьях телеги сзади. Храбр развалился у девушек почти в ногах. Прилег, положив голову на свой мешок с вещами и пересчитывал добычу. Монетки звякали и поблескивали в его ловких пальцах. На лице молодого плута сияла улыбка. Он отдал Лану все, что было уплачено за постой лодок и теперь пересчитывал остатки. А остатки, похоже, были очень недурными. Пересмысл устроился в следующей за ними телеге вместе с Сом. Сел на один из бочонков. Аин горлопанил песни в замыкающей третьей телеге.

Путешественники отделились от городка Заречье, миновали по дороге рощицу молодых деревьев и выехали на луг. Высокая трава колыбалась от жаркого ветра, ходила зелеными волнами. Пьянящий аромат трав наполнял легкие, теплый летний ветер трепал розовые волосы Хельги. Стрекотали кузнечики. вслед за телегой по пыльной колее бегали, покачивая длинными хвостиками желтые и белые трясогузки, ловко хватая потревоженных насекомых.

Сейчас волосы Хельги приобрели нежно-розовый оттенок, потому, как у их хозяйки было хорошее настроение.

– Красиво, – грустно произнесла она и глубоко вдохнула аромат трав. – Как мне нравятся полевые цветы.

Сом услышал её почесал свою светлую макушку, обернулся зверем и нырнул в зеленые волны ароматного разнотравья. Утоп в них минут на десять и потом выбежал впереди телег, которыми управлял Лан, с букетом ярких полевых цветов в звериных лапах и протянул их Асе.

Ослы, завидев зверя, громко закричали “Иа-а-а!” и встали как вкопанные. Ведун Пересмысл чуть не свалился с бочонка, Аин заругался отборной гномьей бранью и пригрозил кулаком здоровенной росомахе.

– Романтик! – только и смогла сказать Хельга, рассматривая удивительный букет полевых цветов: пахнущий медом иван-чай, белоснежные с ярко-желтыми сердцевинами ромашки, нежно-голубые васильки и ярко фиолетовые колокольчики.

Косматый, когтистый зверь стоял на задних лапах у телеги и протягивал Асе ароматный букет, выставив красный язык из пасти и иногда облизывая им черный, влажный нос.

Ася погладила мягкий, покрытый желтоватой пылью мех оборотня. Хельга в этот момент вспомнила о Лео.

Лео тоже дарил ей цветы. Дорогие сортовые розы. Много роз. Иногда до безобразия много! Она ворчала на парня и его расточительность и втихоря выбрасывала цветы на помойку или раздавала подругам и знакомым.

Телега продолжала стоять. Пересмысл сел на край и прикрыл голову от солнца найденным у дороги лопухом. Любил старик лопухи. Ася жадно смотрела на цветы в лапах Сомы,

Хельгу и улыбалась.

– Ты чего, Хельга!?! – заметила она влагу в уголках глаз целительницы.

– Цветы жалко, завянут, – ответила Хельга. – Мне теперь никто цветы дарит.

Она покосилась в сторону Храбра. Тот все так же с азартом пересчитывал блестящие желтые монетки, не обращая никакого внимания на пытливые взгляды девушки.

Росомаха, плюнула себе под лапы, снова обернулась в высоченного здоровяка со светлыми волосами.

– Надо поторапливаться, – Лан приставил ладонь ко лбу и посмотрел на небо. – Времени в обрез, вечер скоро.

Сом оставил цветы Асе и вернулся к телеге.

Проскочив луг, они погрузились во мрак исполинского леса. Хельга посмотрела на небо. Его почти не было видно среди ветвей сосен.

К вечеру путешественники добрались до Ярозера. Огромного, с прозрачной водой, несколькими отлогими песчаными берегами. Солнце незаметно скатилось к горизонту, окрасив его в алые цвета.

На берегу уже толпились люди и нелюди. Кого тут только не было. Кроме разнообразных оборотней, по песчаному берегу прохаживались огромные трехметровые орки, небольшими компаниями у костров сидели остроухие аслау. Народ похожий на эльфов, только с маленькими рожками на голове.

Темнокожие фаширазцы проверяли товар. Их торговые караваны, состояли из паланкинов. Среди южан встречались и рабы с ошейниками. Не очень приятное зрелище. Еще больше удивило Хельгу то, что Пересмысл утверждал, что эти рабы волшебники.

Все держались «своих». Так поступили и жители из Звериногo полесья: устроились на ночлег рядом со знакомыми и соседями. Здесь их отыскалось немало. Развели очаг и почти до утра проговорили о славном городе Китеже. Старики вспоминали его, как самое яркое чудо из чудес, молодежь хорохорилась перед предстоящими праздничными обрядовыми играми и соревнованиями. Женщины готовились приобрести в Китеже разнообразные диковинные товары. Подростки с нетерпением ждали чуда появления города. Лан и Аин устроились на ночлег прямо в телеге с товаром. Храбр и Сом подкладывали дрова в общий костер. Ася слушала их рассказы и иногда смеялась.

Хельга сидела в стороне от всех и слушала разнообразные истории, рассматривала с некоторым удивлением других обитателей этого мира. Ну и дела, разве могла она себе представить, что все эти создания существуют на самом деле? Живут себе, здравствуют и не подозревают, что есть место, в котором о них слагают легенды, сказки или выдуманные истории. А вдруг некоторые из историй являлись правдой!

Рассвет не заставил себя долго ждать. Густой туман по-

крывал воды Ярозера. И только первые лучи солнца озарили землю, все ожидавшие на берегу оживились и стали готовиться к появлению чудо-города.

Туман медленно отступил, оголяя гладкую поверхность воды. Действительно, сейчас озеро стало похоже на огромное зеркало, в котором отражалась заря. Потом вода забурлила, словно вскипела, и из неё показался радужный купол.

На берегу началась суeta. Торговцы торопились занять очередь ко входу в город. Лан приготовился еще затемно и чутко стоял на стреме. Хельга и все ее спутники живо заняли места в телегах.

Город медленно со дна поднимался озера. Когда стены и постройки Китежа показались полностью над поверхностью воды, купол лопнул, словно мыльный пузырь и от острова с городом на берег перекинулся широкий мост.

Телеги и торговые караваны выстроились на мосту. Телеги Лана выстроили гуськом и сверху накрыли тканью от любопытных глаз, привязав ослов друг за другом. Гном Аин дремал во второй телеге под тканью.

Через широкие ворота они въехали в город Дома Китежа украшали деревянные кружева, а на широких улицах путник чувствовал себя уютно и одновременно празднично.

Лан направил телеги к рыночной площади. Навестил избу урядника, оплатил торговое место. И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Лан увидел торговую лавку дворфов – гномов, которые

населяли Акрум и в отличии от своих собратьев, полностью переселились на поверхность земли.

Гончар притормозил телеги, спрыгнул с сиденья и как зачарованный направился к лавке. Его встретил дворф, с пышными рыжими бакенбардами, на его крупной голове возвышался цилиндр. Сам механик и продавец одет был в жилет со множеством карманов и кожаный плащ, тоже со множеством карманов. Глаза наземного гнома прикрывали круглые очки на тесьме с набором увеличительных линз с правой стороны.

Крыша у лавки стала медленно открываться, пропуская солнечный свет на разнообразные механические вещишки: часы, музыкальные шкатулки, шарманки. Дворф капал из масленки на механизм, который отвечал за движение крыши.

– Опять скрипит, гайку мне в ухо, – ворчал торговец.

Лан подошел к нему, поздоровался и стал рассматривать часы. Хельга, Храбр, Сом с Асей и Пересмысл устремились вслед за Ланом к лавке.

– Постой Лан, а как же «дело»? – спросила Хельга. Она знала Лана не очень давно, но его слабость к книгам и механизмам понимала прекрасно. Да и самой ей не терпелось взглянуть на удивительные механизмы.

Храбр с любопытством рассматривал ассортимент дворфа.

– Какой же кузнец, делает у вас такие штуковины, – поинтересовался он.

– Кузнец, хм, – с некоторой иронией посмотрел на него широкоплечий гном. Был он хоть и ниже ростом мастера по металлу из Зверинного полесья, но смотрел на него немного свысока. – Кузнец? Это тебе не плуг ковать, парень. Работа тонкая, почти как у ювелира. Мастера-механики это тебе не какие-то там кузнецы-самоучки.

– Самоучки, – рассердился Храбр. – Это я самоучка? Моя семья держит молот и клещи уже девять поколений!

Дворф не стал спорить и тут же нашел чем занять внимание парня.

– Мастер, говоришь, – загорелся казалось искренним интересом к Храбру торговец и опустил на правом глаз линзу побольше. – Для мастеров у меня есть очки.

Дворф указал на прилавок в углу лавки. Там были разнообразные круглые очки, с желтыми, красными и синими стеклами. С наборами накладных линз, таких же, как у самого хозяина лавки.

– Самое главное, для нас, мастеров, защита глаз от искр – помпезно сказал наземный гном. – У нас все мастера такие носят.

Храбр хмыкнул и взял очки с синими стеклами и посмотрел сквозь них на свет.

– Берите с коричневыми линзами, самые лучшие. И так можно от солнца носить и работать.

Храбр примерял очки. Выглядел он в них как сварщик. Хельга не удержалась от улыбки.

– Баловство для городских, – оценил Сом.

– Таких ни у кого в Зверинном полесье нет, – подивилась Ася.

– Возьму! – согласился кузнец и достал мешочек с монетами.

Услышав звон монет, дворф оживился и снял с головы цилиндр.

– А если синие возьмете, то и зимой можно в метель ходить, – гном бросился перебирать товар. – И с линзами берите. Пригодятся, для мелкой работы. А вот эти желтые в серебряной оправе – можно как монокль использовать. Хорошо вдаль все видно... – торговец нахваливал товар и предлагал Храбру все померить.

Сначала от такого разнообразия у парня разбегались глаза. Он померил очки, спросил о каждом. В конце концов, купил пару. Одни для работы, вторые просто для красоты.

Лан осматривал часы и издавал восхищенные вопли. Особенно любовался карманными с серебряным корпусом и гравировкой. Но денег на такую дорогую покупку у гончара не имелось, от этого он громко и грустно вздыхал.

– Ничего, с первой выручки золотые купишь! – подержала его Хельга.

Пересмысл диковины рассматривал с некоторым недоверием. Хмурился, о чем-то под нос бранился. Хельгу товары дворфа забавляли. Но когда она вспомнила о цели их приезда в Китеж и обернулась, посмотреть на повозки, ее лицо

момента́льно побледне́ло.

Их вещей и товара возле лавки не было.

– Лан, Лан, где телеги? – одернула она гончара за рукав осматриваясь по сторонам.

Глава 8. Бочонок для орка

Вся компания выбежала из лавки дворфа. Телег нигде не наблюдалось. Как будто и не было их никогда.

– Лан, ну как так-то? – только и смогла сказать Хельга.

– Телеги не монетка, сами не потеряются, – рассуждал Храбр. – Увели.

– Ну, если постараться, можно и целого мамонта спрятать, – не согласился с ним ведун Пересмысл.

– И дернул меня какой-то леший, зайти в эту лавку! – убивался Лан и хватался за голову.

– А еще говорят, что мы, женщины, любим побрякушки, – подковырнула гончара Ася.

“Так, что же делать? – рассуждала Хельга, – Возвращаться обратно в Звериное полесье. Нет!”

– Давайте поделимся и пойдем в разные стороны. Храбр прав, телеги так просто не спрячешь, – предположила цельтельница.

Так и поступили. Разделись парами и пошли искать. Сом с Асей, Пересмысл с Храбром, Хельга с Ланом.

К полудню в городе стояла жара. Хельга бродила на пару с Ланом, изнывая от жары. Они обошли почти каждый поворот и закоулок восточной части базарной площади.

“Найдем ли? – рассуждала Хельга. – Сом и Ася сейчас о другом думают. Сом парень добрый, но тупой, а сейчас, ко-

гда Ася рядом, особенно. Пересмысл с Храбром найдут скорее приключений на жопу, но не телеги. Каким богам молиться?”

Люди и нелюди расслабленно сновали по улочкам Китежа, даже подозревая о печали, которая обуревала сейчас друзьями. Они добрались до сенного рынка, который примыкал к рыночной площади. И сели для отдыха на лавочку рядом с конской привязью.

– Пить хочется, – совсем раскис гончар. – Может телеги уже...

– Ты Лан сбегай за водой, а еще поищу. Как там говорится? Дорогу осилит идущий. – Не собиралась сдаваться целительница. – Нет, так просто я свои и твои труды отдавать не собираюсь. Давай шевели ногами, а я еще вон там гляну.

Лан помчался вылавливать водоноса, а Хельга решила заглянуть в довольно широкий переулок слева от рынка между домами. Если бы она увела телеги – точно бы там и припрятала.

Каково же было удивление, когда она заметила в начала переуллка знакомых ослов и три телеги покрытые тканью. У телег, расположенных гуськом, топтался человек в длинном плаще. Лицо вора от солнца прикрывал широкий капюшон. Жулик взял поводу осликов, запряженных в первую телегу.

– Стоять! Руки за голову, ноги на капот! – крикнула командным голосом Хельга.

Она рассчитывала, что ворюга испугается и оставит по-

возки в покое. Но тот увидев перед собой хрупкую и не слишком высокую девушку лишь посмеялся.

– Исчезни, женщина! – презрительно отмахнулся от человек в плаще сверкнув из складок сталью кинжала.

– Женщина? – разозлилась Хельга, ее волосы стали менять цвет. Она упрямо встала на пути у жулика. – Мне двадцать лет всего, ублюдок!

Услышав крики и ругань вокруг телег начала собираться толпа. Кто-то из торговцев успел сбегать за городской стражей.

– Что за шум? Почему ты кричишь девица? – поинтересовался подоспевший страж, довольно внушительной внешности, может быть чуть менее здоровее Сома. Правда у этого и взгляд был поосознанее.

– Это мои телеги! Мои. – заявила стражу Хельга. – Он вор и хамло.

Вор не испугался стражи, наверняка рассчитывал, что девушке никто не поверит.

– Какие у бабы могут быть телеги? – Повторил он. – Твои тут только сиськи, дура, а не телеги.

Толпа оценила шуточки вора и стала посмеиваться. По лицу стража, Хельга поняла, что он скорее хочет поверить вору, чем ей. Стало не по себе.

– Его телеги, пусть скажет, что в них! – потребовала она. Мужик потянулся к ткани. Хельга схватила его за руку.
– Если он хозяин и так знает!

Человек в плаще снова усмехнулся, улыбка у него была хитрая не натуральная. Он играл свою роль и играл пока неплохо.

– Буылки, бочки, склянки разные... – ответил поддельный хозяин телег.

– А что в бутылках и бочках? – не отставала девушка.

Вот тут-то мужик замялся, но потом нашелся.

– А тебя это не касается!

Теперь Хельга усмехнулась.

– Дубекар! – прокричала она боевой клич гномов.

– Дубекар!

На второй повозке ткань сначала заходила ходуном, потом затрещала, разрезаемая боевым гномьим топором и в прорез выскочил разъяренный гном Аин. Карие заспанные глаза его сверкали от ярости, всклокоченная борода топорщилась. Воры не заметили, что под материей кто-то спал и увели телеги вместе с гномом в придачу.

– Дубекар, – отозвался бывший тан и стал искать, кого ему следовало порубить на куски.

Стражи ошетинились копьями. Подставной хозяин телег в одно мгновение куда-то испарился. Пока выясняли что да чему, воруа успел далеко убежать. Гнома стражи расспросили, а потом оставили покое.

К этому времени подоспели и остальная компания Хельги. Лан взялся пересчитывать бутылки и осматривать добро. Храбр и гном побежал вслед за бравыми стражами, кото-

рые теперь намеревались точно арестовать вора. Сом тяжело вздохнул, глянул на свою девушку.

– Догонят сами, – предугадала его намерения Ася. – Лучше помоги лавку обустроить.

– Верно, дела надо делать. – Подбодрил Пересмысл.

Путешественники забрали, наконец, телеги с товаром и отправились к арендованному торговому месту.

Место им досталось неплохое, почти что у самого входа на рынок. Когда сом и Лан стали разгружать телеги и раскладывать товар, сразу явились любопытные соседи-торговцы и стали интересоваться.

– Чем торгуете, ребята? Вином? – напрямую поинтересовался лисеватый мужик, что продавал не соленья в соседней лавке.

– А нет, не вином. – Распылялся Лан. – Мертвой водой.

Лысый оттянул губу и крикнул, как гусь. Хельга даже не поняла смеётся он или дивится.

– Чего? Какой водой?

– Мертвой водой.

– Ну-ну, – теперь точно посмеялся на них торговец соленьями. – Торгуйте.

Время близилось к полудню, а покупателей не находилось. Люди и нелюди интересовались, подходили, но потом любезно отказывались тратиться. Ведун, скучая, сидел на стуле возле лавки и грыз баранки, запивая их отваром из трав. Всю эту снедь старик приобрел в лавке, в которой торгова-

ли вареньем и разнообразной выпечкой. Отвар разливала по кружкам крупная розовощекая баба в платке. Сом и Ася отправились гулять по рынку и городу. Будущий невесте хотелось присмотреть и примерить наряд на свадьбу.

– И тишина... – рассуждала вслух Хельга, с некоторым недоумением рассматривая пустую лавку.

Лан морщился и с тоской смотрел на небо, рассчитывая по солнцу время:

– Лавка всего на три дня арендована, если торговля и дальше так пойдет... – расстраивался гончар.

Хельга встала у лавки и стала громко зазывать:

Подходи народ, только три дня в Китеже продается целебная Мертвая вода. Подходите, покупайте.

Широкая трехметровая фигура орка закрыла гончару вид на небо. Орков в Китеж прибыло немного. Торговали зеленокожие ездовыми и тяговыми носорогами, поделками из кости и прочими редкостями из диких степей Мельхиор. Этот, похоже, являлся главным из их группы.

Не смотря на жару, на орке была одета отороченная мехом жилетка. На торчавших из пасти нижних клыках – золотые, инкрустированные гранатами кольца. Вместе с ним всюду следовали двое орков-воинов с богато украшенными саблями в рост человека и висевшими на поясах палицами. Цвет их кожи был не таким зеленым как у купца. Как объяснил потом Хельге ведун Пересмысл, цвет кожи орка, говорит о его принадлежности к определенной касте.

Например, эти воины были серокожими, то есть являлись воинами и охраной для более знатных собратьев.

– Что это за Мертвая вода такая? – громко прорычал орк. – Что она делает?

Лан при виде этой зеленой твари побледнел лицом.

– В малых количествах лечит, а в больших и носорога свалит, – как-то очень нервно улыбнулась Хельга, в крови у неё ещё играл адреналин от недавней стычке с вором и нервы требовали выплеска эмоций.

Так что сейчас этот хамоватый зелёный орк, одетый как какой-нибудь кочевник, откровенно нарывался на пару ласковых.

– Для вас, маленьких человечков, вообще много не надо. Вы ведь не дикой крови, закаленной суровыми степными ветрами. Что с вас взять, для вас и один рог норкора² на дюжину разводить надо.

Хельга не стала ничего доказывать поставила на прилавок маленький бочонок спирта.

– Рог – это, наверное, много, – подмигнула ему девушка с розовыми волосами. – Больше чем этот бочонок?

– Больше, – усмехнулся орк. – Раза в три больше.

– А как зовут уважаемого? – голос Хельги приобрёл елейно-ласковый тон, тот, который она сама до смерти не любила в людях и с таким обычно разговаривают торговцы, коими

² Норкор – сброженное носорожье молоко, являющееся слабым алкогольным напитком; Рог – мера жидких; сыпучих продуктов равная примерно 11,5 литра.

они сейчас и являлись.

– Батар, сын Бадмы, клан Арвай. – с гордостью голосе произнес орк, который был едва ли не в три раза выше девушки.

– Сначала мы выпьем по чуть-чуть из этого бочонка. Так ты убедишься, что у меня нет злого умысла тебя отравить. А потом, уважаемый Батар, я предлагаю тебе пари.

– Пари? – недоумённо произнес орк.

– Спор, к примеру... – девушка сделала лёгкую паузу притворяясь, что думает, какой бы спор предложить орку. На самом деле она всё давно уже придумала. – К примеру, что ты, Батор, сын Бадмы из клана Арвай, не сможешь выпить вот этот самый бочонок. Как ты сказал, он ведь маленький. В три раза меньше обычного рога, из которого пьют орки.

Тут в разговор вмешался маленький, и довольно щуплый, эммм ... орк? Выглядел он слишком худым невысоким для представителей его расы. Облаченный в яркие одежды и не имевший оружие Если не считать за таковое бубен и коло-тушку, сделанную кажется из человеческой кости.

– Батар, не спорь с этой женщиной. Ты же знаешь, что все их женщины шулам³. Она обманывает тебя, притупляя твою бдительность своими сладкими, как отравленный мед речами.

– Молчи шаман. Батар никогда не боялся ни одной женщины. Тем более человеческих. Что ставить будешь красавица. – Орк будто плевал словами, так они были неестественны

³ Шулам – с наречия орков ведьма.

для него.

Хельга заметила на руках шамана глубокие порезы, края которых нездорово опухли и были покрыты желто-зеленой коркой засохшего гноя.

– Ставлю на спор весь спирт, а это больше двухсот литров.

– Сперт? – Орк снова коверкал незнакомые слова.

– Мертвую воду. – пояснила для не сильно сообразительного орка Хельга.

Услышав её слова, Лан сокрушенно выдохнул позади, однако, спорить не стал. Пересмысл, как обычно, лишь загадочно улыбнулся. Он знал больше многих и не всегда своими знаниями делился или высказывал. не зря есть одна мудрая поговорка «Молчание – золото».

– Юксэн усс⁴, говоришь. – Дивест литеров?

– Десять с лишним рогов. – Девушка ловко перевела в уме объём огненной воды в понятные для орка меры. – А что ты готов поставить, Батар сын Бадмы из клана Арвай, если так уверен в себе?

Орк призадумался. Любопытная толпа, окружившая лавку, тоже молчала, смотрела взглядами полными немого вопроса на представителя орочьего племени.

– Если выиграешь ты, выполню любую просьбу. Поверь, это не мало! – ответил зеленокожий.

– Лан, тащи бочонок. – махнула девушка гончару. Тот снова тяжело вздохнул и сию же минуту поднял и притащил к орку, то

⁴ Юксэн усс – на орочьем наречии “мертвая вода”.

что у него потребовали.

Батар легко открыл бочонок, взгромоздился на маленький для орочьего зада стул. Хельга поставила перед ним кружку на прилавок.

– Не все сразу – опасно. Вот кружками лучше.

Батар только хмыкнул:

– Так и быть, давай кружками.

Батар стал пить глотками, как обычно пьют кумыс или некрепкое вино. Естественно глотку у него загло, но купец не сдавался. Слишком высоки были ставки.

Бочонок опустел не сразу, пришлось орку постараться и испытать своё терпение. Орк кряхтел, кашлял, морщился, притом рожа у него была такая, словно ему в глотку заливали огонь:

– Ядрено поило!

Хельга стояла рядом:

– Мертвая вода свалит и быка. – Девушка говорила эти слова громко, чтобы их услышало как можно больше людей.

Праздный народ, который как раз в большом количестве прогуливался по торговой площади мимо лавок, останавливался посмотреть на то, как огромный орк на спор выпьет целый бочонок нового напитка.

Орк пил. Упорно глотал из кружки напитков и старался не морщиться.

Хельга заметила, как Лан с тревогой смотрит на Батара. Неужели придётся отдавать добро.

Купец хотел что-то сказать, но вдруг пошатнулся, подняв ногу, и упал со стула мордой прямо на мостовую. При этом полностью перегородил вход в лавку. Его охрана растерянно смотрела на хозяина и не знала как поступить.

– Вот! – ликовала розоволосая девушка. – Заберите его! – Обратилась она к сопровождению Батара.

Но по каким-то там обычаям или правилам, орки не могли без дозволения прикасаться к своему хозяину.

Спор и всё это представление возымело должный эффект. Храпевший орк служил приманкой для зевак и потенциальных покупателей. В лавку стали подтягиваться люди и нелюди. Им приходилось перешагивать прямо через зелёного знатного орка, который теперь храпел чуть ли не на всю торговую площадь. И своим храпом привлекал новых зевак и потенциальных покупателей.

– Мертвая вода, настойки целебные, от разных хворей и недугов, – рассказывал покупателям о товаре гончар и добывал полог плавки разнообразные в бутылке и склянки.

Никогда прежде Лан не улыбался настолько приветливо, как сейчас. Да, парень понимал, как важно быть вежливым к тем, кто, возможно, купит у тебя товар.

Не зря отчим Ольги говорил, что быть торгашом – это такой же талант, как, например, играть на скрипке. И это талант парень начал сейчас оттачивать.

Правда спиртом интересовались в основном мужчины.

– Лан, не плохо было бы привлечь и дам, – Обратилась к

своему компаньону Хельга. – Что мы можем предложить им кроме настоек и лекарств?

Лан протянул своей подруге два маленьких глиняных пузырька.

– А может это попробовать? Благовония.

Целительница взяла пузырьки, открыла пробки, понюхала, ощутила нежный запах луговых цветов.

– А ничего пахнет. У нас это называется духами.

Заметив у лавки двух любопытных молодых особ в пышных платьях, Лан чуть стушевался, но все-же подошел к ним и очень сказал:

– Не желаете ли посмотреть благовония, – и пригласил в лавку. При этом они, как и все остальные покупатели, перешагнули через спящего прямо на мостовой зеленого орка.

Ведун наблюдал за серыми орками. Те обречённо и растеряно топтались около своего храпящего господина:

– Ваш хозяин теперь так до самого вечера пролежит. Возьмите да перенесите его подальше от прохода, по его клыкам уже мухи роем ползают. – Сочувствуя советовал старик.

Серокожие его слова словно пропустили мимо своих огромных ушей. Они и сами всё это понимали, однако, боялись притронуться без дозволения к телу своего господина.

* * *

Храбр и Аин вернулись в лавку ближе к обеду. лица и бы-

ли в ссадинах. Храбр держал в одной руке разбитые новые очки.

– Допрыгались, – иронично посмеялась на них целительница.

Да, похоже, они всё же смогли найти воров и даже подраться. Хельга не знала как и реагировать на это, то ли смеяться, то ли сочувствовать: теперь эти двое сами выглядели как работники ножа и топора. Обработала их ссадины спиртом, на всякий случай.

Гном перенес дезинфекцию ран очень стойко. Храбр шипел сквозь зубы, как дикий кот, и хватал стал девушку за запястье. Делал он это очень осторожно, даже с какой-то нежностью и не отводил взгляда от прекрасной целительницы.

Через полчаса забияки и думать перестали о всех своих ссадинах и теперь очень живо рассказывали о том как ловили по всему городу вора. И, как полагается, вор действовал не один.

К вечеру торговля наладилась. Особенно пользовались популярностью благовония Лана.

Храбр с Аином постоянно отвлекались от охраны лавки и денег. Гном добыл из своего достаточно вместительного кармана кости и начал играть с Храбром.

– Так, мало вам проблем, мужики. Хотите, чтобы снова товар сперли? – строго приструнила их Хельга.

Храбр нахально ухмыльнулся Хельге. А гном Аин, ворча что-то себе под нос, спрятал кости обратно в карман. Гном

не мог позволить себе перечить той, кто осчастливила его спасением сыновей. Аин теперь ведь должник крови.

Духи закончились еще в первые три часа торговли, хоть и было их немалое количество и разнообразие. Лан проявил себя как хваткий торговец. Сначала дня духи стоили всего пять грошей, а через час цена их поднялась до двух золотых, а через два до целой серебряшки⁵.

Вечер опустился на землю неожиданно. За работой друзья не заметили, как солнце уже почти скрылось за деревянными смотровыми башнями Китежа. Пора бы уже и сворачивать торговлю и отдыхать. Да и поужинать Хельга тоже не отказалась бы.

А вот Лан, похоже простоял бы за прилавком до утра, пока не исчезнут с них последние бутылки и пузырьки.

К концу трудового дня, последние задержавшиеся посетители лавки были распуганы внезапно проснувшимся зеленым орком. Батар громко заревел, зашевелился.

– Шулам сироп ... чэтгерийн охин⁶ – простонал он, хватаясь за голову.

Хельга улыбнулась орку который все еще плохо стоял на ногах.

⁵ Денежные единицы скивов 10 железных грошей = 1 железному куну; 1 железный кун = 1 золотому грошу(золотой); 1 золотой кун = 1 серебряному грошу (серебряшке).

⁶ Шулам сироп ... чэтгерийн охин – на оргском наречии “Ведьмино зелье... дочь черта”.

– Усс, усс...⁷ – потребовал орк-купец у своих прислужников. Те, бросившись выполнять его просьбу незамедлительно, чуть не стукнулись лбами.

– Проспорил ты Батар, сын Бадмы из клана Арвай. А воду пить не стоит, от нее еще больше развезет, лучше чая или молока.

Орк поднялся с мостовой и отряхнул запыленный мех на жилете. Мелкий орк, тот что назвался шаманом, напомнил непредусмотрительно.

– Человеческие женщины – шулам!

– Именно! – Хельга всдернула бровку и хищно улыбнулась услышав упоминание о колдунье. – Так что Следи за языком маленький орк, а то пошепчу против солнца, и отсохнет у тебя то что ниже пояса и выше колен.

Орк-советник сразу прикусил язык и заторопился уйти, зачем-то прикрывая руками пах. Ну и что что Хельгу теперь считают колдуньей, зато относятся вполне серьёзно. Пусть боятся, лишь бы уважали.

Вечером компания завалилась на постоялый двор “Перегрызенный кнут”. Вполне уютное и недорогое местечко и почти в центре Китежа. Публика заселялась вполне приличная. Внутри пахло луком и пирожками. Мимо них пробежала женщина в белом чистом фартуке и поинтересовалась не будут ли гости ужинать. Приветливая женщина, похоже сама хозяйка, за стойкой тут же заулыбалась и поздоровалась.

⁷ Усс – на наречии орков “вода”.

И чуть ли не с порога оповестила торговцев, что о их благовониях теперь весь Китеж обсуждает. “Надо же, – подумала Хельга, – похоже, путь к славе и процветанию лежит через желания женщин, понравиться мужчинам. Везде мы одинаковы!”

Лан знал эту гостиницу хорошо и говорил, что в ней практически нет клопов, белье чистое и даже вполне сносная кухня – что еще надо путнику или торговцу.

Услышав упоминание о духах новоиспеченный торгаш печально призадумался о том, что в первый же день торговли духи закончились, а желающих купить их, даже за большую цену находилось предостаточно.

Остальные стали осматриваться в гостинице и высказывать Лану, а именно он всегда все организовывал, свои претензии на бытовые удобства. Аин просил выделить ему место потемнее и обязательно накормить супом с галушками, Храбр, звеня монетами в кошельке, спрашивал не играют ли в этом заведении в кости, ведуну, похоже было все равно, а Хельга хотела снять одну комнату.

Расплатившись за все, Лан о чем-то обстоятельно побеседовал с Пересмыслом и вскоре, сославшись на большую загруженность этой ночью, оба покинули постоялый двор.

“Что эти двое задумали?” – рассуждала про себя Хельга. Мысли и догадки в голову приходили разные, даже, иногда неприличные.

Пришлось всей честной компании ужинать без старика и

гончара.

Храбр сел за стол прямо в своих новых очках. Да даже пока они все добирались в темноте до гостиницы в полутьме, парень упорно не желал их снимать, даже спотыкаясь без конца о булыжники мостовой.

Сейчас они ужинали втроем в гостиной постоялого двора. В камине алели угольки, свечи горели неярко, лишь слегка разгоняя тьму в зале. Храбр еле попадал ложкой в тарелку, иногда приподнимал на переносице очки, чтобы рассмотреть, что плавало в похлебке из бараньих ребрышек и трухи.

Аин пил домашнее пиво, обтирая толстыми пальцами пену с усов и бороды. Хельга так оголодала, что почти не жуя глотала кашу с мясом. Блюда оказались давно остывшими, и хозяйка заявила, что разогревать не будет.

Друзья сильно устали от насыщенного дня и пережитых впечатлений и были настолько голодны, что никто и не заикался про такие блага цивилизации как тёплая пища. Тут их и подловили давно уже заселившиеся в постоялый двор Ася и Сом.

– Вот вы где, а мы уж и не надеялись дождаться, – радостно сказала Ася. она держала своего жениха за руку. Сом стоял за ее спиной и тоже улыбался от того, что рад был встретить товарищей.

– Завтра ждем вас на состязаниях и отказы я не принимаю, – весело оповестил Сом.

Состязания женихов в Китеже – это важная часть обряда

перед бракосочетанием с невестой и отказывать в приглашении одно, что нанести кровную обиду.

– Куда же мы денемся из подводной лодки, – пошутила Хельга. Правда ее шутку никто не понял. да и вообще эта новость весьма смутила ее. Насколько она помнила, родители Аси очень не хотели отдавать свою единственную дочь Сому.

– Мои родители согласились на брак и, хоть и запоздали, прибыли в Китеж. Кстати, Хельга, мама будет ночевать с нами в одной комнате. – сообщила радостно невеста. – Уже устраивается на ночлег.

Хельги ничего не ответила, но новость не принесла особого восторга. Но ради Аси можно немного и потерпеть.

Матушка Аси Лада оказалась довольно строгой. Хотя строгость эта скорее всего была напускной. женщина скорее являлась излишне дотошной. Хельге это сразу бросилось в глаза, как только она вошла в комнату. Женщина навела казарменный порядок, перезаправила кровати, даже цветы в глиняном горшке стояли ровно посередине подоконника, так, словно их местоположение вымеряли линейкой.

Ася была полна впечатлений и торопилась поделиться с мамой. Мама таяла от одних только мыслей увидеть доченьку в свадебном наряде. Так они и проговорили бы до самого утра, если бы Хельга не уснула, поудобней усевшись на свою кровать и облокотившись о стенку.

Лан не спал всю ночь. Потерял покой и плотно занялся изготовлением благовоний или как их называла Хельга “ду-

хов”. Вместе с Пересмыслом они готовили новые порции духов на продажу. Старик согласился помочь Лану ради эксперимента, а еще имел некоторый меркантильный интерес – процент с продажи.

Среди ночи “парфюмеры” завалились в дом давнего товарища Пересмысла, лекаря Дуба, мало того, что разбудили, так еще спросили поработать в его лаборатории и отдать им все пустые пузырьки из-под лекарств.

– Что случилось? – раздраженно спросил Дуб выйдя на крыльцо в одной рубашке и протирая заспанные глаза. Жил уже не молодой лекарь рядом с местным лазаретом в двухэтажном уютном домике.

– Лаборатория до утра нужна. сдай в аренду, – нервно потребовал Пересмысл, даже не поздоровавшись с товарищем.

– У вас что, помешательство? Помутнение рассудка? – зло пробурчал лекарь и съежился.

– Мы заплатим и скидку сделаем на лекарства, – предложил Лан, которому не терпелось приступить к изготовлению духов.

Услышав про скидку на лекарства и плату Дуб смягчился. И надев на себя штаны и сапоги проводил Лана и Пересмысла к облупившимся дверям лечебницы. В некоторых окнах здания виднелся тусклый свет. Скорее всего около тяжелых больных дежурили сиделки. Лаборатория оказалась в небольшой комнатке.

Духи – товар выгодный во всех отношениях. Баночка

пятьдесят миллилитров теперь стоила полновесную серебряную бутылку, тогда как бутылка спирта, из которой получалось больше дюжины флакончиков, стоила чуть меньше золотого.

Дело было за малым замочить на ночь травы в теплом спирте и как можно чаще перемешивать настой, для более быстрого раскрытия аромата. Пришлось выкупить у лекаря и несколько мешков ароматных лечебных трав, отложить несколько бочек и попросил отдать все пустые пузырьки от лекарств на которых уже ранее были наклеены странные названия разных составов: “Настой полуденницы”, “Язь-корень”, “Барсучья струя” и много других неблагозвучных вещей. Все это напоминало набор ядов какой-нибудь ведьмы, а не на лекарства. Поэтому Лану пришлось в том числе сидеть всю ночь и отскрести ножом бумажки.

Утром Хельга заметила, что Лан выглядела так, словно неделю ехал в плацкарте вместе с цыганами и на верхней полке. Он было хотел прилечь отдохнуть перед торговлей, но друзья его “обрадовали” приглашением на массовый гуляния в честь предстоящего дня солнцестояния.

“Торгаш, ей богу, торгаш! – усмехнулась Хельга, – Настоящий барыга. А ведь совсем недавно Лана интересовали только книги да горшки, которые он лепил дни на пролет.”

Сейчас ее друг даже держался как-то по-дворянски что ли. Походка уверенная, в глазах искра, а на лбу появлялась складка от активного мыслительного процесса.

Храбр и гном Аин явно собирались поразвлечься. Ася

примеряла праздничный белоснежный сарафан с зеленой вышивкой по вороту. Ее матушка заботливо плела для дочери венки из свежих полевых цветов.

Ася волновалась перед состязаниями. Ходил из стороны в сторону около стойки постоянного двора.

– Да не волнуйтесь, вон он какой, разве не отстоит невесту? – подбадривала быстрая на язык хозяйка “Перегрызенного кнута”.

После завтрака вся честная компания отправилась к месту проведения соревнований между женихами. Найти это место оказалось совсем несложно. Народ целыми семьями съезжался на посмотреть на это зрелище, а кто-то и поучаствовать.

Место соревнований обустроили заранее. Сколотили деревянные трибуны на которых самые лучшие места были отведены старейшинам скивских родов, главам мастеровых гильдий и, конечно девушкам, ради которых и затеяны были все эти соревнования и игрища. Невесты переоделись в белые сарафаны, похожие на Асин, с парадной вышивкой по вороту и венки из июньских полевых цветов.

Глава 9. Князь горы

Место для игр возведено было всего за одну ночь.

“Ничего себе, – подумала Хельга на берегу Ярозера насыпанный всего за одну ночь холм и трибуны с лоджиями. – Вот бы и у нас так быстро строить научились!”

Для дорогих гостей и старейшин родов построили на верхних рядах что-то вроде ложи. Простой люди и небогатые гости города сидели на обычных лавках по всему периметру. Те, кому никакого места не досталось, собрались вокруг холма и наблюдали за всем действием стоя.

Народу пришло так много, что некуда было ступить. И все без конца передвигались с одной стороны в другую, ища более удобное для обзора место. Правый берег Ярозера, где насыпали холм, заполнился людьми до самой кромки воды.

Местные торговцы и торговки, ходили между людьми, проталкивались в самую гущу с удивительной ловкостью, продавали сладости из меда, засахаренные яблоки, калачи и пирожки.

Первое испытание для женихов называлось “Царь горы”. Невесты взошли на вершину холма и оттуда, звали своих женихов. А у подножия возвышенности готовились к штурму “охранники” невест. Старшие братья, дядья или, если девушка была сиротой, наемные бойцы, из числа городской стражи.

Мужики уже закатывали рукава и разминали кулаки перед дракой. Правила соревнования были простыми – достойный жених должен отбить свою возлюбленную у родни. Эта традиция уходила вглубь времен, и смысл ее был весьма прост: если будущий муж сможет одолеть преграду и отбить свою невесту – то кто как ни он достоин ее.

– Ну и толпень, – проворчала Хельга, когда их компания перешла китежский мост.

Сом и Ася покинули Постоялый двор раньше остальных, чтобы подготовиться к состязаниям. Родители молодых Лада и Боян, Аин в компании Храбра и конечно ведун Пересмысл.

– Ничего, выкупим места и будем как люди сидеть, – с каким-то надменным тоном заявил Хельге Лан. – Что мы босяки какие!

Похоже, внезапно свалившееся на гончара богатство жгло ему ляжку. К тому же, парень испытывал эйфорию, предвкушая и дальнейшие неплохие продажи духов, и доход. А теперь решил «выпендриться» перед Хельгой, изображая местечкового барина. Да и попытаться добиться от нее некой благосклонности.

– Места, это хорошо, – нарочито громко одобрил Храбр и остальные с ним без колебаний согласились.

Лан весьма удивился тому, что и остальная компания тоже не захотелось стоять вместе с простым народом. И на лице у него отразилось растерянность и недоумение.

Ничего, Хельга ему это еще припомнит, ведь парень по-

хоже забыл, что деньги на самом деле их общие.

Лан подхватил Хельгу под руку. Друзья все вместе прошли ближе к трибунам. Там дежурил юркий человек, напоминавший Хельге одесского бандита. Во всяком случае он постоянно шмыгал носом, смотрел исподлобья держа руки в карманах. Лан отсыпал ему серебрушек, с таким видом, будто покупал не лучшие места на ложе, а стул в харчевне. Сделал это бывший гончар так наигранно, что Хельга не удержалась от смеха.

Распорядитель мест радостно шмыгнул и кивнул страже охранявшей вход.

Места на ложе и в самом деле оказались лучшими. Вся их компания сразу привлекала внимание своими недорогой одеждой и диковатым видом. Остальные знатные покупатели мест седобородые и богато одетые мужички надменно поглядывали в их сторону. Некоторые открыто посмеивались. Но похоже никого, кроме Хельги, это совсем не задевало.

Сейчас Лан задирает нос и пытается галантно и ненавязчиво ухаживать за Хельгой.

Места оказалось предостаточно. На просторной ложе находилось две дюжины резных деревянных стульев с бархатными подушками и круглыми столиками. По одному только желанию любого из тех, кто оплатил здесь места, на эти столики подавался квас, чистая вода и всевозможные закуски. Ох, наверное в копейчку встали эти места. Спросит потом Хельга с Лана за такие траты.

Гончар в самом деле чувствовал себя в не своей тарелке. Его щеки порозовели. Сам он суетился и мял край своей рубахи.

А вот ведун Пересмысл вел себя так, словно каждый день проводил в таком обществе. Приветственно кивнул сухому старику в серебряной маске в дальнем углу ложи, одетому вычурно бедные одежды. Если эти лохмотья вообще можно было назвать одеждой. Тот улыбнулся и кивнул ведуну в ответ. Затем, ведун отвлекся на беседу с довольно живым и упитанным дяденькой, который тербил его за холщовый рукав и оживленно что-то рассказывал.

Аин посмотрел на слишком высокий для него стул, сгреб расшитые золотом бархатные подушки с соседних, сложил стопкой и взобрался за них грязными сапожищами, чтобы взгромоздиться на слишком узкое для его зада сиденье. В этот момент выражения лиц тех, кто был поставлен сюда наполнять вином бокалы власть имущих, перекошились. Виночерпии пребывали в полной растерянности и шоке от поведения косматого обитателя подземелий.

Таким же пренебрежительным взглядом гнома смерили и родители Аси, но учтиво промолчали.

Храбр устроился на соседний с Хельгой стуле, развалился в нем по-домашнему и с некой издевкой посматривал на Лана, который сел от них с Хельгой подальше и старался изображать из себя выходца из высшего общества.

Когда Аину было предложено вино, он лишь презренно

посмеялся на виночерпиев:

– Пива или наливки покрепче, – пренебрежительно потребовал он. – Чтобы гном пил эту кислую мочу. Хе!

– Мне того же, что и гному, – добавил Храбр и с издевкой глянул на прислужников сквозь свои желтоватые очки.

Вокруг холма собрались женихи и охранники невест.

– А вон и наш Сом, – заметил Храбр и опустил одну из линз, как раз ту, что могла заменить монокль.

– Где? – с любопытством всматривалась в даль Хельга.

– Возьми очки, – предложил ей парень и сняв их с головы протянул ей.

Хельга взяла очки и глянула сквозь линзу. Храбр склонился над ее ухом и притронулся к плечам. Его колючая щека коснулась ее гладкой кожи.

– Ну как, видно? – мягко спросил он.

У целительницы вдруг сперло дыхание. Она почувствовала как он прижался к ней, так, вроде случайно. Ощутила его крепкое и сильное тело и немного вспотела, хотя утро было не очень жарким.

“Интересно было бы за ним по подглядывать! Какой он... эээ” – от этой шальной мысли девушка улыбнулась и громко прокашлялась.

– Видно, – твердо ответила Хельга.

Очки Храбра действительно помогли. Она все прекрасно теперь рассмотрела.

На фоне остальных женихов и охранников Сом выглядел,

как взрослый в младшей ясельной группе. Парень возвышался над ними на целых две, а то и три головы. Жених Аси решительно смотрел на тех бедолаг, что по традиции собирались встать на его пути к его невесте.

Остальные женихи почувствовав мощь деревенского дитины вились вокруг него и распределялись по периметру, чтобы найти лазейку во время его сокрушительной атаки.

Рассмотрев такую разницу в силе и весовой категории, организаторы праздника сняли одного из защитников девушек. А через пару минут это место занял другой боец. Выглядел он крупнее остальных, но все же не дотягивал до размеров Сома. Да и чувствовалось, что это не просто какой-то там мужик из ближайшего поселка, а настоящий воин. И он чуть ли не смеялся над такой разницей в силе с противником.

– Похоже не все так гладко, – с сомнением подметила Хельга.

– Дай глянуть! – просил с нетерпением Храбр очки.

– Отстань, – огрызнулась на него целительница и дернула плечом отстраняясь от приставучего и нетерпеливого парня. Уж очень хотелось все рассмотреть в подробностях.

– Не зря тебя орк ведьмой назвал. Дай, кому говорят! Дай посмотреть! – начал выхватывать свои очки росомаха.

Хельга сразу почувствовала как мышцы под курткой парня напряглись и стали твердыми как камень, сколько в нем дикой силищи. Жаль, что не всегда хватало тормозов.

– Тебе не дам, – съязвила симпатичная целительница.

Храбр зарычал сквозь сжатые зубы, но отступился на время. Она снова посмотрела вниз на столпившихся у холма женихов.

Обычно такие мероприятия, как поведал Пересмысл, носили скорее ритуальный характер, ну поборются парни, померятся силой. А иногда, если женихи не в силах прорваться сквозь ровные ряды охранявших и поддадутся. Никто не собирался стоять на пути счастья молодых.

Звук рога пронесся над поляной и его подхватила ликующая толпа. Женихи сгруппировались и двинулись к земляному валу. Но родственники невест не собирались так просто отдавать девушек.

Сом не собирался осторожничать и рванул вверх по крутому склону. Остальные парни пристроились за ним и закатали рукава рубах желая внести свой вклад в победу и намять на память бока своим будущим родственникам. Больше случая угостить тумаклами кого-то из родни невесты и при этом не нажить врага, может не представится. Да и хотелось померяться силой молодым парням.

Команда удалцов, которые защищали невест, тоже приготовилась встретить подбиравшихся к ним женихов. Сом пер как бульдозер. Когда до противников осталось метра три по крутому склону, над головами бегущих впереди пролетел чей-то силуэт. Им оказался тот самый страж, которого поставили, чтобы уравнивать шансы. Облаченный в кожаную броню воин оттолкнулся от плеч стоявших впереди и прыгнул на

Сом, сгруппировавшись «бомбочкой». Сильные ноги с гулом ударились в широкую грудь парня. Жених потерял равновесие и повалился на спину.

Все кто был позади него разлетелись в стороны и кубарем покатались вниз по земляному валу. Толпа зашумела, не ожидая такого отпора от защитников. Всего воин-удалец смог отбить атаку одним ловким прыжком. Досталось и ему самому. Приземлившись на жесткую земляную насыпь, он ударился локтем и теперь держался за него. Но смог подняться на ноги и скрыться в строю защитников. Которые, одобряя, хлопали его по плечу.

Сом поднялся на ноги и теперь двинулся напролом еще упорнее, исподлобья глядя толпу разлетевшихся от него защитников. А вот остальные женихи, после сокрушительной атаки, поднимались не так быстро. Некоторые получили не только шишки, но и переломы. Но сдаваться не собирались и держались позади.

Сом не привык проигрывать в кулачном бое. То, что кто-то сбил его с ног, он расценил как личную обиду, а за это кому-то придется расплатиться. И судя по сжатым до побеления костяшек кулакам, богатырь из рода росомах больше не будет никого жалеть или сдерживаться.

Когда до ровного строя осталось метра четыре, он встал на четвереньки и начал помогать себе руками, не отводя взгляда от напрягшихся защитников. На этот раз никто не стал выпрыгивать из строя, пытаясь сбить его второй раз. Видимо

тот воин понял, что дважды такой трюк не пройдет.

Сом немного замедлился и теперь его смогли догнать остальные женихи. А это значительная прибавка. Парни расконцентрировались по склону, ища брешь в обороне. Один ловкий звериный рывок вперед и в руках Сома оказался ближайший, не успевший отскочить защитник. Другие всем скопом бросились на Сома. Парню ничего не оставалось, как только одной рукой отбиваться от града ударов и при этом стараться удержаться на склоне.

Увлечшись потасовкой, защитники упустили несколько парней и те прорвав первую линию обороны, помчались к следующему строю и уже вовсю дрались там. Четверо человек пытались сбросить Сома со склона, но казалось он врос в него словно дерево корнями.

Кувыркаясь и матерясь на скивском, со склона летели защитники и женихи. В основном конечно женихи падали из-за того, что им посчастливилось встретиться с тем бравым легионером, которого поставили в строй защитников в последний момент перед боем. Ловкий и жилистый боец казался был, самой главной преградой для штурмующих. Остальные защитники скорее пришли сюда для массовки.

Воспользовавшись хаосом и предоставленным преимуществом, Сом умудрился схватить за ноги стоявших над ним защитников и словно мешки с зерном, стащить их по крутому склону, отправив в кратковременный полет с холма.

Те кто пытался не отдавать невест, не выстояли перед Со-

мом. Вернее сказать, выстоял только один. Тот легионер, вытирая разбитую губу и свернутый набок нос, стоял намертво, озираясь взглядом хищника на подступающих к нему, но не решающихся напасть женихов. Парней было шестеро на его одного, но признавать своё поражение он не собирался.

Не в традициях скивов бить всемером одного, поэтому парни отошли благоразумно, уступив право поединка богатырю из селения росомах. Такое решение принято было без слов. Когда Сом шагнул вперед, вытирая об грязную испачканную рубаху содранные до крови ногти, которыми он цеплялся за покатый склон.

Все было уже решено, женихи победили, как того и следовало ожидать. Невесты бросились к ним, чтобы осмотреть раны и обнять. Нерешенным остался лишь один вопрос – кто выиграет в поединке?

Легионеру у защитников следовало бы отступить и признать, что парни достойны и могут за себя и своих невест. Но нет, этот сдаваться просто так не собирался. Неведомо почему, он твердо решил биться с Сомом до конца. Ну а росомахе не позволяла отступить уязвленная гордость.

За свою жизнь Сом не помнил такого, чтобы кто-то не то что победить, а просто мог его свалить его с ног. Никого, кроме отца, но и то лишь потому, что на отца он не мог поднять руки, как бы тот его не охаживал его с самого детства коромыслом или широким ремнем.

Хельга не отрывала взгляда от сражения. Храбр все еще

ругался и пытался отобрать у неё свои очки.

– Лан, тебе не кажется, что Сом может и проиграть? – спросила она гончара. Ответа не последовало.

Повернувшись к сидевшему неподалеку другу, она заметила, как тот уснул, пригревшись на летнем солнце обнимая подушки. С его губы прямо на золотую вышивку бархатных подушек тянулась вязкая и прозрачная ниточка слюны. Девушка улыбнулась, парень не спал всю ночь и его просто разморило.

– Не мешай, Пусть поспит, – сказал ей сидящий рядом с Ланом Пересмысл.

Желание отомстить Лану у Хельги было велико, но по просьбе старика, она отложила его на потом. И снова вернулась к созерцанию поединка и поеданию засахаренных яблок.

Асю силком отвели в сторону, освобождая пощаду на холме для красивого боя. Сейчас решится дилемма, кто может именовать себя истинным «царем горы».

Сом могуч и крепок, словно медведь в самой поре, а его противник ловок и быстр, словно дикая рысь. Даже глаза ярко-желтого цвета. Оба бойца пострадали в предыдущих схватках. У Сома был разодран в кровь локоть и кровили содранные ногти. А на груди, сквозь разодранную рубаху, виднелись лиловые синяки. У легионера был неестественно свернут набок нос, рассечена губа и бровь.

Сом встряхнул руки и начал наступать. Его противник

пошел к нему на встречу крадущимися шагами кошки. А дальше, рывком сократил дистанцию и попытался схватить неприятеля, но того в одно мгновение не оказалось на месте. Атлетичный боец одним резким рывком ушел за спину, а затем ударил под колено локтем. Сом зашипел от боли и упал, загребая руками воздух там, где находился неприятель. Но того снова уже не было.

Его противник, боец в кожаной броне, украшенной стальными накладками, уже стоял с другой стороны, а через мгновение пнул в плечо, потерявшего равновесие жениха Аси. Сом не упал только благодаря тому, что успел подставить под удар мускулистую руку.

Бой прибавлял обороты. Все выглядело так же как в старинной притче про Давида и Голиафа. только вот с одним отличием. Голиаф был из рода росомах и хоть и стоял на одном колене и опирался одной рукой о землю, второй успел ухватить за пояс верткого и ловкого противника. И этого оказалось достаточно. Юркий, как черт, но все же зажатый в стальную хватку боец старался разжать и вывернуть пальцы Сомы. Богатырь из Звериного полесья разминал ушибленную ногу, не обращая внимания на град ударов по своей руке.

Наконец твердо встав на обе ноги, Сом медленно, отвел кулак, больше походивший на молот и что было сил ударил в грудь своего оппонента.

Локач проиграл еще в тот самый момент, когда позволил

Сому схватить себя и сейчас открывал рот, пытаясь вдохнуть обратно выбитый из легких воздух стоя на четвереньках.

Но Сому этого показалось недостаточно. Схватив за шиворот и штаны своего обидчика, он спустил его с горы.

Упав в начале штурма с холма Сом потом сильно припал на одно колено и прикладывал руку к груди. Он улыбался Асе и ликующей толпе.

Тут же на площадку был вынесен стул для победителя, которым он пренебрег и уселся прямо на сырую и прохладную землю. Ликующие люди подходили и хлопали храбреца по спине. Тот морщился и иногда улыбался своей искренней и глуповатой улыбкой.

Хельга сняла очки вернула их наконец Храбру. Краем глаза она заметила, как тот богато одетый старик, что очень живо беседовал с ведуним Пересмыслом, сейчас выговаривал что-то к поверженному и сидевшему у подножия холма противнику Сома. При этом он совсем не смущался смотревшей на него толпы и сильно жестикулировал, явно выражая свое недовольство. Вот только почему, не понятно. Мужик бился достойно, не смотря на проигрыш. и если бы не счастливый случай, наверняка победил бы росомаху.

Хельга бесцеремонно ткнула локтем спавшего Лана. Тот встрепенулся, открыл глаза и вытер вязкую ниточку слюны, которая дотянулась до самых бархатных подушек.

– Просыпайся, Спящая красавица. Тут твой друг победил, а ты как бульдог все подушки облизывал. – сейчас Хельга

наслаждалась насмешкой над парнем.

– Да я это... – замялся парень, а потом, осмотревшись, увидел изрядно помятого Сома и повернулся к Хельге. – а кто его так сильно? Ты главное не говори им что я всё проспал. Сом мне этого не забудет?

В его голосе чувствовалось разочарование и некоторая опаска. Видимо вспомнились Лану старые детские обиды.

Аин спрыгнули со стула, прошелся по бархатным подушкам грязными сапогами и направился к выходу из лоджии. За ним следом лоджию покинула и вся остальная компания. Богачи и знатные особы проводили их надменными взглядами, но сейчас это было не важно. Главное приободрить и поздравить с такой тяжелой, но от этого радостной победой молодых.

Подойти к Сому оказалось не так просто. Обступившая его толпа не давала подобраться к нему ближе. Несколько тысяч скивов болели всей душой за простого парня из селения росомах. И теперь горели желанием пожать ему руку, похлопать по плечу и просто сказать пару теплых слов. И при этом всем было абсолютно плевать, на то, что сейчас в первую очередь именно друзья хотят справиться о его самочувствии.

Друзьям помогла Ася и ее семья. Девушка разыскала в толпе мать и отца, подозвала их. и такое толпа не могла проигнорировать и расступилась, способствуя воссоединению семьи. Друзья вместе с родителями тоже добрались до буду-

щих молодоженов.

Когда подошли к парню, то увидели, что он не просто сидел на земле, а на резном стуле с кружкой пива в руке и невестой на коленях. Притом вид у Сомы был весьма потрепанный.

Прошло еще больше получаса прежде чем гости столицы и китежане отпустили от себя молодого героя отдохнуть и попарится в бане. Лан забыл о торговле и вместе с Сомой и гномом отправился в гостиницу и баню.

Хельгу остановил Пересмысл, взяв за локоток порушив ее планы на хорошую пирушку:

– Не нужно девице с мужиками задницу парить. Да и в город ты приехала не пировать, а уму учиться и великому мастерству.

– Ну, да.

Целительница разочарованно поморщилась, но про себя признала, что все же старик прав.

Сначала девушка и старик направились в одну сторону с остальными. А на полпути повернули на неширокую улочку. Идти пришлось долго, около получаса. Блуждая по праздничному городу, они прошли несколько площадей, на которых шла такая же бурная торговля, как и на той, на которой арендовал лавку Лан.

Наконец, повернули на широкую чистую улицу, которая упиралась в площадь на которой стоял трехэтажный серый особняк. Здесь не было торговых рядов или лавочников. Да и

этот дом выглядел весьма уныло, без излишних украшений.

“Тюрьма краше!” – подумала Хельга, осматривая серые стены.

Она почти угадала. Оказалось, это был местный хоспис. Место, куда приносили умирать неизлечимо больных или тяжело раненых. Иногда люди приходили сюда сами. По крайней мере так пояснил старик.

И целительница не усомнилась в словах ведуна ни на секунду. Она и сама почувствовала, насколько тяжела была аура у этого здания. Здесь в этом месте уходила жизнь из бранных тел. Почувствовала она и то, что будто это самое место само по себе высасывает энергию жизни. Суровый и гнетущий вид этого места отпугивал и простых прохожих, заставляя обходить это нехорошее место стороной, желательно по соседним улицам.

Пересмысл попросил девушку подождать, а сам направился к деревянным воротам со ржавыми скобами в форме драконов и постучал в них медным молотком, который висел перед входом вместо звонка.

Ответа не было несколько минут. Пересмысл ждал некоторое время и при этом его густые брови удивленно приподнялись.

– Может не слышит?

Хельга уже подумала отговорить старика идти в это здание. Но возмущаться открыто вслух от такого довольно долгого ожидания не посмела. Её в этот момент словно что-то

остановило.

Наконец тяжелая дверь слегка приоткрылась и к ним навстречу вышел совсем еще молодой парень в таких же одеждах, которые она видела на человеке, который сидел в ложе для знатных особ и с которым спешил закончить беседу полный богато одетый горожанин.

Вернее, это были лохмотья, серые, как и само здание. Половину лица парня прикрывала серебряная маска, из-под которой видно было только его зеленые глаза.

– Мы к орнату Гефею, – произнес Старик. юноша поклонился ему и снова запер дверь.

– Чего он странный какой? Дедушка, а кто это? – спросила целительница.

– Он прокаженный. В Ордене Красной орхидеи большинство таких.

– Что, и твой друг?

– И он тоже.

Налет гордости и спеси слетел с Хельги, обнажив скрытую личину кроткой девушки. Она бы и сама удивилась такому преобразению, но мысли ее были заняты другим.

– Орнат, это тот, кто заведует этим заведением и только он может прервать муки неизлечимо больных. – пояснил старик роль и сан человека к которому они пришли.

– Эвтаназия? – переспросила девушка не поверив своим ушам. Она приложила ладонь к губам, – Ноготь врач, когда такое позволяет? – Хельга не критиковала, ей просто было

немыслимо, что тот, кто по идее должен спасать, наоборот обрывает жизни своих пациентов.

– Если так ты называешь убийство из милосердия, то да. Разве заслуживает неизлечимо больной диких страданий и предсмертной агонии? Не лучше ли подарить ему быструю и легкую смерть, не обрекая на долгие часы или дни беспроектных мук? – старик поджал и без того тонкие губы, видимо этот разговор доставлял ему никакого удовольствия, как и у Хельги.

– Просто у нас не принято делать так, нас самого начала учат бороться до конца за жизнь каждого пациента.

– Даже когда шансов на его выздоровление нет? – старик приподнял бровь.

– Даже когда шансов нет, – кивнула Хельга.

– Глупое учение и жестокое, – сделал вывод старик, но Хельга не собиралась с ним спорить, по крайней мере не сейчас.

Ворота снова приоткрылись и теперь к ним вышел тот же старик, которого девушка видела в ложе для богатых и знатных особ во время соревнования женихов. Она узнала его по еще более чем у Пересмысла кустистым бровям и большим старческим пятнам на той половине лица, которая не была прикрыта серебряной маской.

– Гифей, мы к тебе. Не устройшь ли мне и моей ученицы экскурсию по твоей обители. – Произнес ведун как-то очень грустно, словно произносил последние слова на чьих-то по-

хорошах.

– А мы знакомы? Простите старика не узнаю сослепу.

– Право Гифей, я не заглядывал уже сколько? Десять зим или пятнадцать? И вот итог: ты не узнал старого друга! Хоть бы соврал для приличия. – посетовал Пресмысл.

– Ложь это роскошь которую могут позволить себе лишь подлый человек. Ну заходи, старый друг.

Хозяин заведения произнес эти слова с усмешкой хоть и его губы были скрыты за металлической маской. При этом он поступил в сторону пропуская внутрь неожиданных гостей.

– Странно, проказа поражает тело, но не мозги, – прошептал Пересмысл Хельге, пока они шли следом за стариком по коридору.

Комнат в сером здании было много и в каждой по семь или восемь коек. Больных делили по симптомам и тяжести болезни. Здесь не было того праздничного настроения, царившего повсеместно в городе. Здесь смерть была не гостьей, а полноправной хозяйкой. На окнах некоторых комнат стояли решетки. В коридорах слышался надрывный кашель, хрипы, стенания от переносимых неизлечимо больными мук.

Экскурсия проходила безмолвно. Они периодически останавливались у палат и Гифей озвучивал диагноз. Лихорадка, опухоли, сумасшествие, неизлечимые раны и многое другое. На койках лежали разные люди. Старики, женщины, юные девушки и совсем несмышленные дети. Все они ждали своей кончины. Тошнотворный запах смерти пропитал сте-

ны.

– Я хочу уйти, – Хельга произнесла это старику только сейчас, заметив что сжимает его тёплую старческую руку до боли.

– Хорошо, – ответил ведун таким же шепотом, почти за-глушаемом истошным кашлем из ближайшей палаты. – Гифей ты извинишь нас за столь краткий визит? – произнес старик своему знакомому.

Хозяин серого особняка не стал возражать. Ему прекрасно была знакома реакция посетителей впервые перешагнувших порог этого дома, пропитанного болью и отчаяньем. И Хельга была благодарна ему за то, что он не стал размениваться словами, считая их бесполезными.

– Вот, – Пересмысл протянул хозяину серого дома корзинку накрытую сверху простенький платком.

– Что это? – спросил с удивлением старый и полуслепой хозяин и посмотрел на своего друга.

– Лекарство, здесь всех которые есть по одному флакончику. – пояснил Пересмысл.

– Ты разве не знаешь зачем люди приходят в этот дом? – хозяин не спешил брать подарок.

– В любом случае, хуже не будет. Странно, что ты отказываешься от подарка.

– Не отказываюсь! – неизвестный Хельге друг ведуна сразу протянул сухую и покрытую старческими пятнами руку к корзине.

– Ну тогда держи, вот это настойка календулы от гнойников в горле, настойка полыни от разных кожных воспалений и заразы, настойка из цветков сирени от гнойных ран, а, настойка любистка от почек помогает и водянки. Много разных составов. Спасибо, за то, что показал нам свою обитель.

Хозяин взял подаренные спиртовые настойки и заглянул в корзину. Даже спасибо сказать не успел, как Хельга почти бегом бросилась к выходу из серого дома.

Обратная дорога до гостиницы показалась очень быстрой. Стоны тяжелобольных и умирающих людей все не выходили из головы и в носу долго стоял тяжелый дух этого места. Девушка наслаждалась теперь дуновением легкого летнего ветерка, пронесившегося по запыленным улицам Китежа.

Они вошли внутрь постоялого двора. Здесь царил атмосфера праздника. Пахло пивом и жареными домашними колбасками, хохот постояльцев, которые обедали в зале. Столы в честь праздника составили в длинный ряд и прикатали целый бочонок пива. И насколько Хельге сейчас все это показалось отвратительным. Ведь не так далеко отсюда доживают в муках свои последние мгновения жизни больные люди.

Хельга уселась за стол и отобрала у раскачивающегося на стуле от хохота Лана кружку. Старик не стал садиться за стол. Проследовал наверх в свою комнату.

Целительница была благодарна ему, что он не рассказал остальным о их неприятном приключении. И не пытался ее

успокоить или отвлечь. Хотя отвлечься ей сейчас бы ой как не помешало.

В этом ей помогли присутствующие в зале товарищи. Во главе длинного стола восседал сам хозяин заведения. Его супруга и другие девушки, прислуживающие здесь, разливали пиво и разносили угощения.

Хозяин рассказывал занятную историю о названии своего заведения “Перегрызенный кнут” Кнут и в самом деле висел на стене над стойкой приделанный на лакированную дощечку.

История увлекла Хельгу, которой сейчас отчаянно хотелось выпить.

– Много лет назад это заведение принадлежало моему покойному батюшке, пусть земля ему будет... кх-кх, – подавился пивом полупьяный хозяин и утер красноватый нос. – И была здесь только корчма, без постоя. В дверь вошел молодой человек. Но хоть и был он молод, в волосах у него белела седина, а лицо во множестве шрамов. И пришел он сюда не просто поесть или надраться винища в усмерть.

– Как же, надерешься твоим винищем, – рассмеялся Аин. – Ты, собака, его разбавляешь!

Слушавшие рассказ хозяина постояльцы зашикали на бородача, который устроился намеренно поближе к бочонку с пивом.

– Пришел этот мужик за работой, – расхохотался зачинщик истории. – Вот только какая работа для того, кто выгля-

дит, как висельник?

– Людей пугать! – захохотал вместе с ним Храбр.

– Почти так и было. Взял его батюшка мой вышибалой. И у этого гостя была черная летучая мышь, которая не летала и все время у хозяина на плече сидела. Вот только место вышибалы уже занято было. Увы. Поэтому, чтобы работу получить, отец поставил задачу этому висельнику его победить. Доказать, что он достоин этого места. – хозяин многозначительно выдержал паузу и отпил из кружки пива.

Хельга себе тоже наполнила кружку.

– И что дальше-то? – не удержался и спросил полупьяный Лан.

Хозяин снова обтер красный нос и усы от пивной пены и продолжил:

– Бой закончился, так и не успев толком начаться.

Аин чуть не захлебнулся пивом и толкнул Храбра в бок. Тот улыбнулся и посмотрел блестящими от похмелья желтыми глазами на красивую целительницу с розовыми волосами.

– Гости не успели даже устроиться поудобнее, чтобы посмотреть на хорошую драку. А прежний охранник заведения уже лежал мордой в пол, придавленный сапогом нового вышибалы. С тех пор два месяца к ряду ходили к нам каждый день люди и хотели выгнать из кабака нового вышибалу. Вот только ни у кого этого не выходило. Парень оказался крут, как склоны гор, где живут аслау, – хозяин снова преднамеренно выдержал паузу и теперь вгрызался желтоватыми зу-

бами в запеченную с чесноком ножку барашка.

– И что, дальше-то что с этим висельником произошло? – на этот раз не вытерпел Храбр.

– Что-что, – проглотив кусок баранины продолжил мужик. – У одного из таких ходоков был с собой вот этот самый кнут. Хозяин кнута, как полагается, получил тумачков от вышибалы. Кнут вышибала отобрал. А его, эта, мышь набросилась на это орудие надсмотрщиков и тюремщиков. И долго грызла мелкими зубами грубую кожу каната, пока не перегрыз напополам. Видимо у зверька и его хозяина были непростые отношения с теми, кто, кто носил вот такие кнуты. Ну это лишь догадки... Кто его знает?

– Вранье! – отмахнулся Аин. Его борода уже изрядно вымокла в пиве. – Мышь – кнут перегрызла! Вранье!

– Вранье, не вранье, а кнут вот он висит, и люди эту историю помнят. Закончив свои дела, этот парень, говорят он был из рода Серых псов, ушел вместе со своей мышью. И никто его более не видел. А отец мой, пусть земля ему будет... кх-кх, решил переименовать заведение в “Перегрызенный кнут”. Какое название раньше было – пес его знает! – Хозяин снова гордо указал на кнут над стойкой, что являлся многие года символом заведения.

– Чего-то знакомая история? – на душе у Хельги потеплело.

Рассказ отвлекла ее от скверных мыслей, настолько хорошим рассказчиком был хозяин постоянного двора. Потом он

извинялся перед Сомом за вчерашние слова, когда им не захотели разогреть еду. Слух о том, что сегодняшний герой дня остановился в его корчме, Хельга была уверена, уже разнятся по всем улочкам приглашаю зевак посмотреть на силача, а заодно и потратить свои кровные в заведении хозяина.

А если будешь платить герою серебряный кун в день, – вмешался в их разговор Храбр и хитро подмигнул Асе, которая сидела рядом с женихом и не отходила не на шаг, – То он будет меряться силой на руках с любым гостем заведения. Представь, какая выгода и известность для заведения.

Кочмарь запустил пятерню в бороду, обдумывая предложение. Уж он свою выгоду не упустит. Но все же Храбр цену излишне заломил. За серебряный кун пусть не коня, но быка купить можно точно. Хоть даже не взрослого, а маленького трехмесячного. Идея хозяину понравилась, осталось договориться о цене. И он знал, что лучше договариваться не с Храбром, а с более простым Сомом. Так и сошлись на трех серебрушках, но даже эта цена была не малой, но кочмарь не стал дальше сбивать цену, боясь потерять столь выгодное предложение.

Лан тоже подсуетился и нашел в этом заведении и свою выгоду. Предложил закрепить успех друзей новым напитком, а именно «Мертвой водой». А чтобы хозяин убедился в том, что это не кисленький компотик, принес и с шумом поставил на стол пятилитровый бочонок из запасов.

Началась дегустация нового напитка, долгая и вдумчивая.

Дегустаторами стали Сом, Храбр, Лан, который не вписывался в эту компанию, но был инициатором и конечно хозяин заведения с двумя сыновьями.

Хельга плюнула на все приличия и пила вместе с мужиками, правда не крепкий спирт, а вино. Она почти отпустила от себя все негативные чувства. Целительница жалела тех бедолаг из серого особняка и в то же время признавалась себе, что ничем не могла здесь помочь. И от этого своего бездействия ей становилось невыносимо противно.

Дегустация «Мертвой воды» со временем переросла в банальную пьянку. Кормач уже давно обнимал почти пустой бочонок и что-то шептал во сне. Жена кормача бросала суровые взгляды на своего мужа и компанию, однако вмешиваться не спешила. А вот парни сейчас во всю обсуждали свою жизнь. Вспоминали старые обиды и строили планы на будущее. Именно так, как это делали люди в подпитии в том мире, откуда прибыла сюда Хельга.

Ася появилась в середине вечера. Пришла из своей комнаты, проведать, чем занимался Сом. И увидев своего изрядно пьяного жениха, уперла руки в боки, смерила его суровым взглядом. Тот виновато улыбнулся и хотел было пригласить девушку к ним в компанию. Но она схватила богатыря за ухо и поволокла за собой в комнату отсыпаться.

– Ишь, чего удумал, – ругалась она. – А ну спать!

Милые бранятся – только тешатся.

Теперь за столом остались только спавший кормач, спо-

рившие между собой Храбр и Лан. Хельга с улыбкой наблюдала за этими оболтусами.

Храбр не рассчитал силы и как-то слишком быстро опустил руку на плечо вставшего, но довольно пьяного Лана. Парень не ожидал, и под тяжестью пятерни Храбра, охнув, опустился на скамью.

– Ладно, что ты на меня дуешься то? Ты же понимаешь, Ты мне с-сука как брат. – Храбр замялся, пытаясь собрать мысли в пьяной голове в кучу. – Да, и не ухмыляйся, как младший брат. Вредный, противный, падла, но сука брат!

– А братьев, если бы они у тебя были, в детстве ты бы также гонял, как и меня? Я тебе твоих шуточек никогда не забуду! – Лан спихнул с плеч ладонь Храбра.

– Ой, ты такой же обидчивый, как Хельга. Аж блевать тянет, ей-богу! – Сом налил себе ещё из глиняного кувшина.

– А ты смотри не влюбись! – ответил осмелевший Лан.

Изрядно захмелевший Лан тоже потянулся к кувшину с хоть и разбавленным, но спиртом. Сейчас он отчаянно не хотел ни в чём уступать своему другу, который в живой массе был раза в полтора больше него самого.

Девушка хихикнула и попрощавшись оставила парней и дальше выяснять отношения, а сама отправилась наверх, в свою комнату. Спать. Завтра у неё очень много дел, к которым нужно подходить с ясным рассудком.

Глава 10. Долги совести, дружбы и чести

– Хельга, проснись! – Ася трясла сонную девушку за плечо.

Та открыла глаза и с сожалением обнаружила, что все еще находится в Китеже. Вчерашний хмель вышел из головы еще не до конца. Нет, голова у неё не болела, но сумбур в ней точно присутствовал.

Хельга посмотрела заспанным на подругу и попыталась собраться мыслями.

– Там Пересмысл тебя зовёт! – девушка начала нервно наматывать на палец край ночной рубахи. Было заметно – она волнуется.

Лада, мать Аси, уже одевалась и как-то странно посматривала на Хельгу. И это волнение совсем не было связано с предстоящей свадьбой ее дочери.

Накинув на себя длинную рубаху вместо халата, целительница вышла из комнаты. Хельга открыла ее и подпрыгнула от неожиданности. Под дверью ее ожидали Пересмысл и тот неприятный старик в серебряной маске из китежского хосписа. И они тоже как-то странно на нее смотрели. Потом, управитель серого дома начал трясти ее за плечи и не отрывая взгляда и допрашивать:

– Скажи мне девочка, только правду скажи, это ты Хозяйка мертвой воды.

Глаза при этом у старика в серебряной маске горели огнем фанатика, который увидел бога во плоти. И этот взгляд мог напугать кого угодно гораздо больше, чем нож в руке бандита из темного переулка.

Даже полоумные и те смотрели как-то осмысленнее что ли...

Холодные и пальцы в перчатках сильно сжали предплечья девушки.

– Оу-оу, старый друг, отпусти девушку, ты ее пугаешь! – в руки хозяина Серого дома вцепился Пересмысл и попытался остановить его. – Хельга, тебе нечего бояться. Всё хорошо, правда Гифей?

Ведун с нажимом посмотрел на своего друга, который хоть и убрал руки, но все еще пожирал взглядом девушку. Пожирал это, наверное, правильное слово. Не раздевал, как это любил делать Храбр, а именно пожирал, как хищник.

Кузнец парнем был хоть и отчаянным. Но с ней в последнее время вел себя кротко и сдержанно. Возможно, даже зауживал. И даже рассматривал ее только украдкой, когда думал, что она этого не замечает.

– Так, сейчас мы спустимся и сядем за стол, там и поговорим. – Пересмысл попытался успокоить встревоженного Гифея и ошарашенную его странным поведением Хельгу.

Они прошли в обеденный зал. Через окна в темноватое

помещение врывались первые лучи восходившего солнца, нагревая воздух и согревая темные и влажные после уборки половицы. День обещал быть жарким.

Хозяйка заведения недобро покосилась на раннего гостя и даже слегка скривила недовольно губы, когда Пересмысл попросил у нее принести им всем весьма ранний завтрак. Она что-то проворчала под нос, но все же подала им яичницу с укропом и пенный и слегка теплый квас.

Старики и девушка уселись за стол у окна и некоторое время над ними повисла тишина. Хельга с жадностью принялась пить тепловатый ржаной напиток, который с каждым глотком возвращал ее к нормальному мироощущению.

Гифей, кажется пришел в себя от временного помешательства рассудка. Во всяком случае взгляд у старика в маске стал более осознанным, таким, каким его помнила Хельга при первом знакомстве. Лекарь извинился перед ней за столь ранний визит и за свое странное поведение и неторопливо, по-стариковски, начал рассказывать причину своего столь странного поведения.

Хоть и выглядел Гифей теперь вполне нормально, но Хельга заприметила, что Пересмысл поглядывал на старика несколько настороженно. Все же его временные помутнения разума друга, для него были неприятным сюрпризом.

То, о чем рассказал лекарь, звучало действительно невероятно. В сером доме было много больных малярией. Маля-

рия – частый гость в Китеже и частая причина смерти. Болезнь не забирала сильных и здоровых. Она косила слабых: стариков, доживающих свой век, малых детей, которые только еще стали познавать этот порой жестокий мир, особенно безжалостно косила болезнь тех, у кого не было своего угла и теплого очага, чтобы согреться в сырую ночь.

В этом году больных в сером доме умирало много. Не хватало коек и несчастным приходилось встречать костлявую прямо на полу, на набитых сеном матрасах. Больные занимали своими телами в комнатах все пространство пола. Иногда еще полуживых людей располагали на первом этаже, поближе к выходу, потому как тяжело было таскать тела каждый день с других этажей. Притом труп вместе с матрасом, испачканным слюной и другими выделениями несчастного, для того, чтобы сжечь несчастных в специальной погребальной печи в подвале, вход в который был отдельно со стороны внутреннего двора. Этот бесконечный круговорот смерти продолжался в этих стенах бесконечно, если бы не чудесный подарок Пересмысла и его ученицы. Тогда они протянули старику корзину из травяных настоек на Мертвой воде.

Гефей все таки решился, как он считал, безнадежный эксперимент и применил настойку из ивового цвета на мертвой воде: закапал ее несколькими хворым, которые уже пребывали в предсмертной агонии и умирали от малярии. Закапал и потом пошел почивать.

Вот только утром вместо остывших трупов в комнате он

обнаружил вполне живых людей. Те кто еще ночь должен был испустить дух, испражняясь под себя от невыносимых приступов боли или кашля, стали чувствовать себя гораздо лучше. Пациенты были еще слабы, но выглядели определенно лучше тех, которых сжигали в печи, покрывая неприглядным саваном вместе с матрасом и вещами. Все они просили теперь воды, пищи и похоже совсем не собирались умирать.

И как говорил старик, это было его лучшее утро в этом унылом месте за последние десять лет. Объяснение этому чуду он нашел только одно – целебная мертвая вода в настойке.

Гифей закончил рассказ и теперь видимо ожидал от Хельги, что она, словно плохой фокусник, расскажет секрет неожиданно сработавшего трюка. И раскрытие этого секрета ломает всю атмосферу волшебства. Вот мол, это ловкость рук и никакого мошенничества. Объяснит доходчиво необъяснимые вещи.

Но она сама была весьма удивлена.

– Бред какой-то! Простой спирт. Ничего не понимаю! – только и произнесла девушка, отвечая на вопрос – вопросом.

Эти настойки, мази, капли применялись и применяются и на Земле, но таким излишне чудодейственным эффектом не обладали и не обладают. Мертвецов на ноги точно не поднимают!

Гомеопатия и сейчас очень популярна и помогает бороться с болезнями, но не буквально воскрешать.

– Кто тут упоминает мертвую воду? Желаете купить мертвой воды?

Лан появился, как черт из табакерки. Он непринужденно подошел к старикам и девушке. Плюхнулся на стул, рядом с ведуном и в наглуую сташил у Хельги тарелку с глазунью и принялся завтракать. Несмотря на вчерашнюю попойку, вид у него был бодрым.

– Лан! – Хельга нашла Спасение от старика с тяжелым взглядом. – Вот он вам все про мертвую воду расскажет.

Сам виноват, что появился так кстати и перевел на себя стрелки. Теперь Гифей смотрел на гончара, который чавкал и с набитым ртом рассказывал крайне чудодейственные свойства мертвой воды, о духах на ее основе и алкоголе, который позавчера свалил с ног огромного орка.

Лекарь из местного хосписа внимательно слушал хвалебные речи Лана о своем товаре и не перебивал. А тот и рад был по самые уши. Он надеялся найти еще больше выгодных покупателей. Хельга решила, что с нее хватит и, допив квас, попрощалась, ссылаясь на женское недомогание.

Вернувшись в свою комнату, она вздохнула с облегчением. Дел и без этих странных разговоров было невпроворот, все-таки не каждый день Ася замуж выходит: сходить в баню, забрать у швеи свадебное платье, сходить к ведунье, чтобы та нагадала девушке счастливую семейную жизнь и дюжину малышей и обязательно мальчиков. Ведь многие мужчины мечтают о наследниках.

Подождав полчаса и приведя себя в порядок, Хельга тихо-нечко спустилась по лестнице со второго этажа и заглянула в общий зал. Странного утреннего визитера там не было. За их столом теперь сидела компания парней. Пересмысл будто растворился вместе со своим странным другом. Есть не хотелось, но девушка с радостью составила Асе, ее низкому и коренастому отцу и строгой матери.

Парни, как друзья жениха, тоже имели планы на день. Еще бы, ведь им стоило подготовить жениха, наверное, к самому важному событию в его жизни. Это легко было понять по выражению лица Сома. Он улыбался, глаза светились от счастья, смотрел на невесту, которая, отводила взгляд и робко краснела.

Подкрепившись яичницей, колбасками и овощами, компания собралась в баню. Хельга выцепила Лана на лестнице. Сейчас ей нужны были вещи, которые в этом мире отыскать большая сложность, да и требовалось некоторое количество денег, на все это.

– Лан, мне нужен прибор, такой эээ... которым мужчины бороду бреют – спросила она.

Парнишка сильно удивился.

– И давно ты таким пользуешься? – с некоторой иронией простил гончар.

– Лет с пятнадцати, кажется.

Хельга смутилась, когда парень начал смеяться и шепнула ему на ухо, для чего ей нужна бритва. Это расставило все

точки над “ё”. Узнав для чего на земле девочки используют лезвие, Лан поперхнулся.

Брить подмышки и ноги в этом мире было явным ноу-хау. Девушка решила помучить парня, намекнув что и “там” у нее аккуратная стрижка и наслаждаясь реакцией столь непорочного Лана. Но и этого ей показалось мало, парень уже привыкал к подобного рода провокациям.

– Между прочим, у парня там тоже все должно быть в порядке, если конечно он не хочет огорчить девушку “бобром” между ног, – Хельга подмигнула.

Лан покраснел и помчался в свою комнату, где он жил вместе с Пересмыслом, за деньгами. Сегодня она намерена потратить все до единой копеечки.

У скивов не было традиции свидетельницы или подружки невесты. Поэтому Ася удивилась, когда Хельга решила ей помочь подготовиться и сделать еще прекраснее сегодняшний день, который кончится замужеством и первой брачной ночью.

Когда девушки пришли в баню, Хельга достала предмет мужского туалета из сумки, чем сначала вызвала крайнее недоумение подруги, которая уже успела раздеться и забралась на верхнюю полку парилки.

– Зачем это? – вытаращила глаза на бритву Ася. Может подумала, что подруга собралась оперировать здесь кого-то.

Хельга успокоила ее и все объяснила, указав на неухоженные ноги, подмышки и область бикини у невесты.

Ася смерила ее непонимающим взглядом.

– А что не так?!

Хельга поняла, что разговор предстоит долгий и обстоятельный и послала банщицу за медовухой и молодым вином. Банщица, низенькая и с бородавками по носу, на эту просьбу весьма удивилась: пить в бане – прерогатива мужчин, а не женщин. Но серебришка засунутая в ее ладонь сразу заставила ее поменьше задавать вопросов. Через десять минут Ася несколько смущенно держала чашу с вином и смотрела на смелую подругу. Девушка из другого мира совсем не смущалась, сидела полураздетая, слегка прикрывая свою наготу полотенцем. Стройная, хорошо сложенная, слегка загорелая. Ася все таки была слегка пышечкой, но это тоже ничуть не портило ее девичьей красоты.

– Как это, быть с мужчиной? – спросила невеста и тут же покраснела.

Хельга приподняла брови от удивления.

– Рано или поздно это происходит со всеми. Если ты, конечно, не дала обет безбрачия, – улыбнулась ей Хельга. – Возможно будет больно... но это только сначала.

Ася была невинна и чиста, а ее матушка не сочла нужным подготовить дочь к таинству первой брачной ночи. И Хельга не без радости взяла на себя эту важную задачу. Но перед этим девушки опустошили бутылку белого молодого вина и послали банщицу за добавкой, вернувшись в обитель пара и дубовых веников.

Рассказать девушке нужно было много и так, чтобы не сильно ее напугать. А то, не дай бог упадет в обморок в самый ответственный момент или станет испытывать отвращение к своему мужу. Но сначала банные процедуры и бритье...

Баня – великое изобретение обоих этих миров. Она очищает не только тело, но выводит из головы хмель, когда он едва только ударяет в голову, даруя расслабление. Через пару часов все время шушукаясь между собой, розовощекие Ася и Хельга отправились из бани в город. Деньги, которые им отсыпал Лан, просто требовалось потратить здесь и сейчас.

Килтежские торговые ряды пестрели разнообразными товарами в том числе и заморскими. Разнообразие тканей, фруктов, приправ, музыкальных инструментов, украшений. Когда подошли к лавке одного из фаширазцев, с оливковым цветом кожи и одетого в южное узорчатое покрывало, Хельга едва не завизжала от радости. На прилавке было то, что ей так не хватало в этом мире – косметика. На прилавке лежали и весьма занятно нарисованные картинки с примерами как пользоваться помадой или подводить глаза. Хельга знала эти премудрости и без этих примеров.

Мужчина оживился и с явственным южным акцентом начала описывать и нахваливать свой товар. Его карие глаза блестели от азарта и делал он это так же, как и Лан, продавая духи.

Вино еще не до конца выветрилось из головы Хельги, и

она попросила назойливого продавца не мешать и начала выбирать и откладывать то, что твердо намерены была купить: помаду нескольких цветов, краску для ресниц, подводку.

Продавец понял, что в лавку к нему зашел не новичок, а искушенный в косметических премудростях и прикусил язык, только улыбался и наблюдал, как девушка раздвигает баночки в сторону. Нюхает и даже пробует на палец консистенцию.

Спустя пятнадцать минут девушки определились с покупками. Косметика оказалась дорогим удовольствием, но Хельга и не думала экономить на себе. Тем более такой день. Сегодня Ася будет самой красивой среди всех невест. И свадьба у нее будет самая лучшая и самая прекрасная первая брачная ночь. Хельга решила сделать для этого все возможное и даже невозможное.

Вечер незаметно опустился на побережье озера. Алое зарево отражалось в зеркальных водах Ярозера. Поляна у озера была полна людьми. Женихи, одетые в нарядные расшитые рубахи. Каждая девушка считает своим долгом вышить рубаху своему жениху. Девушки в пышных венках из полевых цветов с распущенными косами. Сейчас они похожи были на речных духов. Сейчас не найти среди присутствующих ни одного печального лица, как не найти ни одного сухого камня на дне озера.

Старейшины всех родов из чьих селений прибыли в Китеж молодожены, стояли на деревянных мостках, словно до-

рога уходивших в озеро.

Молодые были разведены в разные стороны от помоста. Парни стояли справа, а девушки слева.

Когда край солнца коснулся водной глади озера, окрасив мелкую рябь в багровые тона, звуки колоколов с деревянных башен Китежа пустились в веселый перезвон, который был подхвачен десятком радостных голосов. Праздник летнего солнцестояния заканчивался свадьбами и у молодоженов начиналась взрослая семейная жизнь. Именно сегодня и произойдет в Китеже их традиционное таинство венчания.

Юноши и девушки пришли сюда поодиночке с товарищами и своими родителями. Молодые, красивые с большими планами на жизнь, ожидающие своего счастья. Родители смотрели на своих повзрослевших чад сквозь слезы радости, даже суровые мужики и те смахивали влагу с щек. После обряда, молодые покинут эту поляну, держась за руки, чтобы следующей весной подарить этому свету целое новое поколение маленьких оборотней.

Хельга тоже не удержалась от радостных слез. Ася, такая красивая в этот момент и счастливая, целовала ее в щеки и благодарила за все.

Сом прибыл на берег озера в компании друзей, гончара Лана, кузнеца Храбра и низкорослого Аина. Все они, перед тем как он пошел к помосту обменялись рукопожатиями поздравлениями и пожеланиями. Потом встали возле родителей и родни Сомы.

Старейшины родов облачились тоже в своеобразные свадебные богато украшенные обрядовые рубахи длиной до пят из выбеленного льна и вышивкой. Для их родов, свадьбы событие особое. Род пополнялся, продолжался, а значит жизнь его продолжалась.

Старейшины подошли к помосту и встали у него в ряд перед женихами и невестами. Ближайшая пара подошла к крайнему древнему старику в богато украшенной рубахе в том же стиле, что и у невесты на одежде. К жениху подошла бабушка старая как этот мир с орнаментом на одеждах, как у будущего главы семьи. Это были главы их родов, которые заключали союз между молодыми.

Подойдя вплотную к Сому, старик протянул ему руку. Они обменялись рукопожатиями. Бабушка, стоявшая рядом с Асей, обняла молодую невесту и поцеловала в щеку. Такой обряд проходила сегодня каждая невеста и жених.

Когда все невесты и женихи получили благословение старейшин, одна из старух подошла к факелы вдоль помоста.

Женихи снимали с головы своих невест венки, вставляли в них нарядные свечи. Потом, направившись к воде по деревянному помосту парами, опускали на прохладную гладь воды Ярозера.

Теперь для всех они считались мужьями и женами. Единым целым. Невесты прощались с родственниками и отправлялись в дома женихов. А дальше в каждом из селений будет свадьба, настоящее веселое гуляние с подарками, гостями.

Но случится это потом, после того, как молодые переступят порог собственного дома вобьют серебряшку в косяк на счастье, задобрят булочкой домового за печью.

Наконец, настала очередь, когда к помосту подошли жених и невеста из Зверинного полесья. Сом шагнул навстречу Асе борясь с внезапно накотившей дрожью в коленях.

Пересмысл появился перед самым началом торжества. Сначала долго извинялся за свое опоздание и почему-то перед Хельгой. Хотя переживать стоило из-за Сома и Аси. Глаза старика горели юношеским азартом.

Настойка действительно работает, Хельга, работает. Те, кто умирал от застуженных легких, действительно пошли на поправку. Удивительно!

Ведун в деталях рассказывал, как подсыхали кожные болячки, стоило их только смазать настойкой зверобоя или ромашки. Как заживали буквально на глазах неизлечимые раны. И при том, ведун все припоминал то-то о предназначении, о воле духов и богов.

– Деда, сейчас не время о болячках... – прервала его рассказ Хельга, примитив как на них недовольно смотрели окружающие.

– Да, я все понимаю, – с разочарованием сказал старик. – Такие вещи на ходу не обсуждают.

Извинившись перед невестой и ее подругами и родными, Пересмысл направился к своему приятелю в серебряной маске, который ожидал его в стороне. Интересно, что забыл

на свадебной церемонии.

В это время Сом и Ася опускали на озерную гладь свой импровизированный кораблик из девичьего венка. И как только взявшись за руки молодые отправились к другим счастливым парам и гостям, выслушать пожелания о долгих годах жизни и о дюжине детишек, Хельга тоже покинула стройный ряд невест и направилась к друзьям.

Вокруг них все еще крутился Гифей. А вот Храбр куда-то запропастился. Он что решил досмотреть всю эту свадебную церемонию до конца? Раньше Хельга за ним не замечала особой чувствительности.

Пересмысл смотрел на счастливых молодых, словно дед на своих внуков. Еще будто вчера они бегали по Звериному долу босыми и придумывали новые детские проказы. А сегодня вдруг оказалось, что они выросли и скоро у них появятся свои босоногие проказники.

Его друг Гифейвел себя так же холодно и сдержанно, как и в момент их первой встречи. От безумия, которое посетило его с утра, не осталось и следа. Он подошел к Хельге и извинился за столь ранний сегодняшний визит. Правда с извинениями он опоздал как минимум на полдня. Да даже эти бы извинения ничего бы не изменили. Хельге он не нравился.

Похоже, Гифей понимал это. Старый, умудренный жизненным опытом человек, читал ее почти девчонку, как открытую книгу. А вот его эмоции и чувства разобрать было сложно. Он прятал их под серебряной маской. И такие мас-

ки носили все обитатели и служители Серого дома, где царил хворь и смерть, а излишняя чувствительность была ни к чему.

Серебряная маска скрывала также их пораженные проказой лица. Гниющая плоть живого человека могла смутить кого угодно. Серебро останавливало инфекцию и хорошо, что хотя бы об этом догадались эти люди.

В толпе раздались крики и послышалась отборная ругань. Ругались так, что даже в гомоне толпы и веселых песнопениях тех, кто водил хороводы вокруг костров.

Сом, как самый высокий, без труда рассмотрел, что происходило за спинами других людей. Он сжал губы в тонкую полоску и ринулся вперед, разрезая словно корабль килем человеческую толпу.

Хельге тоже стало интересно, что произошло, поэтому она бросилась следом за Сомом. Люди ругались, расступались, посылали проклятья, некоторые спешили уступить детине дорогу, чтобы не попасть под руку. Парень с упорством бульдозера пер туда, где еще недавно стоял сам, ожидая венчания с невестой.

Сом и Хельга быстро приблизились к тому месту, откуда доносились звуки ругани. Пересмысл, Ася, Аин и Лан несколько отстали от них и теперь сами пытались пробраться сквозь толпу.

Сом резко остановился, и Хельга врезалась в его спину. Судя по звукам, они пришли на место. И если здоровяк ви-

дел все происходившее как на ладони, девушке из-за его могучей спины не видно было ровным счетом ничего, даже если она подпрыгивала.

Хельга ущипнула Сому в бок, чтобы он обратил на нее внимание. Но парень лишь отмахнулся от нее. Целительница громко окликнула его, но результат был тот же. Из-за спин стоявших впереди людей разглядеть что-либо было трудно.

Тут Хельга услышала свое имя, и судя по сдавленному голосу, ее позвал Храбр. Она без труда теперь догадалась, что привлекло внимание богатыря. Кузнец дрался с кем-то. И, судя по голосу, у него складывалось все не так хорошо.

– Сом, конь педальный. Мне же не видно ничего! – девушка уже открыто начала толкать и ругать своего друга.

Странные слова, в купе со смешками услышавшей это толпы, вернули парня в реальность. Сначала он начал искать испепеляющим взглядом того, кто посмел такое про него сказать. Но когда увидел милую розововолосую девушку, смягчился и улыбнулся.

– Сом, мне не видно ничего, – снова проворчала целительница.

– Погодь, – ответил богатырь.

Широкие ладони раздвинули стоявших впереди парней. Они хотели возразить, но подняв взгляды на того, кто потревожил их, тут же начинали заикаться на полуслове.

Освободив перед собой небольшое пространство, Сом бесцеремонно поставил Хельгу впереди себя, так, что она

оказалась на самом краю импровизированной арены.

Место схватки было очерчено стеной из толпы. и внутри этой арены Храбр бился с белобрысым здоровяком. Оба были испачканы в грязи и пыли, а их одежда превратилась в лохмотья.

Храбра Хельга узнала даже не по лицу, а по яростным желтым глазам. Этот бушующий в них огонь ненависти она не спутала бы не с одним другим. И увидела она этот взгляд впервые, когда унижала росомаху перед толпой соплеменников в Ивовом доле. Второй – в кузне, когда парень довел ее своей выходкой до слез.

– Я вырву твой грязный язык, крысоед! – Храбр кидался на светловолосого, который ловко изворачивался.

– Что, я твою шкуру обидел? А, валенок? Ты, наверное, ее и не зажал то не разу, – судя по одежде соплеменников противника кузнеца, тот был из лесных котов.

Ярость застилала глаза Храбра и под действием эмоций он не мог разумно оценить соперника и бросался на него в слепой ярости. Однако, судя по тому, что у белобрысого лесного кота была рассечена, а губа распухла, как вареник, ему неплохо досталось от росомахи.

Телосложением кот был похож на Храбра, только гораздо ловчее и быстрее. Наверное, за это ему стоило сказать спасибо своему зверю-прародителю. И парень пользовался своим преимуществом на полную катушку и приумножил его, вызвав слепую ярость горячего росомахи.

– Храбр остановись, – твердо произнесла Хельга, однако кузнец в пылу драки ее не услышал. Не услышали ее и остальные.

Хельга слегка, не больно, наступила на ногу Сомы, чтобы незаметно привлечь его внимание.

– Сом, останови их. – попросила Хельга, стараясь перекричать взволнованного толпу. – Останови, говорят тебе!

– Нельзя, Хельга, если мы поможем Храбру, ему потом никто руки не подаст. Даже если проиграет, он сделает это как мужчина.

Сом проговорил это не отрываясь от созерцания драки.

– Тогда я это сделаю! – произнесла девушка, но Сом ее уже не слушал.

Предательская дрожь в коленях и инстинкт самосохранения заставляли Хельгу отступить. Но когда Храбр пропустил удар, к ее горлу подступал комок. И эти чувства были сильнее давней обиды на парня. Что с ней. Почему она так переживает за него?

Хельга шагнула вперед, пытаясь унять дрожь в руках сжала кулаки. Белобрысый кот заметил это и ослабил.

– Что, валенок, твоя баба за тебя и драться будет? Так у кого из вас хер? – соплеменники белобрысого, одетые в красивые зеленые одежды заржали, поддерживая его искрометный юмор.

– С чего ты взял, что я за него заступаюсь? – Хельга на-

хально приподняла бровку и улыбнулась той улыбкой, от которой даже самые нахальные парни становились кроткими, словно молочные бычки. – Я лишь хотела, чтобы он не перестарался.

– Ты смотри какая заботливая, – белобрысый начал паясничать. Так обычно делают избалованные подростки, которым не хватает внимания.

– Хорошо, забияка, ты сам напросился. Храбр, дорогой, я хочу коврик из кошачий шкуры себе у двери положить, чтобы ноги от грязи от него обтирать, когда в домходишь.

Хельга произнесла это так томно и соблазнительно, что окружающие от такого просто попритихли. Виляя бедрами, девушка подошла к Храбру. Сейчас она чувствовала, нет, была уверена, что взгляды мужчин прикованы к ее упругой попе. Этого она и добивалась.

Облизнув алые губы Хельга поцеловала Храбра в щеку и хлопнув его пониже спины, отошла в сторону.

Кузнец, не ожидавший такого поворота, сначала опешил, а потом довольно заулыбался.

Цель была достигнута. Что-то изменилось во взгляде, повадках росوماхи. Оборотень больше не бросался бездумно в рискованные атаки, которые заканчивались обидными ударами, от которых больно было не столько физически, сколько морально. Теперь росوماха кружил, как его зверь прародитель, выслеживающий добычу. Он отрезал пространство для маневров.

Белобрысый лесной кот почуял неладное и теперь все больше старался сыпать оскорблениями и низкопробными, стараясь снова вывести Храбра из душевного равновесия, разгневаться и вернуть свое преимущество.

Храбр молчал, лицо его теперь сделалось спокойным, и теперь все больше сокращал дистанцию и загонял противника в угол. Главное, чтобы теперь он не уступил, не дал этому бахвалу увернуться. А там все решит случай. Кошачья ловкость и хитрость противостояла росомашьей силе.

Хельга вытерла капельки пота со лба.

Нервы все-таки сдали. Вот только сдали они не у росомашки, а у лесного кота. Тот сам бросился на Храбра, стараясь, как и все кошачьи, ударить противника в лицо, выцарапать глаза. Он не стал превращаться в зверя полностью, трансформировался частично, выпустил когти и полоснул противника. Все произошло быстро. Но лапа не успела прикоснуться к слегка небритой щеке Храбра.

Один размашистый удар правой от души и белобрысый котяра рухнул на землю и потерял сознание. Это была победа. Но Храбр не улыбался и не радовался. Он просто подошел к врагу схватил его за разодранные лохмотья одежды и потащил к Хельге.

Лесные коты хотели вступить за белобрысого, но тут к ним вышел Сом, Лан и Аин.

Если Сом выглядел невозмутимо, то гончар Лан нервно осматривался. Он не струсил, не спрятался за могучей спи-

ной друга, а встал рядом сжимая пусть и небольшие, но сильные кулаки.

– Хельга, ты хотела коврик из кошака? – теперь Храбр позволил себе улыбнуться. – Вот, как раз для твоих странных ножек.

Как же он был сейчас великолепен. Сразу проявилась в нем невозмутимость в своей силе, уверенная стать. Он сделал все правильно, красиво отстоял свою честь и честь своей девушки. Более того, он принес к ее ногам трофей в виде поверженного врага, чей язык, оказался длиннее рук, а амбиции выше ума.

Хельга улыбнулась. Парня нужно было поощрить за то, что достойно отстоял ее честь в бою. И желательно прилюдно, так, чтобы недоброжелатели пускали яд из зависти.

Она нежно обняла и притянула к себе своего защитника и чувственно и горячо поцеловала. Получилось это у нее совсем не наигранно. Храбр ответил на ее поцелуй, заключил в крепкие, но нежные объятия. Сердце у девушки от этого бешено забилось. На какое мгновение она потеряла связь с реальностью. Весь мир словно куда-то пропал и во всей этой вселенной остались только двое. Она и этот неотесанный забияка, который, оказывается умеет здорово целоваться.

Хельга с трудом вернулась с неба на землю. Она знала, что надо сделать, чтобы заставить наблюдать как можно внимательнее. Ее рука скользнула чуть ниже талии парня, ниже, чем можно было себе позволить. Привстав на носочки, она

подняла одну ножку, согнув в колене.

В толпе послышался свист и подбадривающие крики и перешептывания. Сейчас, наверное, каждый парень был бы счастлив оказаться на месте победителя. Этого Хельга и добивалась, пусть знают, что может случиться со сквернословками. И пусть видят, какую награду может получить герой, который вступится за хрупкую девушку.

Рыцарский кодекс, мать его! И пусть таких благородных замашек так не хватает в нашем мире, здесь своим примером ей кажется удалось привить свои идеалы.

Хельга, наконец, закончила целовать Храбра и к своему удивлению поняла, что ее сильно к нему влечет. Она готова была целоваться с ним бесконечно. Ведь ей нужен именно такой парень. Сильный, сбалбашный и трудноуправляемый. И этого зверя ей хотелось приручить... Стоп. Но ведь у нее есть Лео, там в другом мире. Любимый парень. И если этот поцелуй всего-навсего спектакль, то играть в нем ей очень понравилось.

Когда Хельга вспомнила о Лео, он показался ей человеком из далекого прошлого. Воспоминанием о том мире в который она возможно больше никогда не вернется. От этого ей стало горько. Лео не волновал ее как прежде. Она даже лицо его стала постепенно забывать, а ведь времени прошло не мало. Зато все чаще смотрела в сторону задиристого кузнеца из Звериного полесья.

Высвободившись из объятий Храбра, Хельга в стеснении

опустила взгляд. Она присела у белобрысого лесного кота, ища чего можно было взять у него в качестве трофея. Да и такой сувенир ей, на самом деле был без надобности. Только перед толпой «выпендриться», которая теперь внимательно наблюдала за ними. Надо показать, что любое слово имеет свои последствия. А что унизит мужчину больше, чем поражение и снятый с него трофей. Может это и перегиб, но Хельге хотелось именно этого.

Она разочарованно вздохнула. Не в самом же деле с него шкуру спускать! Но тут заметила серебряное колечко у него в ухе. Значит парень младший сын в семье, вот откуда все это бахвальство взялось. Он всегда знал, что за него заступятся старшие. Правда не выучил одного – теперь он взрослый мужчина и должен сам отвечать за свои поступки и слова.

Девушка без жалости схватила за серебряное колечко и потянула на себя. Серьга надорвала мочку уха. Ничего будет напоминать этому зарвавшемуся юнцу.

Храбр многозначительно покашлял в кулак и почесал свою короткую бороду. Видимо его удивило такое вот неожиданное поведение Хельги, но он старался не выдавать своего смущения.

– Пойдем, милый, твои раны нужно промыть? – Хельга это произнесла так, чтобы слышали все.

Воцарившийся тишина оказалась такой громкой, что слышно было, как потрескивали в кострах горевшие сучья и плеск волн, набегавших от ветерка на берег Ярозера.

Взявшись за руки Храбр и Хельга подошли к Сому, возле которого уже стоял поникший Лан и старался не смотреть на них. Неизвестно, о чем сейчас думал Пересмысл, сложно было прочесть по его лицу какие-либо эмоции. Ася обняла своего новоиспеченного мужа.

Первым заговорил ведун:

– Пойдемте отсюда, дети, – произнес он каким-то необычного, старческим голосом, полным усталости.

Глава 11. Мертвая вода для ченослова

По пустынной и ночной ярмарочной площади шли шестеро оборотней и человек. Каждый член этой банды имел свои особенности. В движениях пятерых угадывались общие черты. Шестой, тот что относился к людям, значительно отличался от остальных. Он носил черную одежду, шел уверенной походкой хозяина. А вот своих спутников, похоже, подбирал с особой тщательностью. Это были сильные создания, которые находились в стадии не полной трансформации – полулюди-полузвери. Маг выбрал лучших и подчинил их разум своему. Манипулировал ими, словно гроссмейстер фигурами на шахматной доске. Все его рабы жили и умирали ради него, думали его мыслями и делали то, что он от них хотел. Только человек подумает и оборотни были готовы броситься на первого встречного. В принципе, так и произошло.

Та охрана, что присматривала за лавками и товарами, сейчас лежала, словно безжизненные манекены или игрушки, побывавшие в руках слишком любознательного малыша.

Нет, маг не был мародером или грабителем, слишком низкое это для чародея занятие. Они двигались к ряду гусельщиков, игнорируя другие лавки. Вернее двигался человек, а оборотни следовали за ним по пятам над их головами кру-

жил летун с кожистыми черными крыльями, напоминающий летучую мышь. Лицо их хозяина покрывала маска сделанная из человеческого черепа. От маски расползлся черный густой туман и словно вуаль спускался на аспидно-черный балахон.

Ирбис обогнал хозяина и теперь крался впереди мягкой кошачьей поступью. По его белому с черными пятнышками меху изредка пробегали голубоватые молнии, наполняя тишину ярмарочной площади электрическим треском.

По правую руку от человека в маске, следовал полумедведь, ростом не менее чем в полторы сажени, под его могучими лапами проминались булыжники, которыми мостили улицы. Даже сгорбившись, человек-медведь был выше остальных в этой разношерстной стае.

Замыкали охрану из “звериного бодигарда” девушка и парень. Молодой человек принадлежал роду ящериц, такой же голый, как и остальные в зверином обличье. Девушка-выдра, даже в частичной трансформации была облачена в красное изящное платье длиной до пят, с совсем не скромным декольте. Она то и дело виляла и била пушистым хвостом по своим натренированным бедрам.

Когда они подошли к намеченной лавке, большая летучая мышь приземлилась и превратилась в парня, белоснежная кожа которого бросалась в глаза, даже в сумраке немного разбавленным сиянием звезд и луны.

Вся эта пятерка оборотней теперь стояла безмолвно и

непоколебимо. У каждому из них на шею маг одел кожаный ремень, с вырезанными на нем чуть светящимися рунами на “Тайной речи” и серебряной монетой. Эти руны мало кто мог прочесть из ныне живущих знахарей и ведунов, а если и были такие, то они давно уже доживали свой немалый век среди людской суеты или в обществе дикой природы и видений, вызываемых травами и грибами.

Ремешки ошейников не имели ни застёжек, ни швов. Зато они были намертво пришиты прямо к шкуре оборотней.

Ряд гусельщиков самый дорогой среди остальных. Здесь продавались чудо-механизмы дворфов из Арккума, волшебное вино из Фишираз богатые люди покупали маленькими бутылочками, чтобы отметить какую-то действительно значимую дату или событие в своей жизни. Продавались и музыкальные инструменты, магические кристаллы, дорогие часы, подзорные трубы и оружие мастеров из Демгёрда. Каждый, кто торговал исключительными вещами, приобретал торговое место здесь, в ряду гусельщиков.

Искомая магом лавка нашлась практически сразу. Человек выкупивший это место не поскупился на дорогую вывеску. На ней были изображены двое: довольно миловидная девушка с розово-лиловым цветом волос и ученого вида молодой юноша, державший в руках светящуюся пробирку. Обе фигуры восседали словно на стульях, на витиеватых буквах, которые обозначали название лавки “Алхимик и чародейка”.

Человек в костяной маске не произнес ни слова, но стоило

ему взглянуть на ажурную, застекленную настоящим магическим стеклом дверь, как Медведь практически без усилий выбил ее. Стекло устояло и не разбилось, зато деревянная рама рассыпалась под натиском медвежьей силы.

Первым в лавку вошел маг. Следом за ним Ирбис, затем прошмыгнула Выдра и самым последним был Ящерица, на его боках огненно-красные пятна на фоне кожи темно-болотного цвета светились и освещали помещение, развевая крошечную тьму. Медведь и Летун остались снаружи лавки.

Свет выхватил из мрака резные полочки по стенам, на каждой из которых стояли разномастные сосуды. От маленьких стеклянных с духами, до пузатых бочонков.

Маг откупорил один из сосудов, стеклянный, в котором плавал бутон розового клевера и принюхался. В нос ударил аромат луговых цветов: медового клевера, флоксов, васильков, ромашки. Эти запахи он узнал сразу, но было что-то ещё, чего угадать ему так и не удалось. Что-то знакомое, сладкое, как липовый мёд. Интересная головоломка. Над ней он подумает позже, когда будет сидеть у очага, глядя на танец языков пламени.

Владелец лавки знал, что продавать. Пузырьки выполнены из хорошего стекла, внутри каждого плавали бутоны цветов, привлекая к ним столь равнодушный к ним женский взгляд. А кожаная бирка на горлышке с названием висела на узкой шелковой ленте, еще больше подчеркивая, что эти духи может позволить себе далеко не каждая девушка. Маг

развернул бирку и прочел в полумраке название: “Сатир и дриада”.

Костяная маска не закрывала его губ и было видно, как они изогнулись в улыбке. Действительно, хозяин этого торгового заведения имел хватку потомственного купца, удивительно, откуда взялось у него такое чутье, в столь юном возрасте. Яркая упаковка и певучее название, от которого веяло романтикой. Да девушки без раздумий выберут дорогой маленький флакончик, а их ухажерам и отца лишь придется скрипеть зубами и раскошелиться за эти благовония серебром. Не мудрено, что торговец так быстро перебрался из дешевого ряда сюда за короткое время.

Их потревожил свист. Сначала прозвучал один свисток, следом еще несколько, которые разносились со всех сторон ярмарочной площади. Городская стража не зевала и слишком быстро нашла тела убитых охранников и теперь окружала рынок. Нужно поторопиться. Прятаться смысла не было.

Маг сгреб в охапку дюжину флакончиков с цветами внутри и припрятал их в суме под балахоном. Быстрым шагом вышел из лавки. Выдра ринулась к полкам с благовониями и ароматными мазями и сколько смогла, словно хомяк поместила за щеки, а остальное взяла в ловкие лапы. Ящерица оказался самым продуманным и просто сгреб флакончики в подготовленный заранее мешок с сеном, которое смягчило столь грубое действие и только благодаря этому ни один флакон не разбился.

Барс не стал ничего тащить, выбежал вслед за хозяином. Видимо в его обязанности не входила “мародерка”. Зато она входила в обязанности Медведя. После того как все покинули лавку он не церемонясь разворотил вторую дверь и часть витрины, чтобы протиснуться внутрь и прихватить два больших бочонка подмышки и после, сильно косолапя последовать за остальной компанией.

Летун снова патрулировал небо. Маг мог видеть его глазами и заметил приближающихся городских стражей. Часть из них была облачена в латные доспехи, часть обратилась в звериную ипостась. Волки, медведи, лесные коты и рыси. Все они были слабее отряда мага в костяной маске, но их было столько, что они просто могли задавить числом.

Когда стало понятно, что без боя им не уйти, ночные вори разделились. Девушка-выдра, качая бедрами, пошла на встречу городской страже. И когда до них оставался десяток шагов, развернулась на носочках, с грацией танцовщицы и нырнула в узкую улочку между двумя каменными домами, увлекая за собой погоню. Больше трети оборотней и стражи погнались за ней, словно подчиняясь звуку флейты заклинателя и следуя за ее красным шелковым платьем.

Ирбис выпустил когти и взобрался по деревянной стене одного из домов на крышу, его пушистый хвост взметнулся над крышей и последний раз издав треск молнии, и исчез.

Маг в костяной маске расправил плащ, сотканный самой зимой, а затем схватил его за края и укутался словно в ши-

рокое одеяние. Через секунду от его тела начали отрываться куски тела и устремляться в небо, трансформируясь в черных как смоль воронов. Их было так много, что на несколько мгновений луна скрылась из вида за тучами черных птиц. Прошло несколько мгновений, пока последняя тень не оторвалась от белой костяной маски. Сама маска с гулом упала на булыжник мостовой.

Свет от факелов разрывал ночную тьму недолго. Вперед к стражам выступил оборотень Ящерица обнажив два изогнутых клинка. Оранжевые пятна на его зеленой коже казались вспыхивали от света огня факелов. Рядом с ним встал и Медведь, вырвав брус уличного фонаря. Вместо навершия на этой дубине осталась кованая корзина, в которой еще недавно полыхало пламя, освещая ярмарочную площадь.

Медведь с легкостью держал свою “дубину” одной рукой. Из другой он не выпускал бочонок, похищенный из лавки со звучным названием “Алхимик и чародейка”.

Но Ящерица не стал ждать выпадов в свою сторону. Рывком приблизился к стражу с факелом и рубанул его в грудь двумя клинками. Другие хотели было спасти смертельно раненого товарища, но прежде чем отпрянуть от жертвы, Ящерица сбил с ног двух самых ярых защитников.

Один из изогнутых клинков так и остался торчать из груди мертвого стража. Вместо него в руке человек-рептилия теперь держал факел. Желая произвести впечатление, на обескураженных защитников города, Ящерица, приоткрыл пасть,

из которой показался длинный черный язык. Одно движение языка и пламя факела переместилось на него и затем пропало в пасти.

Оборотни не владеют магией и не могут владеть. Но только что прямо на виду у стражников один из них сожрал пламя и это было не карнавальное представление, подготовленное искусным иллюзионистом. Пламя и в самом деле пропало в пасти рептилии, не причинив вреда.

Минутное замешательство стражей быстро оборвал своими командами десятник. Одно слово командира и перед толпой городских защитников появилась стена из щитов. Края ровного строя начали огибать двух оборотней, отрезая путь к отступлению и пространство для маневра.

Двое лучников пустили стрелы в рептилию, однако на пути стрел вырос Медведь. Его широкая грудь приняла острые железные жала, которые отскочили, не причинив хозяину леса никакого вреда.

Медведь заревел и опустил свою дубину на щиты. На деревянных щите с изображением волка появилась вмятина, страж державший его, вскрикнул.

Над головами городской стражи выстрелили лучники, поднятые на щитах. На этот раз они нарушители порядка были побеждены. Стрелы снова не причинили вреда Медведю, но от одной из подожженных стрел полыхнула шкура оборотня. Тот взревел, не ожидая такой подлости и хоть рептилия мгновенно погасила пламя, на шкуре подельника, тот не

удержался и выронил бочонок. Он упал на каменную мостовую и раскололся. Медведя по пояс окатило духами. С оборотня стало произошла странная реакция. С медведя лоскутами сходила шерсть, словно тот превращался в обычного человека. Вой сменился отчаянным поскуливанием.

Раздалась еще одна команда десятника, и теперь строй стражи со щитами двинулся в сторону припавшего на оба колена медведя. Все завершили две зажженные стрелы. Одна из них ударила в руку оборотня терявшего звериный облик, вторая лизнула пламенем влажную от духов мостовую.

Видимо дружбы между оборотнями-грабителями не было. Воспользовавшись суетой, Ящерица нырнул в обуявшее друга пламя и через секунду вынырнул из него с горящим факелом, прыгнул в витрину ближайшей лавки часовщика.

Никто и не подумал за ним гнаться. Вспыхнувшая лавка часовщика, угрожала в основном деревянному Китежу пожаром. Агонию говевшего заживо оборотня оборвал удар копья со штандартом рода волка. В один миг крик пожираемого пламенем человека сменился хлюпаньем от вытекающей из артерии крови и смешался со звуком треска горевшей поблизости лавки часовщика.

Девушка-выдра оказалась чрезвычайно быстрой, однако выносливостью волка похвастаться не могла. Половина версты по деревянному лабиринту улочек ночного города выбили из неё последние силы. Она достаточно далеко увела за собой почти треть стражи, и теперь настало время самой за-

думаться, как избавиться от погони.

Разрывая на ходу красное шелковое платье, она окончательно превратилась в свое тотемное животное. пару десятков шагов и выдра оказалась на перекрестке между улицей Кузнецов и переулком Рыбаков. И метнулась с раздутыми от припрятанной добычи щеками в сторону каменного колодца и окончательно стала зверем. Одно движение хвостом и ведро которым доставали воду зазвенев полетело в сторону и покатилося по каменной мостовой. Еще мгновение и девушка скрылась в черном колодце. Раздался всплеск воды. В ее родной стихии ей не страшна никакая погоня. К тому же колодец соединен был каналом с Ярозером. Так она оставила преследователей наедине с мыслями, как они будут оправдываться о том, что такой толпой не смогли догнать одну девушку.

* * *

Тёмные коридоры из грубо отесанных, но достаточно хорошо подобранных камней обрезали сполохи света. По винтовой лестнице в казематы спускался человек в балахоне. Его лицо было покрыто ужасными гнойниками, которые казались ещё более мерзкими в скудном свете факела.

При каждом его шаге по каменному коридору подземелья эхом раздавался звон ключей, висевших у него на поясе, рядом с серебряной маской.

В коридоре располагались деревянные двери, в которые скрывались нишах вдоль него. Мужчина с язвами на лице быстро прошел мимо них. Его уверенная походка сменилась на более тихую, когда он подошёл к одной из дверей, которая по виду ничем не отличалась от всех предыдущих, разве что только под ней светилась полоска желтого цвета.

Связка ключей со звоном была снята с пояса. Уверенным движением пальцы нащупали нужный ключ. Лязгнул замок, затем пришла очередь второго запора, затем третьего, пока все засовы спрятанные в недрах толстой двери не отодвинули язычки позволив открыть дверь.

Густой, как ягодный кисель сумрак неохотно, точно живой, начал отступать под натиском яркого света ворвавшегося в коридор из открытой двери. За дверью скрывалась комната имевшая несколько арок ведущих в другие помещения.

Тем не менее пленник, вернее пленница сидела именно здесь, за лакированным столом, погруженная в чтение книги. Она прекрасно слышала шаги визитера, но не обратила на него никакого внимания, не одарило даже кротким взглядом. Для неё он был совершенно не интересен.

Вид визитера в свете ярких магических фонарей начал меняться. Скучные пряди старческих волос начали выпадать, словно у почти мгновенно меняющего облик оборотня, опадая на каменный пол, застеленный дорогами коврами. Однако он не обращался в зверя.

Мужчина просто сменил облик, сбросив с себя гниющая

плоть как налипшую грязь. Теперь это был высокий и худой человек, абсолютно лысый, но с бородой. От его глаз шли три чёрные полосы, расходясь по щекам, на манер лучей.

Мужчина даже сейчас держался чуть сторбленным, видимо привычка оставшаяся от предыдущего облика давала о себе знать. Возраст его, судя по лицу, был немного за сорок, лицо острым, а глаза с маленькой искоркой безумства.

Сброшенная несколько мгновений назад гниющая плоть и седые пряди волос с шипением растворялись в воздухе, оставляя после себя только лёгкий дымок в воздухе. Магия перевоплощения не оставляла после себя хоть какие-то следы, предпочитая раствориться в небытие.

– Зачем ты пришёл? – холодным голосом спросила девушка.

– Я принес еще книг, – ответил мужчина, который кажется чувствовал себя рядом с этой девушкой не тем, чье имя произносят вполголоса боясь накликать беду, а нашкодившим подростком.

– Оставь их там. – Произнесла она, так и не удостоив визитера взглядом и облизнув пальчик перелистнула страницу.

Мужчина положил книги, а затем сел на самой дальней стул. Он несколько раз открыл рот, желая сказать что-то, но каждый раз не решался. Наконец стиснув кулак он ударил им по своим коленям и произнес несколько повысив голос. В нём звучала злость, обида и что-то ещё:

– Зачем ты так со мной, Снежа? – от напряжения его губы

превратились в тонкую нитку.

– Странно, – девушка положила ладонь на исписанные страницы книги и, завернув уголок, прикрыла толстый фолиант. – Этот вопрос я хотела задать и тебе. Зачем ты так со мной, Ивар? Разве не знаешь, что я не люблю тебя, после того что ты сделал. Нет? Я бы не задумываясь перерезала тебе глотку от уха до уха, если бы могла. – Она улыбнулась печально, но это было действительно улыбка.

Девушка наконец смерила взглядом лысого мужчину с густой ухоженной бородой цвета начищенной меди. Он не выдержал ее взгляда и отвел глаза. Ивара боялся каждый в этом городе и за его пределами, а находясь рядом с ней – чувствовал себя маленьким нашкодивший котенком.

– Снежана, я нашёл способ все исправить! И ты снова сможешь быть со мной, Ведь так? – Произнес он улыбнувшись.

– Что исправить? – пленница, которая вела себя как хозяйка, нахально подняла бровь. Ты можешь воскресить маму, отца и братьев? Ты можешь воскресить дядьку Измира, тетю Вету и ее нерожденных малышей? ты жрец Чернобога, ты не можешь творить добро по определению. Тем более, воскрешать тех, чьи души ты сжёг.

От холода в голосе женщины даже магические фонари убавили яркости. Она говорила ужасные вещи, таким тоном, словно обсуждала погоду или мягкие булочки, которые купила у булочника на ярмарке.

– Я нашёл способ Снежа, я все исправлю. И всё будет как

раньше!

– Нет, нет Ивар, даже не думай! Их могилы некромантией. – Девушка встала и схватила маленький серебряный нож из столового набора.

– Никакой некромантии. Я хоть и жрец Чернобога, но не могу поднимать нежить. Даже если бы мог я бы не рискнул. Зато воскресить их может магия света, ты слышала про Мертвую воду?

Худощавые ладони мужчины с узловатая костяшками на пальцах нырнули в широкий рукав балахона. А через мгновение в его руках оказался маленький пузырек из глины с деревянной пробкой.

– Мертвая вода? За кого ты меня принимаешь? Неужели ты так отчаялся, что готов идти на откровенное вранье и подлог? Ты в самом деле думаешь что я поверила в детские сказки? – девушка сощурила глаза. Полупрозрачная кожа на щечках не видевшая света много лет, заалела от прилива крови.

– Ты не веришь мне? Я встретил человека, который продает Мертвую воду. Это слишком маленький пузырек, но я достану столько, сколько нужно.

Снежа отложила книгу хмыкнула и взяла у него из рук пузырек и откупорив пробку понюхала. Пахло приятно и необычно.

Ивар взял пузырек, ухмыльнулся и в доказательство капнул Мертвой воды себе на запястье. Капля зашипела у него

на коже. Правда девушка приняла это за дурной фокус.

– Этот состав в разных странах называют по-разному. Жрецы Фашираз называют её Солнечным Эфиром, маги Аркрума – Эссенцией жизни, скивы – Мертвой водой.

– Вот это – Мертвая вода? Я поверю тебе Ивар, когда своими глазами увижу своего отца, своих братьев, всех кого ты отобрал у меня. Вот прямо здесь, живыми. Обниму и услышу их голоса. – Она снова отвела от него взгляд.

Ивар крепко сжал пузырек в пальцах. Никто и никогда прежде не воскрешал людей вот так, в прежнем виде. Можно было поднять мертвое тело, вызвать духа. Но все это воссоединить в прежнее единое – никому, кроме богов не доступно. Что же, если понадобится, Ивар станет и Богом.

Снежа была моложе своего ценителя чуть больше чем на десяток лет, и теперь уже почти не верила в то, что они когда-то любили друг друга.

Глава 12. Иллюзионист

Друзья направились в гостиницу. Толпа зевак провожала их компанию почти что до самых дверей. На улице стало жарко и пыли прилипала к потным лицам и свежим ранам Храбра. Парень хорохорился перед друзьями, а особенно перед Хельгой. Сом предусмотрительно не отходил от него далеко. Мало ли парень потеряет равновесие и упадет некстати.

Пересмысл был сейчас так не кстати! Возомнил себя совестью и, казалось, видел Хельгу насквозь. Читал ее мысли, желания и весь вечер находился рядом, не давая им воплотиться. Промыть и обработать раны Храбра тоже вызвался сам, отправив свою ученицу на отдых и сон.

Ночь тихо опустилась на Китеж. Несколько ударов колокола на главной башне, возвестило город о полуночи. Хельга не могла уснуть, раз за разом переживая странные волнения и воспоминания о драке росомахи и кота. Крутила в пальцах серьгу – трофей, который взяла с поверженного врага. Фантазия рисовала разнообразные сцены дальнейших отношений с Храбром; для нее вечер мог бы закончиться по-другому, если бы не предусмотрительный ведун.

Бывший парень Лео теперь, казалось, был так далек от неё, и дело совсем не в расстоянии, отделявшем их друг от друга. Если Лёва Краснов давил brutality, кажется, доказывал её самому себе, то Храбр был другим, настоящим.

Не таким, с которым просто охота провести время в ночном клубе, а тем, с которым можно завести крепкую семью. Парень из Звериного полесья – это защитник очага, что в холодную зиму отдаст последние сапоги и разобьёт в кровь лицо тому, кто посмеет оскорбить его женщину, а не прикажет сделать это своим охранникам.

...Женщину? С чего она вообще взяла, что он любит ее?! Ведь кроме сегодняшнего поцелуя, больше не было ничего. Ни взглядов, от которых у Хельги пробегали мурашки по спине, и от которых она восхищенно вздыхала, ни джентльменских выпадов со стороны Храбра. А поцелуй – всего лишь плата за то, что заступился за неё. Да, их связывали сильные эмоции, но далеко не все из них были положительными.

Вспомнить хотя бы момент их знакомства на реке последствия которого, теперь запечатлены розгами у парня на спине. Она давно простила ему то, что он подглядывал за ней на реке во время купания. К тому же она вела себя грубо, и Храбру сильно досталось. Если бы она не побежала за ним, ничего бы не было.

А дальше все нарастало, как снежный ком. Эмоции, впечатления, плохие и хорошие связывали их все крепче. И Хельге, хрупкой маленькой девушке не хотелось сейчас манипулировать сильными мужчинами. Она прекрасно осознавала, что могла движением бровки от которого парни едва ли слюни пускали, или сделав плаксивое личико от любого

добиться своего. Эти методы и сейчас оставались неизменными.

Но с Храбром ей не хотелось быть сильной. Нет, напротив быть слабой и беззащитной. Чтобы он защищал ее, так же как это было несколько часов назад.

Девушка даже не заметила, как заснула. Сон вытворял с фантазиями Хельги свои причуды. В нем она и Храбр не ограничились поцелуем. Пусть это было даже во сне, но накопленный стресс и недостаток мужского тепла прошел, словно утренняя роса на зелёном лугу.

Хельга проснулась от стука в дверь. Не выпалась, но чувствовала себя отдохнувшей и счастливой. Однако счастье улетучилось, когда она увидела лицо Лана. Парень едва не плакал. Девушка хотела пошутить над его хмурым видом, но позади гончара появился старик Пересмысл и снова предугадав ее желание, лишь покачал головой, остановив ее желание сказать едкое словцо.

– Нашей лавки больше нет. Нас ограбили, – парень проговорил это на одном дыхании, словно от того, что если он скажет это быстро, все воспримется Хельгой более мягко.

Девушка не сразу восприняла его слова всерьез. В мыслях сейчас был полный бардак. Но потом она все же пришла в себя.

– Да там и воровать это было ничего, ты же в первый день всё распродал.

Целительница давно не посещала лавку, отдав все в руки

посредственного гончара старшего предприимчивым и даже успешным винокуром, они в первый же день торговли распродали почти все пузырьки с благовониями, растирками и настойками, оставался лишь спирт в дубовых бочках и поллитровых бутылках.

– Там только благовоний было столько, что Зорану Горынычу и за две зимы не заработать таких денег на своей пасеке. Мы несколько ночей настаивали мертвую воду на травах?

Лан едва не плакал подсчитывая материальные потери. Хельга тоже поджала губы, ведь она взяла долг под свою ответственность и свободу. Звериное полесье деревня конечно хорошая, но пять лет сидеть у чёрта на рогах ей совсем не улыбалась.

– Долг выплатить у тебя деньги остались? – сейчас Хельга едва дышала, боясь услышать “нет”.

– Зорану Горынычу я долг отработал еще в первый день торговли, – успокоил целительницу Лан, ставший преуспевающим винокуром.

– Деньги на запуск нового производства у тебя есть? – Хельга произнесла это уже более спокойным голосом.

Лан кивнул и постепенно стал успокаиваться. Сейчас его отпустила паника и теперь он несколько стеснялся, что кто-то видел его приступ слабости.

– Да, деньги остались. Но Хельга, это ведь и твое дело, без тебя ничего бы не получилось.

– Я знаю, половина моя. Помнишь, когда ты транжирил

деньги, покупая самое лучшие места в ложе и вообще, Лан, ты тратил свою часть, а мою я еще спрошу. Это тебе на будущее, чтобы не кидал деньги на ветер. Сейчас я соберусь, мы ходим к лавке, посмотрим, может ещё не всё пропало. Ты тот еще паникер!

Девушка скрылась за дубовой дверью своей комнаты. Как это принято у всех девушек, собиралась долго и обстоятельно. Вместе с Ланом Хельга вышла из гостиницы и направилась в сторону лавки знакомой дорогой, но компаньон кивнул указывая на совсем другой путь. Остальное компания обещала догнать чуть попозже, на дворе было еще раннее утро.

Странно, но Лан вёл в Киеве совсем другой дорогой. Девушка отлично помнила дорогу в недорогие торговые ряды, туда где они сняли торговые места едва ли не на последние деньги. Ничего не спросив, девушка последовала за все еще угрюмым Ланом.

Они вышли на торговую площадь с другой стороны и мощеная гранитом улица вывела их в ряды гусельщиков, туда где располагались лавки. В рядах гусельщиков гости города со всего мира, облаченные в необычные одежды, продавали самые редкие диковины, привезенные в Китеж со всего света.

Лан поторопился к тому ряду механизмов, в котором купил себе очки Храбр в первый день прибытия в Китеж. Это дорогое, престижное место торговли, где на прилавках вы-

ставлялся самый изысканный и редкие вещи. Именно здесь Храбр купил свои очки за деньги, на которые можно было купить хорошего скакового коня.

Ряды изрядно пострадали, одно торговое место выгорело дотла. Едкий запах гари и еще тлеющие доски, привлекали внимание зевак.

Торговцы разговаривали на высоких тонах, не стесняясь в выражениях, иногда переходя на родные для себя, но чуждые для стражей города языки. Сомневаться не приходилось, сейчас они всю матери или охрану на родных языках, это было понятно и без перевода. Странное дело, но изредка выскакивающие у иноземцев слова серьга смутно понимала. Причину негодования заморских торговцев можно было и легко понять: платили они не только за право здесь торговать и снимаемый павильон, но и за охрану. Особенно много возникало вопросов к тому, кто представлял собой местную власть, вызвавшуюся доблестно охранять имущество торговцев.

Лан влетел внутрь разоренной лавки, здесь именуемое купеческим местом, и принялся голыми руками разгребать битое стекло и переломанные в щепки витражные рамы не страшась порезов, заноз и силясь разыскивать уцелевшие ценные пузырьки и флажки. Друзья наблюдали безмолвно за его попытками спасти хоть что-то. Лавка выглядела так, словно в нее влетел автомобиль на полном ходу.

Внимание Хельги привлекла деревянная вывеска, висев-

шая теперь на одной из двух еще не успевших заржаветь под открытым небом кованых петель.

– “Алхимик и чародейка”. Лан, ты серьезно?! – девушка засмеялась. Прочитав название, ей с трудно было сдержать столь неуместный в данный момент смех. – Я будущий знахарь, но никак не чародейка. И как лепка горшков похожа на алхимию?

Настроение у Хельги было приподнятым, не смотря на то, что они потеряли сегодня большую часть товара. Гораздо сильнее пострадали соседи, их торговые места, склады и весь товар выгорели дотла.

– Семь сотен локтей царского золотого шелка, пять локтей нежнейшего южного ситца, пуговиц из демгердского перламутра целых три сотни... – сокрушался низенький полный хозяин лавки треща маленьким кулачком перед стражникам который был раза в три выше его. Вот уж кто потерял так потерял.

– Дык городской стражи в городе всего три сотни, уважаемый, остальные по летним заставам, – Объяснялся перед ним бравый городской страж в серебряной кольчуге и плаще сотника алого цвета. Свой куполовидный шлем он держал под мышкой.

Как раз в этот момент подросла и остальная компания Хельги. Сом нес невесту на руках. Ася обнимала его за шею создавая умиротворяющие картину а, хоть картину молодого-

женов пиши.

Храбр отправился искать хоть какую-нибудь телегу, чтобы погрузить в неё остатки товара.

Сом, которому стало жаль пострадавших вмешался в разговор купцов с командиром охраны.

– Некому служить? Меня возьмешь на службу, дядька? – прогудел он, едва только спустив на землю невесту.

Командиру пришлось задрать голову к небу, чтобы рассмотреть лицо добровольца-богатыря. Рассмотрев парня, воин одобрительно замотал головой и от чего-то заулыбался.

– Сотником никак, а вот десятником возьму, это ведь ты за невесту бился на празднике? – серьезно сообщил страж города.

– Я. Вот моя невеста – Сом с гордостью ударил себя кулаком в грудь и указал на кротко ждущую в стороне Асю – Десятником?!.. – поперхнулся Сом и вновь посмотрел в сторону своей молодой супруги Аси.

– А что, соглашайся. Куда ты, туда и я пойду. Вот только где мы жить-то будем в Китеже?

– Угол снимете, а через пару годков повышение получишь и домик купите, – Сотник и похлопал новобранца по плечу, боясь что тот может отказаться. – Нам такие богатыри нужны!

Сом был счастлив без меры, такой удаче. Быть десятником, это не улыи у дяди Зорана переставлять и мешки ворочать на мельнице. Как-никак, а уже не “принеси-подай”, а

важный человек. Защита и опора матери городов и земель Скивских.

– Поздравляю, – одобрил Храбр, подогнавший только что к ряду телегу с запряженным в неё серым осликом.

– Да, мне, это... Да я и просто рядовым согласен был... – признался племянник старосты из Звериного полесья.

Лан не сильно превысил денежные потери, ведь теперь за потерю товара, город должен был выплатить им мзду серебром. За ремонт лавки им не придется платить. Лан арендовал лавку вместе с охраной. Если охрана не справилась, то у нанимателей к съемщикам не может быть претензий.

Компания быстро загрузила остатки товара в небольшую тележку с приозерским осликом, которую Храбр привел с ближайшей перекладной. По подсчетам, уцелело чуть больше половины товара. Однако Лан все же был пасмурнее тучи в самый последний день осени.

Тем временем на площадь подтягивался народ. И не для того, чтобы посмотреть на разоренные лавки, а увидеть выступление знаменитого не только в скивских землях иллюзиониста. Говорили, что у начальника стражи Китежа и тысячника земель Скив, почетного мужа города, воеводы Ильи Никитича, в народе прозванного Хмельным, за любовь к браге и веселым застольям, родился сын, и он, от такой радости и от щедрот барских, устроил для китежского люда подарок: выступление великого мага и иллюзиониста Фалько Де-Бьянко из страны механизмов, пара и магии Аркрума.

Лан ворчал, смотря на ожидающий зрелища народ. Как можно веселиться, когда случилась вот такая беда, тут в пору черный саван в честь траура одеть.

Хельга же требовала со своего компаньона несколько злотников и отправилась смотреть представление вместе с Асей. Сейчас молодая невеста была грустнее брошенного на улице щенка. Сом вызвавший все добровольцем в городскую стражу чмокнул и её в щеку и через пару минут скрылся за поворотом вместе с сотником городской стражи. Сейчас ей было категорически необходимо положительные эмоции.

Они направились к разноцветным шатрам, которые выросли на площади так же быстро, как грибы после тепло-го летнего дождя. Голубые зеленые, красные, или же сразу нескольких цветов. В самом большом трехцветном с большим конусовидным куполом как раз и ожидалось представление фокусника. В тех что поменьше предлагались развлечения попроще, но не менее зрелищные.

В желтом, например, показывал трюки слепой метатель ножей с девочкой-ассистенткой лет двенадцати, которая была похожа на дорогую фарфоровую куклу с большими кари-ми глазами. Девочка без страха ставила на голову яблоко и за небольшую плату, слепой метатель ножей пронзал плод одним из своих острых орудий. В соседнем красном шатре из плотной материи не пропускающей полуденный свет, ра-ботала гадалка, призывающая к общению души почивших предков за медный кун, по-соседству в более просторном

шатре одноглазый и хромоногий мужчина с черной бородой, выставлял на обзор засушенных или помещенных в консервирующие составы уродцев: двухголовых змей, сросшихся головами младенцев, чучело трехногого лосенка, засушенный рыб покрытых мехом точно куница, щупальца морских чудовищ.

У одного из шатров сидела на треугольной подушке, подобрав по-турецки под себя ноги, рослая смуглая женщина в коротком лифе и просторных шелковых шароварах. Определить возраст этой дамы было почти невозможно, так кожа ее, в том числе на лице, была сплошь покрыты витиеватыми татуировками. Вывеска над шатром гласила: “Татуировки от островов Мадьях до ледников Демгёрд”.

Рядом с женщиной стояло несколько досок на подставках с эскизами татуировок в виде цветов, растений, животных, портретов красивых девушек, драконов и разнообразных рун и символов, витиеватыми узорами, в стиле северных народов, или тонкими и кружевными как у народа Аслау.

Все это дополнялось живописными картинками татуированных людей и нелюдей. Среди портретов, Хельга заметила и изображение лысого мужчины стоявшего спиной с одноглазым, как циклоп, вороном между лопаток, будто смотревшим в самую душу единственным желтым глазом. Настолько точный и детализированный рисунок с трех шагов был похож на фотографию.

Неизвестно чем привлек её этот странный человек, но

картина твердо запала в память. Зеваки рассматривали картины и эскизы, а некоторые, более смелые, трогали кожу женщины. Она же иногда вставала и кружилась, предлагая внимательнее рассмотреть татуировки у себя на спине, животе и плечах, при этом призывала всех желающих украсить свое тело таким же вот витиеватым рисунком.

Художница по телу вроде как обмахивала лицо прозрачным веером, делая изящные и завораживающие движения и привлекая внимание проходившей публики. Когда Хельга рассмотрела веер внимательно, это оказался вовсе не веер, а иглы для набивки рисунков на коже.

– У нас тату сейчас в моде, – вспомнила вдруг она. – Молодежь увлекается. Я и сама хотела.

– Я не работаю по шаблонам, шулам, я творю каждый раз новый рисунок, – вдруг заговорила женщина с южным акцентом, взглянув на розовые волосы целительницы.

– Я знаю значение этого слова, южанка, – Хельга прищурила глаза, услышав оркское “ведьма”. Кончики розовых волос начали приобретать лиловый колер.

– Хорошо, тогда шулам приготовит мазь и присмотрит чтобы рисунки на теле господ не загнили, – кивнула южанка с уважением в голосе.

– Они не господ для меня, – ответила девушка и волосы её стали из розовых лиловыми.

– В Фаширазе, каждый мужчина для женщины господин, – пояснила татуировщица.

– Мы не в Фаширазе.

Но ее слова к Хельге были преисполнены уважением. Наверняка слово “ведьма” имеет разный оттенок в языках южан, догадалась Хельга. Татуировщица внимательно осмотрела Храбра и Лана.

– Для каждого рисунок подбираю свой. И никогда не повторяюсь. Чем красочнее картинка, тем дороже цена. Краски из чернил осьминога, крови камня с Бронзовых островов и пятой эссенции стоят дорого. Ну как, есть смелость и деньги?

Татуировщица улыбнулась подкупающей белоснежной улыбкой.

– Ну что, дружище, – толкнул локтем Лана Храбр. – Ты мужик, или сявочка с косичками?

Лан, как это полагается купился на провокацию друга и направился к шатру с желтыми и голубыми полосками первым.

– Тогда мне цветную, в ладонь величиной и самую лучшую. – потребовал он звякнув мошной с деньгами.

– Что желает изобразить господин? – художница по живой коже не повела взглядом от звона монет.

– Символ эм-м-м... – парень замялся, – богатства? – Лан был готов на все, но что конкретно хотел, не знал.

– Трехцветный карп.

– Карп?

– Символ богатства. Вивена, – позвала художница.

Из шатра показалась девушка, на вид не более восемнадцати лет, худощавая и с глазами миндалевидной формы и посмотрев на Лана, спросила тоненьким голоском:

– Где господин хочет делать татуировку?

– Да вот хоть тут, – ответил ей гончар и задрал штанину по колено, поставил ногу на низенький табурет. Потом добавил. – Да не сильно большую.

Храбр снял с себя рубаху, поигрывая мышцами и с издевкой сказал:

– А мне не цветную на все плечо, побольше.

Татуировщица провела по его спине Храбра ладонью.

– Красивое тело, сильное, люблю с таким работать, – усмехнулась она, заметив как ревниво глянула на неё Хельга. – Вашей девушке понравится моя работа.

Мастерицы приступили наносить контур, а затем и набивать на коже рисунки с помощью небольших молоточков и игл с цветными чернилами. Лан поскуливал как побитая собака, вздрагивая всем своим худосочным телом. Храбр, лишь скалил зубы пряча за улыбкой гримасу боли.

– Пойдем лучше представление посмотрим, – предложила Хельга Асе и потянула ее к деревянному ларьку, где продавали билеты.

Зрители заняли лавки в большом красно-фиолетовом шатре. Выкованные из стали витиеватые фонари. В стороне, на балкончике расположился оркестр состоявший дворфов в фиолетовых цилиндрах.

– Внимание, внимание, – проскандировал басовитым раскатистым голосом внушительного вида концертмейстер в белой рубаше и высоком цилиндре. – Дамы и господа спешите увидеть красочное выступление мэтра Фалько!

Хельга и Ася купили места почти что в первом ряду. Запах пыли смешивался с запахом духов и свежих цветов, которые украшали небольшой балкончик музыкантов. Между лавками сновали торговцы с подносами и предлагали купить засахаренные или соленые орехи. По-соседству с ними устроилась импозантная дама в меховом собольем воротнике с тремя толстенькими мальчиками, которые как раз таки грызли эти орехи горстями, при этом громко чавкая и отбирая друг у друга угощение.

На середину сцены вышел юркий, высокий человек в цилиндре и клетчатом костюме. Он раскланялся публике и одарил всех ослепительной широкой улыбкой, снял и отбросил прочь пиджак, закатал рукава рубахи по самые локти, дабы публика видела, что там он ничего не прячет. Несколько раз у него в руках появлялись словно из воздуха букеты цветов, которыми он одаривал девушек и дам, которые сидели в первых рядах.

– Волшебство, – зааплодировала Ася. – Настоящее волшебство!

Девушка радовалась как ребенок, который никогда до этого не бывал в цирке.

– Да нет, простой фокус? – прокомментировала Хельга. –

Цветы он за пазухой спрятал и вытащил быстро.

Импозантная дама зашикала на них и принялась обтирать лицо платком. мех соболя подчеркивал богатство этой женщины, но в летнюю жару был лишним украшением.

Фокусник держал пламя на двух ладонях и выдыхал его изо рта. подкидывал язычки пламени в воздух и жонглировал ими. И совсем уже удивительным был трюк с исчезновением и левитацией. Когда Фалько на виду у изумленной публики исчез за ширмой и появился в зале на одном из дальних мест. А потом, артист парил в воздухе под куполом шатра, словно облако. И как не старались добровольцы разыскать веревки, или подставку снизу, так и не смогли разгадать секрета. Публика ликовала, кричала “браво”.

– Волшебник, – снова изумился Ася. – Впервые вижу волшебников!

– Да, наш старикан и то больше чудес творит! – отмахнулась от нее Хельга. – Да нет, дно двойное, люди подставные? – посмеялась Хельга. – Как же просто тебя провести.

Дама снова на них шикнула, а толстый мальчонка, просыпал орешки прямо на платье целительницы. Та сама шикнула на мальчишек и женщину.

Когда закончилось представление, девушки вышли из шатра вполне довольные, ну если не считать соседства с той неприятной дамой, заглянули в шатер татуировщицы.

Парням все еще набивали татуировки. Храбр сидел на стуле задом наперед и обнимал спинку. Лицо у него было

спокойным, словно его гладили по спине, а не иглы под кожу загоняли Татуировщица подставила поближе подставку с фонарем поближе и напевала под нос песенку на незнакомом языке. Лан лежал на животе на каком-то высоком топчане, покрылся испариной, шикал на низенькую девушку, ойкал. Та лишь мило улыбалась и продолжала вгонять ему под кожу тонкие иголки, окрашивая лепестки цветка на татуировке в красный цвет.

Хельга и Ася решили их не ждать, и отправились в гостиницу. Вечер выдался пасмурным и до этого голубое бескрайнее небо над их головами отяжелело, приобрело дымчатый цвет. Со стороны северных ворот сверкнула молния, а спустя около десяти секунд раздался громовой раскат. Девушки поторопились добежать до дверей гостиницы, но теплый и крупный дождь все равно догнал их у самых дверей.

Вбежав внутрь гостиницы вместе с Асей, Хельга как-то сразу обратила внимания на четырех посетителей, которые сидели в зале на первом этаже. Решили видимо скрыться здесь от непогоды и заодно перекусить. Конечно всякие люди заходили “В перегрызенный кнут” и в разное время. Но эти четыре типа были одеты не в традиционную одежду какого либо скивского рода, да и как только она вошла, сразу подозрительно притихли.

Девушка в ярко-красном, скроёном на восточный манер платье уставилась на неё темно-кариими глазами и то ли оскланилась, то ли улыбнулась, показав белые, острые и совсем

нечеловеческие клыки. Рядом с ней сидел сухощавый парень, с длинными темно-русыми редкими волосами, вытянутым лицом с тонкими поджатыми губами и играл огоньком стоявшей на столе свечи. Подносил к пламени длинные пальцы и гладил его, словно это был не необжигающий огонь. Взгляд у него был совершенно неодушевленный. Третий их товарищ, одетый в полосатый длинный кафтан, которые носили жители гор, расположился спиной к входной двери и Хельга поначалу лишь смогла рассмотреть его широкую спину.

Но вот когда в окнах сверкнула молния, осветив на секунду зал, по его спине пробежала в точно такая же. Правда этого почти никто не заметил. Четвертый парень казался излишне бледным и болезненным. При этом он все время двигал вздернутым кверху носом и кутался, словно в кокон в черный кожаный плащ.

По лестнице к ним на встречу сбежал Пересмысл.

– Где вас лешие носят? – встревожено спросил он. Борода у ведуна была взъерошена, глаза горели то ли от испуга, то ли от гнева.

– Че такое, старик? – не понимала целительница.

Пересмысл потащил ее на второй этаж к снятой девушками комнате. Хельга толкнула дверь и войдя в комнату увидела на своей постели бледного бесчувственного мальчика лет восьми, одетого в дорожную рубашку с золоченой вышивкой. Над пареньком склонялся кряжистый мужик с квадратным

лицом и старый знакомый Хельги Гифей. Он сидел на кровати в привычной серой рубахе до колен и серебряной маске.

Глава 13. Хозяйка мертвой воды

В съемной небольшой комнате и так было душно, а тут еще помещалось теперь пятеро человек. Мухи, которые могли пробраться куда угодно, особенно туда, где предполагалось вскоре поживится, жужжали под потолком, раздражая слух. Пересмысл и Гифей сели рядышком на кровати Аси. Дядька Ерш, воспитатель знатного мальчика, устроился на табурете рядом с кроватью Хельги. Волосы у него все промокли от пота и скатались в сосульки. Мальчишка лежал словно мертвый. И о том, что он все же был жив, говорило хриплое тяжелое дыхание.

– Хельга, это Ёрш, воспитатель Светозара, сына воеводы, – представил мужчину Пересмысл и указал на мальчишку. – Посмотри, может ты чем-то сможешь помочь.

– А что с ним? – поинтересовалась целительница с розовыми волосами, она стояла в дверях и с удивлением смотрела на всех этих пришельцев.

– Очень похоже на легочную чуму, – пояснил Пересмысл. – Так, по крайней мере утверждал его лекарь, а вот я сомневаюсь.

– Легочная чума? – попыталась понять о какой болезни идет речь девушка вспоминая все ранее прочитанное про легочные болезни.

– Да, но легочная чума очень заразна. И за три дня может

скрутить человека. Мальчик две недели провалялся дома и еще жив, – пояснил Гифей, который и привел к целительнице в комнату дядьку и мальчика.

– Мальчишка скоро захлебнется собственной мокротой, – добавил Пересмысл. – Что ты скажешь на это Хельга?

Конечно Гифей и тот дядька-воспитатель и утверждали, что Светозар не заразен, но девушка сорвала с петли полотенце и, прежде чем подойти к больному, прикрыла им лицо.

Температура у мальчишки была повышена, он содрогался от приступов кашля, а от слабости не мог поднять головы. Хельга задала ему несколько вопросов. Светозар отвечал бессвязно и не сразу.

– Если бы это и в самом деле была легочная чума, в барском доме давно не осталось бы здорового человека, – добавил Ерш и как бы в подтверждении своих слов, без тени брезгливости сунул палец в рот мальчишки и облизал его.

О легочной чуме Хельга слышала впервые и не могла знать ее точных признаков. Но если верить словам Пересмысла, болезнь развивалась стремительно и бесповоротно.

– Как и когда появились эти симптомы? – спросила Хельга Ерша.

– Не более чем неделю назад, когда у нашего воеводы Китежа Ильи родился сын Олег, а вот Светозар стал нездорово кашлять и жаловаться на слабость. Он первенец, рожденный от первой супруги Ильи. Людмила, мачеха его, пригласила в дом эскулапа. Он посоветовал лечение, теплое питье и на-

тирать пятки и грудь мазью из барсучьего жира, – Ерш вытер лоб рукавом и присел на стул. – Воевода на днях уехал на границу с Акрумом, по делам. А сыну его все хуже и хуже. Не ест, спит целый день. Потом так ослабел, что поить его приходилось через силу, а там Светозар и в забытьи стал впадать. – дядька снял шапку.

– Как же вы запустили болезнь? – поинтересовалась девушка.

– Если бы я не забил тревогу, молодая жена воеводы и не сильно бы стала стараться. Илья Никитич мне доверил воспитание преемника и наследника, пока его дома не будет, мне, а не жене своей. А Светику все хуже становилось. Со всем похудел. Лекарь приходил в дом сначала каждый день, потом по нескольку раз в день. Но лечил все одним и тем же, а потом заявил, что у мальчика легочная чума, и его надо отправить в “Серый дом”. Из дома Ильи всех выселить и комнаты окурить серой, чтобы хворь убить, – Ерш замолчал.

Хельга сняла полотенце со своего лица и склонив голову к мальчику принялась. От него исходил запах миндаля.

– Та-а-ак, – протянула она. – Сын, говорите у воеводы родился?!

– Мы же все понимаем, что это не легочная чума, – первым озвучил свое предположение Гифей. – Легочная чума не дала бы прожить парню и двух ночей. Похожее я наблюдал у шахтеров с оловянных рудников.

– Оставьте меня, – обратилась Хельга к присутствующим.

щим. – Здесь и так душно, а мальчику нужен свежий воздух.

Гифей и Ася спустились вниз в харчевню. Дядька Ерш вышел в коридор, но далеко не отходил, наверное беспокоился о Светозаре. Пересмысл остался наблюдать за ученицей.

Хельга внимательнее рассмотрела мальчишку. Ногти у него совсем посинели, губы потрескались и дышал он через раз, но всеми силами цеплялся за жизнь, которая по капле все равно покидала его. Жар тела сжигал мальчика изнутри. А ведь мальчишка совсем маленький. В Оренбурге, в его возрасте еще только первый класс в школе заканчивали.

Хельга стала вспоминать все возможные диагнозы известных ей болезней. Не похоже было не на пневмонию, ни грипп или бронхит. По-хорошему бы взять анализы и поставить капельницу, чтобы сбить жар. Да откуда она тут? И анализы не сделать.

“Мда, вот уж задачка!”

Она вышла в коридор и попросила у дядьки принести ей воду и чистые полотенца. Надо было для начала сбить температуру. Ерш почти шепотом согласился, часто кивая и едва не пригибаясь перед девушкой. Сие было бы комично, когда сорокалетний мужик, не потерявший молодецкой стати, лебезит перед девчушкой годной ему в дочери, если бы не сама ситуация.

После разговора с девушкой, дядька Светозара поднял всю гостиницу на уши и через пять минут к Хельге в комнату одна из трактирных девушек принесла то, что она потре-

бовала. Мальчишку раздели почти до гола и стали обтирать прохладной водой. Вода испарялась, но температура тела так и оставалась высокой, к тому же, и на улице было достаточно жарко.

– Попробую зверобоя дать, – поразмыслил старик и отправился искать травы, хотя рынок уже закрылся.

К счастью в гостиницу вернулись парни, и у Лана от производства настоек осталась горсть этой ценного лекарства. Храбр, услышав историю о мальчишке от Ерша, осторожно постучался в комнату Хельги.

– Заходи, – позвала она.

Мальчика лежал на ее постели прикрытый только тоненькой простыней и вздрагивал от прикосновений холодным мокрым полотенцем. Целительница стояла перед кроватью на коленях и обтирала его. Такой растерянности и беспомощности она не чувствовала даже тогда, когда ей пришлось делать операцию беременной Хедвиге, жене Аина. Там все было предельно ясно – операция либо удастся, либо нет. А тут она не знала с чем борется.

– Чем я могу помочь? – спросил кузнец. Хельга вздрогнула, поднялась с колен. На лице у неё читалась растерянность вперемежку со страхом.

– Не мешать! – резко ответила она и махнула на него полотенцем. – А впрочем нужен местный лекарь, который смог бы поставить диагноз. Вот только где его взять-то сейчас. Где взять?!

– Верно, местные знахари возможно с такой болезнью и знакомы лучше. Не похоже ни на одну из тех, которые мне известны, а уж я то не мало перевидал. Возможно, какой-то местный вид лихорадки, – согласился Пересмысл и похлопал Храбра по плечу.

– Будет вам знахарь, – твердо сказал Храбр, сам хлопнул старика по плечу, и вышел из комнаты.

* * *

Время было позднее. Стало темнеть и люди Китежа уже готовились ко сну, а кто-то уже и смотрел десятый сон. Храбр вышел из гостиницы и по обыкновению почесал короткую темную бородку. Не легкая задача найти нужного знахаря для Хельги. Именно такого, который поможет. Но вот если сын воеводы вдруг умрет, у неё могут начаться неприятности. Принесла же нелегкая этого Гифея и Ерша! Конечно ранее он бы и пальце не шевельнул, чтобы помочь ей, но сейчас почему-то сильно за неё переживал и готов был на многое.

Легким шагом, росомаха направился прямиком в Лекарскую слободку, не далеко с северными воротами Китежа. Слободка была небольшой и обойти все небольшие домики знахарей не составляло труда. К тому же обычно многие из них вешали у входа колокольчики, а некоторые не затворили двери на ночь, дабы страждущие в любое время могли прий-

ти к ним в дом. По постройкам сразу можно было определить лучших эскулапов и тех, что таковыми не являлся или работали за небольшую плату, дабы обеспечить себя только куском хлеба. У мастеров своего дела домики были из кирпича, а иногда и в два этажа и вывески более добротные.

Храбр решил начать с самых лучших домов. В эти дома его пускали сразу и первым делом интересовались, от какого он послан господина и есть ли у них деньги на лечение. Кузнец без зазрения совести называл имя воеводы и его сына, после чего сразу становился желанным гостем. А когда давал адрес, по которому следовало явиться, вызывал удивление и некоторые подозрения. Но все же не один эскулап не отказывал. К тому же у многих была личная охрана из пары слуг или учеников.

– Проклятые, жадные твари! – ругался он каждый раз выходя из вот из такого вот добротного дома.

В одном из таких домиков, на фасаде которого висела самая большая вывеска с именем знахаря “Мэтр лекарских дел и врачевания Корнелий” и зеленым крестом ему открыла приятная женщина, одетая в нижнюю рубаху и закутанная сверху неё длинный пуховый платок.

– Здравствуйте, что у вас случилось? – спросила она прямо с порога. – Видимо привыкла к вот таким вот ночным визитам. – Мэтр Корнелий спит уже, но если что-то серьезное, то я его разбужу.

– Серьёзное – буди! – Храбр сказал это с так убедительно

и с таким выражением лица, что помощница и видимо так же супруга лекаря не задавая лишних расспросов пригласила его пройти внутрь небольшого, но достаточно большого жилища.

На первом этаже дома располагалась как гостиная, так и место приема больных. В углу стояла небольшая железная печка, похожая на бочонок, которую можно было в случае чего быстро натопить и нагреть на ней воды или сварить нужное зелье. Широкая скамья, устланная полотенцами.

На квадратном столе в стороне разнообразные ступки с пестиками, бусы сушеных частей животных, перья и лапки птиц и блестящие серебром инструменты: крючки, ножи, спицы всякой длины и толщины. Обеденная зона находилась в другом углу гостиной.

– Вы сюда на лошадях прибыли? Что-то я не заметила вашего экипажа или коня.

– Пешком.

– Пешком?.. – женщина поднесла к его лицу фонарь и с подозрением уставилась на него, осмотрела одежду гостя.

Одежда была не богатой.

– Кто ваш господин? Кто послала вас? – она резко развернулась к нему лицом, глаза у неё задвигались, словно она искала что-то взглядом или обдумывала.

Храбр догадался, что этот визит может быть для него не слишком приятным.

– Я под пятой бояр не хожу, – ответил Храбр. – Помощь

нужна Светозару, сыну воеводы. Знает ли мэтр Корнелий местные болезни?

– Светозару? – почему-то вдруг охнула супруга мэтра прикрыв платком губы и побледнела так, что даже в скудном свете жировых фонарей это стало заметно. – Он жив ещё?

Вот этот вопрос больше всего и не понравился росомахе.

– А почему вы удивляетесь, почтенная?

Супруга Корнелия не ответила, а лишь позвала помощника.

– Камень, проводи гостя! Светозару уже никто не поможет. Корнелиус не ошибается. Парень безнадежен, – заявила она. – Не надо людей попусту беспокоить по ночам.

– Вот пусть другим то же самое скажет уперся Храбр.

Тут подоспел помощник, он же и сторож этого дома. Крепкий мужик с блестящей лысиной и в одних подштанниках. Он стал нагло выталкивать росомаху из дома на улицу. Кузнец извернулся и дал ему по роже кулаком. А кулак у кузнеца был крепок, как молоток. Камень, хоть и был выше его не целую голову, да и шире, повалился на пол хватаясь за окровавленный нос. Женщина заорала от страха и ее визгливый голос словно острие копья пронзало чуткий слух росомахи. Он схватился за уши и отпихнул бабу локтем в сторону от лестницы ведущей на второй этаж, где и была спальня эскулапа.

– Что, что такое, Ива? – на лестницу выбежал разбуженный шумом знахарь. Это был человек со смуглым и хитрым

лицом. Он тер глаза спросонья и мотал головой.

Жена подобрала длинный подол рубахи и бросилась на улицу, чтобы позвать на помощь городскую стражу.

– Ты, значит, сына старосты лечил? – спросил испуганного лекаря Храбр. – Со мной тварь пойдешь!

Услышав о сыне старосты, знахарь кинулся было бежать, но кузнец крепко схватил его за ворот такой же длинной, как и у его супруги рубахи и потянул за собой. Когда он выкинул полураздетого лекаря на улицу и протащил его, почти волоком несколько метров по неровной булыжной мостовой, его остановила, схватив за плечо, чья-то крепкая и большая рука. Кажется, на зов бабы прибежала городская стража. Но Храбр заметил это только теперь. Настолько кипела сейчас в его жилах ярость.

– Стой, – прогудел знакомый громкий голос. – Куды попер знахаря?

Храбр готов был уже бросится на здоровяка и стражу. Справиться с ними он бы не смог, но просто так сдаваться не хотел. Но потом в страже, остановившем его, узнал Сома. Видимо сегодня был первый день его дежурства как десятника и Храбру посчастливилось, что Лекарскую слободку сейчас охранял именно его отряд. Новая форма десятника шла богатырю. Наверное пришлось шить на заказ: зеленый сюртук с воротником-стойкой и медные, начищенные пуговицы.

– К Хельге. Он не хочет сына старосты лечить!

– Ах, не хочет, идти! – Сом одной рукой поднял Корнелия с мостовой за шкурку и забросив его за спину, как мешок картошки? понес быстрым шагом к “Перегрызенному кнуту”. – Так, мужики, оставаться на месте, трое со мной! – приказал десятник своим стражам, прибежавшим на крики с ним на подмогу. – Надо знахаря Хельге отнести.

Мужики смотрели на Полесского богатыря и их нового командира задрав головы кверху. Сом взвалил живую поклажу на плечо и потащил, не обращая внимания на вопли и угрозы лекаря.

В окна окрестных домов стали выглядывать люди, некоторые даже выбегали на улицу, чтобы посмотреть на то, как богатырь тащит на плече одного из лучших лекарей Китежа. Корнелиус вопил так, словно с него тащили жилы.

Похоже, этот вечер запомнят многие Китежане!

* * *

Высокая температура все держалась у Светозара. Мальчик мучительно стонал. Комнату наполнил тяжелый дух и неприятный запах. Хельга сама уже взмокла, словно мышь, попавшая в бутылку, устала, присела отчаявшись на стул. Вода не помогала. “Доживет ли мальчик до утра?” – висел неозвученный вопрос.

Целители не боги, такие же смертные, как и все прочие. Просто ведают чуть больше остальных в том, что творится

человеческом теле. Вот сейчас как раз пришло время обращаться к создателям мира с мольбой и просьбой пощадить невинное дитя.

Но Хельга не верила не в единого бога и полагалась только на саму себя. Да, конечно ее, как обычно заведено в оренбургских семьях, крестили в младенчестве, но вот веры от этого в ней не завелось. Верила она не в бога, а скорее в высший разум, в судьбу, в справедливость и в то, что она в той или иной степени все же существует. И не важно, в каком мире она живет на данный момент. В такие моменты, как и сидя на борту падающего самолета невозможно быть атеистом.

– Что делать дед Пересмысл? – спросила она с отчаянием ведуна. – Он горит на руках и я могу только смотреть на это.

В комнату постучались осторожно и дверь открылась и на пороге появился Ерш с каким-то человеком.

– В чем дело? – спросила Хельга. – Кто это?

– Я явился по просьбе некого Храбра, чтобы осмотреть сына воеводы, – объяснил человек в черном котелке и с усами, судя по одежде, похоже, приехавший из Аркрума в земли Скив, чтобы врачевать.

– Там еще несколько лекарей пришли, – сообщил Ерш.

– И все к Светозару? – удивилась девушка.

– Все! – подтвердил лекарь.

Хельга только подивилась про себя на кузнеца. Он по её просьбе готов сюда весь город пригнать! И она это без со-

мнения оценила.

Лекари по очереди поднимались в комнату в сопровождении дядьки, осматривали парнишку. Всего их прибыло около пятнадцати человек. Кого только среди них не встречалось. Лекарством занимались не только оборотни или люди, но также три дворфа, пара гномов и один аслау. Хотя, представители этой расы таким ремеслом практически не промышляли, ну только если у себя на родине.

Через некоторое время явились в гостиницу и Храбр с Сомом. Лекарь, притащенный ими силком, потерял по пути домашние обувь, извозился в придорожной пыли. Но когда понял, что гостиница полна его “коллег”, сразу подозрительно притих и тихонько примостился в уголке, ожидая своей очереди осмотреть мальчика. Примолк.

Разнообразные знахари мальчишку разворачивали, обнюхивали, окуривали какими-то травами и благовониями, заглядывали в рот, щупали пульс, один даже хотел заглянуть туда, куда заглядывать не следовало. И заглянул бы, если бы этому обстоятельству не воспротивился дядька Ерш и Хельга. После осмотра, все знахари спустились вниз в харчевню и расселись за одним большим столом, чтобы решить, что за болезнь скрутила Светозара. Ершу пришлось поставить им всем бочонок пива.

Из этого многие сделали такой же вывод, как и Хельга. Болезнь наследника воеводы была похожа по диагнозам на многие хвори и в то же время ни на одну из них.

Ни один диагноз не подтверждался. После осмотра мальчика некоторые эскулапы лишь мотали головой: мол, помочь я здесь ничем не в силах. Да и вообще, по мнению Хельги многие из них умели только грибы жрать. Другие задерживались, собирались на первом этаже и живо спорили по поводу странной хвори наследника воеводы. Правда, все эти знахари согласились однозначно только в одном – мальчишку уже не спасти.

Хельга выслушала все их доводы, гневно стукнув ладонью по столешнице, встала из-за стола и пошла в комнату к мальчишке.

– Не спасти! Да пока человек дышит, его еще можно попытаться! – сетовала она опустившему руки Пересмыслу. – Сбить бы жар, для начала... Только как?

И тут ее словно дернуло!

– Дед, его же спиртом надо обтирать! Точно, в такую жару это лучший способ сбить температуру.

– Э-э-э, мертвой водой? – удивился ведун и не успел он опомниться, как его ученица выскочила в коридор, вбежала в комнату уже дремавшего гончара и чуть ли не пинками растолкала его.

– Лан, Лан, нам нужен спирт. Принеси!

– Что, сейчас?

– Отставить вопросы! Бегом, Лан!

Бывший гончар недовольно заворчал, но все же поднялся и напялил на себя рубаху.

– Мне помощь нужна заявил он. Что я один все поташу?

Хельга выбежала в коридор и крикнула, разбудив окончательно всех прочих постояльцев гостиницы.

– Сом!

Богатырь явился к ней по первой просьбе и отдал приказ трем своим бойцам немедленно идти в арендованную под склад коморку и принести Мертвую воду.

Стражи отправились вместе с Ланом к коморке незамедлительно, прихватив по пути еще несколько человек на помощь из каждого встреченного по пути патруля. Правда Хельга не уточнила, сколько нужно мертвой воды.

В корчму на первый этаж стражи снесли все бочонки и бутылки, что нашли. Лан бегал между ними и причитал, как аист над разоренным гнездом.

– Это же все, все что у нас осталось!

Ребенка охватила лихорадка. Он стонал и издавал хрипы. Пересмысл уже стал читать какие-то отходные молитвы своим богам. Дядька Ерш вытирал пот и слезы с лица и стоял печально потупив взор.

– Все, Хельга, оставь, дай умереть в тишине, – хотел остановить девушку Пересмысл.

– Нет, старый, не дам! И тебе пусть стыдно за слова свои будет! – она толкнула старика от обиды, не сильно, но достаточно, чтобы он не спутал с случайной оплошностью.

Хельга хорошенько пропитала полотенце мертвой водой и приложила к бледной коже мальчика и... она исчезла!

Ни впитаться ни испариться в одно мгновение спиртовая настойка не могла. Девушка прикусила губу, стараясь осознать только что произошедшее. Переутомление? Морок видений? Галлюцинации на нервной почве?

– Что за..? – полушепотом выругалась девушка и ощупала живот мальчика. Вода снова проступила сквозь поры кожи больного, и не подчиняясь законам физики, притянулась к её ладони. Когда она подняла ладонь кверху, вода вышла из кожи вместе с сукровицей, черной субстанцией и с серебристо-серой взвесью. – Лан, тащи всю воду сюда! – приказала она. – Всю!

– Нет, все не отдам! – запротестовал прибежавший на ее крик Лан. – Не отдам, Хега!

– Мальчик умирает! А ты, сука, деньги считать собрался? – целительница отвесила парню пощечину.

Лан часто заморгал, схватился за красную щеку и спрятав стыдливый взгляд пошел за остатками Мертвой водой не пущенной на благовония и настои.

Начался долгий трудоемкий процесс: мертвая вода выходила в таз, каким-то таинственным образом покрывая кисти рук Хельги, словно варежки. Коснувшись кожи, искрясь в свете свечей, вода проникала в тело мальчика, чтобы через одно биение сердца выйти из его, наполненная сукровицей, пораженными клетками, и серебристой взвесью.

В комнату смел заглядывать только дядька Ерш. Он не нарушал тишины или отвлекать от её действий молодую це-

лительницу, просто доливал из бочонка мертвую воду, менял ведро для отработанного целительницей состава. Прошло несколько часов. Ерш поменял в комнате уже третий набор свечей, а серебристая взвесь все продолжала выходить с водой из тела мальчика, хоть и не в таком количестве, как ранее.

В опустевший харчевне, сдвинув несколько столов, сидели шестеро лекарей, изучая мутную субстанцию с черными включениями и серебристой взвесью. Умудренные умы совещались. Сейчас их было меньше, чем пару часов назад, многие сдались, признав свое поражение недугу мальчика. Многие, но не все. Пересмысл, после укора своей ученицы, сейчас был готов землю носом рыть, чтобы смыть позор отчаяния со своей совести. Он выпаривал над свечей мертвую воду из ведра, надеясь, что сухой осадок расскажет истину о недуге молодого господина.

Единственным кто находился здесь поневоле, был мастер Корнелиус. Он исподлобья глядел на присутствующих заплывшим от синяка глазом и выражал молчаливый протест. Но покинуть почти пустой зал не мог: Сом в доспехах городской стражи и Храбр, одетый слишком тепло для летнего вечера, играли в кости, коротая ночь и присматривая за ним.

Пресмысл поставил таз с серебристо-серым порошком на стол. Знахари собрались вокруг выдвигая теории о происхождении осадка. Все, кроме Корнелиуса.

– Что это? – спросил Пересмысл собравшихся, но отве-

тить ему никто не смог.

Храбр подошел к столу на котором в окружении свечей стояло маленькое фарфоровое блюдце с порошком. Недобро посмотрев на Корнелиуса он начал доставать из карманов крохотные пузырьки с бумажками привязанными к горлышку тонкой бечевкой. Храбр не спешил, но ровный строй пузырьков рос. Закончив, он выбрал одну из склянок и сдвинул к знахарям и ведунам.

– Откуда у тебя сии снадобья? – голос Пересмысла звучал с ноткой напряжения.

– Одолжил у мастера Корнелиуса. – Признался без утайки Храбр не сводя глаз с лекаря, который перестал сетовать и предрекать кары на голову парня и сидел покрываясь серебром седин почти на глазах.

Пересмысл не спеша повернул к себе бирку склянки с таким же серебристым порошком и мазнув взглядом по пергаменту передал баночку Гифею. Серебряная маска на прокаженном не позволяла понять выражение лица, но это не понадобилось. Передавая склянку дальше по кругу он засмеялся. Громко. От чего некоторые встрепенились услышав неуместные эмоции.

Лекарь с рыжими бакенбардами первый озвучил написанное.

– “Крысиная соль”, – озвучил он с силой поставив склянку на стол. – Яд сгубил мальчика.

Ученые мужи не сговариваясь посмотрели на Корнелиуса

который закрыв заплывшие глаза кажется молился своим богам.

Храбр схватил бронзовый подсвечник с замаха приложил основанием в морщинистый лоб Корнелиуса. Стул завалился вместе с врачом чье искажившееся от боли лицо покрывал свечной воск и кровь из разбитого лба.

Храбр набросился на старика избивая его трансформировавшимися лапами. Без слов и ругани, даже глотку Корнелиуса он заткнул его же тапком. Это происходило не больше десятка тактов сердца. Сом оттащил с скулящей жертвы Храбра обуреваемого праведным гневом, но с глазами застланными слепой яростью. В порыве гнева когти храбра оставили борозды на нагрудном панцире стража города.

Сом скрутил друга, защелкнув на запястьях и лодыжках “кандалы покорного”, полностью обездвигив, но не усмирив Храбра. Стоя на коленях, с руками скованными за спиной и пристегнутыми к лодыжкам тот еще пытался вырваться.

– Он же еще ребенок! А ты, гниль, его как крысы амбарных отравить решил!?! – слова сдерживаемые в себе повалили наружу.

Корнелиус не отвечал. Лишь скулил держась руками за изуродованное лицо.

– Сом! Сними кандалы, и примерь их на коновала-отравителя. Я сдержу себя в руках, обещаю, – Храбра еще трясло, но он сдерживался, унимая внутреннего зверя.

– У меня и для мастера Корнелиуса есть браслеты. Но, из-

вини друг вы оба отправитесь в темницу. Он за отравительство, до суда и казни, а ты на две седмицы за мелкое воровство, – Спокойно огласил Сом. – Извини Храбр, но теперь я слуга города, а не только твой друг.

Храбр выmaterился на друга, но тот был спокоен. И только знахари перебирая пузырьки кидали дурные взгляды на коллегу из Аркрума.

* * *

Утро, первые лучи солнца заглянули в небольшую комнату на второй этаж Перегрызенного кнута и выхватили из темноты две небольшие человеческие фигуры. Мальчик, измученный, но живой, теперь свободно дышал и, судя по умиротворенной улыбке на губах, видел во сне что-то хорошее. Девушка с яркими розовыми волосами, уставшая, но счастливая задремала прямо сидя на стуле и положив голову на край постели.

Как только свет озарил стены притихшего и так же погруженного в сонную негу города, защebetали ранние пташки. Дядька Ерш тихонечко прошел в комнату и отворил окно, впустив в комнату свежий воздух, наполненный ароматом свежеиспеченного хлеба и взглянул еще раз на Светозара.

На губах мальчика все так же была улыбка, а впалые щеки с сеткой розовых капилляров начал покрывать нежный ру-

мянец. Хельга и на этот раз смогла победить смерть!

Глава 14. Расплата

Четверо мужей сейчас сидели на первом этаже постоялого двора “Перегрызенный кнут” и обсуждали судьбу восьмилетнего мальчика.

– Обрато нам дороги нет, это точно, – сказал мужчина с квадратным лицом, тот что был дядькой – воспитателем юного Светорзара, – Вот только и здесь мы оставаться не можем.

– Да уж, если женщина задумает чего – все, считай пропал! – согласился с ним Пересмысл. Не смотря на беспокойную ночь, он выглядел более бодрым, чем все остальные.

Утро постепенно вытеснило остатки ночи и в запыленные окна харчевни уже видны были проблески зари.

– Куда вам велели отправить мальчика? – спросил Гифей у дядьки.

– В ваш Серый дом!

– Мудрое решение.

– Да ты что, серьезно?

– Вполне. К нам без хворей ходу нет. А ведь сам Корнелиус определил что мальчик болен и предписал его спроводить в Серый дом.

Ерш особого восторга от такого предложения не испытывал.

– Но ведь зараза, Гифей? Среди грязи и поганит поме-

стить сына Ильи!?

Гифей сохранял спокойствие, которое присуще только камням или деревьям.

– В Сером доме не только лишь чернь и погань. Прежде всего Серый дом это обитель покоя и смирения. И если ты против, предложи более безопасное место. Поместим его на самый верхний этаж. в отдельную комнату. Хворь и зараза – лучшей стражи для Серого дома придумать нельзя. За его порог могут перешагнуть лишь те, кто ждет свидание с костлявой. Вы же, напротив – спасете жизнь молодому волчонку.

– Стоит принять предложение, Ерш, Гифей неплохую идею предложил, – одобрил ведун Пересмысл, помассировал свои татуированные ромбовидными узорами виски.

Тем временем Сом отправил арестованного им лекаря Корнелиуса в Охранную башню, в городской каземат. Храбра изъявил желание доставить туда сам. К тому же наказание в виде удержания в застенках в течении двух недель, положенное ему по местным порядкам, он уже начал и так отбывать.

Как только увели лекаря, Сом освободил Храбра от кандалов.

Наперсник Светозара и двое старцев поднялись за мальчишкой и застали лежавшую на краю постели мальчика розововолосую целительницу. Девушка спала безмятежным сном и лишь поседевшая прядь на ее челке давала понять как непросто далась ей последняя ночь. Пересмысл попытался

ее разбудить, окликал, тряс за плечи, но девушка так и не открыла глаз.

– Она потратила много жизненных сил и вряд ли скоро проснется, – пояснил Пересмысл.

В самой комнате стоял тяжелый дух, пахло спиртом, валялись полотенца и стояли тазы.

– Здесь не богадельня! – проворчал хозяин гостиницы.

Ерш отвел его в сторонку и очень убедительно произнес:

– Если будешь права качать – станет богадельней! – он вручил мужику деньги в увесистом мешочке. – Быстро убрать комнату, а целительнице предоставить другую. Все понял?

Хозяин взял деньги и помотал, соглашаясь головой. Хотя на лице у него читалось недовольство. Ерш подхватил Светозара и вынес из комнаты. Мальчишка был невелик и поднять его не составляло труда. К Хельге позвали Сом и Храбра.

Парни долго примерялись, прежде чем взять притронуться к девушке. Боялись, что она проснется и прояснит тем кто решился к ней спящей прикасаться. Пусть даже и чистыми намерениями. Храбр, чтобы убедиться в ее крепком сне, несколько раз аккуратно подергал ее за уши. Девушка спала.

– Хватит играть, – остановил желание Храбра сотворить с Хельгой еще какую-либо шутку.

Они подняли девушку. Сом держал ее за ноги.

– А я вижу тебе она нравится очень, – с сальной улыбкой сказал Сом.

– Что, – переспросил Храбр.

– Руки убери! – И он кивнул на ладони оборотня легшие аккуратно на солидные округлости немаленькой груди.

* * *

День выдался жарким. К полудню солнце безжалостно палило. Китежане быстрыми перебежками передвигались по раскаленной каменной мостовой. Да, город был в основном деревянным, но вот для мощения, камни специально привозили с ближайших горной гряды.

Даже вездесущие торгаши и те попрятались сейчас в душных лавках и не казали носа.

Конный возок, обитый изнутри дорогим бархатом, а снаружи расписанный красными узорами потихонечку пересек центральную площадь, миновал торговые ряды и по более тихой и глухой улочке направился в сторону серого дома. Этот паланкин знал весь город, так как в нем ездила сама чужестранка Берена, жена воеводы Ильи.

Молодая и хваткая женщина знала цену всему и всем, в том числе и себе цену. И как некоторые утверждали, приворожила Илью и крепко взяла этого “лютого волка” в оборот. Если первая супруга воеводы Липушка отличалась робостью и в дела мужа не лезла, то Брена, очень интересовалась политикой и делами ее не касающимися.

Брак ее с воеводой был заключен по чистому расчету.

Красивая и в то же время властная девушка являлась дочерью одного из Аркрумских советников его короля.

Берена поморщилась, заметив, как к ее возку подбежали плохо пахнувшие попрошайки и кинула несколько монет прямо в окно, но не потому, что пожалела, а потому, как хотела избавиться от неприятных сопровождающих.

Ранее она еще брала с собой охранный кортеж из отряда Волков мужа, но сейчас ей не нужны лишние свидетели и соглядатаи. Правда ее все же сопровождал Армат, молчаливый телохранитель следующей за ней как тень и как говорили злые языки греющий ей постель в ночи, когда муж не был дома.

Она высунула нежную и маленькую ручку из окна пешей кареты. Арман пришпорил коня и ловко склонившись в седле приложился губами к бархатистой коже на запястье. Женщина почувствовала, как по ее телу тут же разлилось приятное томление.

Сегодня ночью ее верный воин выполнял не только обязанности ее охранника, но и временно отсутствующего супруга. Да и был он гораздо красивее Ильи: гладко выбритый, смуглый брюнет с холодным взглядом серых глаз.

Если воевода Илья являлся в звериной ипостаси волком, то Арман не превращаясь в зверя слыл ее верным псом. Если бы не ее телохранитель, она бы давно впала, в этом донельзя диком и отсталом по развитию технологий крае, в бескрайнюю тоску и меланхолию.

Отец выдал замуж, она, как истинная дочь, покорилась судьбе, но и в то же время взяла ее в свои хоть и нежные, но крепкие руки. Нет ее сын Татьмир не станет служить вырожденку волка Светозару!

Возок остановился у Серого дома, и Берена, одетая в синее платье по аркрумской моде, с корсетом и заниженной талией, с трудом выбралась из него. Хоть и прожила в Китеже три года, а все не могла привыкнуть ходить на каблуках по грубо мощеным мостовым.

Арман подал ей руку и сопровождал к воротам четырехэтажного унылого особняка. Женщина нацепила перчатки из кожи теленка и раскрыла над головой кружевной зонтик от солнца. Нет, ей не было жарко, просто так она решила прикрыть лицо от лишних любопытных глаз. Хотя на улице не прогуливался сейчас ни один горожанин.

Арман проводил ее под руку до ворот и дернул за шнурок потемневшего медного колокольчика. Раздался громкий звон, от которого даже хладнокровная Берена вздрогнула и поправила нервно соломенную шляпку на голове.

Открыли им не сразу; телохранителю пришлось звонить еще несколько раз. Потом к ним навстречу вышел старик в серебряной маске в половину лица. Немного скрюченный, на один бок от болезни и возраста.

– День добрый господа, кого вы к нам привезли и где этот несчастный? – поздоровался и поинтересовался обитатель хосписа.

Дама в шляпке невольно сморщила свой аккуратный носик.

– Я супруга самого воеводы и приехала сюда забрать сына. Слышала, что Ерш его к ведьме какой-то носил и Светозар жив остался.

– Нет, мальчик останется здесь!

– Ты кто такой?!

– Гифей, глава братства и распорядитель этого заведения.

– Отдай мальчика в дом! – ринулась на него Берена.

Старик снял с лица серебряную маску и супруга воеводы сразу отстранилась. Лицо Гифея было покрыто гниющими струпьями, а на том месте, где ранее был нос зияла дыра.

– Уходите, здесь, в этом доме правит смерть, и я! – сказал он и затворил перед пришельцами двери. – Вернется в город воевода, вернется и Светозар.

Чужестранка вскрикнула от досады стала лупить своего телохранителя кулаками в грудь. Удары были хоть и не сильными и Арман вряд ли их почувствовал. Да и одет был в кожаную тонкую броню, легкую, но спасавшую даже от стрелы или удара копья.

– Мне конец, сыну нашему конец! Понимаешь?

Арман остановил ее.

– Нет, – ответил мужчина с таким спокойствием, что Берена отступилась от него и успокоилась, поняв, что он что-то придумал, села в возок, громко хлопнув дверью.

Арман дал сигнал вознице. Паланкин живо тронулся с ме-

ста. Красивая супруга воеводы еще раз гневно посмотрела в сторону окон Серого дома.

* * *

К концу дня с Ярозера повеяло приятной прохладой. Хельга проснулась от сильного чувства голода и обнаружила, что потолок в комнате вдруг сменил цвет. Она проморгалась, поднялась с постели и теперь поняла, что находится вообще не в своей комнате. Выглянув в окно, с облегчением вздохнула – пейзаж почти не изменился.

“Как я в соседнюю комнату попала?”

Целительница пыталась восстановить в голове всю цепь последних событий. Вспомнила, что ночь спасала отравленного мальчика, потом, когда ему стало намного лучше, задремала.

Она ощупала себя: “Интересно, а платье-то почему мятое?!”

...А вот как помялось платье, и как она очутилась здесь совсем не помнила и чтобы лучше восстановить утраченные звенья цепи воспоминаний, направилась в свою комнату.

Там Хельга застала лишь девицу с двумя тоненькими косами, которая раскорячившись терла влажной тряпкой пол. Постели были аккуратно застелены, в вазе стояли свежесрезанные цветы.

– Где мальчик? – спросила она девушку.

Та отложила тряпку, развернулась к ней лицом и вытерла руки о фартук.

– Увезли.

– Куда?

– Я слышала, что в Серый дом, – девушка затеребила одну из своих кос.

– Кто увез?

– Ну этот, воспитатель его и с ними еще тот старик страшный был с маской, – показала девушка на своем лице и вдруг с удивлением уставилась на Хельгу. – Говорили, что спрятать там хотят. Да ты седая!

– Что!

Девушка взяла блестящий металлический поднос и подала его Хельге. Целительница не очень-то обрадовалась, увидев свое отражение: на розовой челке и в самом деле выступила широкая седая прядь.

Хельга выругалась понятными только ей выражениями.

– Утром ты так крепко спала, что тебя не могли разбудить и перенесли в соседнюю комнату.

– Э-э-э, кто перенес?

– Ну ваши попутчики, одного точно знаю Сом зовут, а второй такой темненький с маленькой бородкой.

– Та-а-к, – снова поправила мятое платье Хельга. – И где они?

– В тюрьму пошли.

– Интересный поворот событий, а стоило только уснуть...

Девушка обнаружила также что люто голодна и, если срочно не поест, озверевает не хуже любого оборотня. Поэтому решила спуститься вниз, в харчевню и поесть.

– Что изволите подчевать? – поинтересовалась прислуживающая при столиках пышненькая девушка у целительницы.

– Яичницу! И попить что-то.

– Яичницу с утра подают.

– Я не завтракала еще – яичницу.

– Хорошо, – не стала больше ей перечить девушка и отправилась за снедью на кухню.

Хельге принесли все, что ей так сейчас не хватало. Кроме яичницы нашелся еще и черничный кисель с молоком и хлеб необычайно румяный. Сейчас вся эта простая пища казалась ей необычайно вкусной, и она сразу вспомнила ту похлебку, которой кормил ее в землянке еще в Ивовом Доле старик Пересмысл. Интересно, куда все запропалились.

Она так увлеклась пищей, что совсем не заметила, как в Перегрызенный кнут нагрянула пестрая толпа весьма странного народа. Ее стол окружили старики и пожилые женщины в длинных балахонах почти до самой земли.

Правда Хельга сейчас находилась в такой эйфории от того, что спасла еще одного пациента и от того, что неплохо вечеряла. Она не сразу заметила, что стол ее окружила толпа. У всех этих людей были очень странное выражение лиц, они смотрели на целительницу с розовыми волосами как слишком сурово.

– Что ты делаешь? – спросил злобно один из стариков с выдающимся сизовато-синим носом и жидкой длинной бородой.

– Яичницу ем, – подавилась девушка.

– Ты слуга Мары или Чернобога? Ты ведь режешь живых людей!

– Я, – у Хельги пропал аппетит. – Я людей спасаю! Ты, пень из дикого леса как предложишь аппендицит лечить? Хоть в задницу горчицы залей, хоть с бубном пляши, если у человека аппендицит – его нужно вырезать! И вы кто вообще? – Хельга запоздало поняла, что увлеклась с ответом на наезд забыв даже понять кто сейчас тычет в сторону пальцем.

– Мы адепты Светилова круга, каждый из нас служит разным богам, но все мы пришли к единому мнению – ты зло! Ты распускаешь чернь, заразу и скверну в Китеже! И ворует души невинных, по простоте своей уверовавших что ты их лечишь!

– Адепт Чернобога, приспешник Ивара! Живых людей, словно свиней резала? – срываясь на визг заголосила женщина с одутловатым лицом.

– Вы что, какого Ивара... вы сами-то верите в то что говорите! Свидетели Иеговы каменного века. Вы фанатики небось и повесить меня хотите? – Хельга тянула время поняв что толпа не шутит и ей нужно как-то избавиться от них.

– Зачем повесить? – удивился преклонных лет старик в

одеждах, расшитых золотом, – Именем Великого совета десяти, за роспуск скверны, похищение невинных душ, обман и сквернословие мы приговорили тебя к тому что ждет любого служителя Скверны! Сварить ее заживо ведьму!

– Сварить?! – Хельга почувствовала предательскую дрожь в коленях.

Круг фанатиков все сужался. Кроме десяти слишком смурных стариков, в длинных и вышитых символами разных стихий одеждах, за ней пришла и дюжина крепких парней в одинаковые цвета коричневых рубахах. Хельга вскочила из-за стола и ее быстро скрутили два молодца с такими же угрюмыми как у стариковых взглядов и в одинаковых рубахах простого покроя и коричневого цвета до пят. И не успела девушка опомниться, как ее бросили в клетку с шипами изнутри, ко дну которой, как к носилкам крепились две ручки и с воплями и понуканиями поперли вдоль улицы.

Хельга перепугалась не на шутку и несколько раз с отчаянием дернула решетчатую дверь клетки. На что она надеялась. Что ее забыли запереть. Что теперь ей оставалась делать? Кричать что она невиновна, взывая к совести к совести людей. А есть ли она вообще эта совесть? Фанатикам и совесть, и мозг заменяет слепая вера. Они будут распинать младенцев с одухотворенными лицами если это прикажет наставник или их писание.

Народ конечно сбежался быстро. Закричал, улюлюкал. Еще бы не каждый день обличают врага! люди любят пред-

ставления, и казнь наверняка любимая забава толпы. Даже если вспомнить нашу, земную историю: публичные казни в ней были любимые забавы толпы.

Есть даже нарицательное выражение “азиатская жестокость”. Всего лишь оборот речи, но даже турецкие и персидские палачи лишь малые дети по сравнению с которыми душегубами из Британии, Франции и множества княжеств Европы практиковали до двадцати способов он умерщвления и более сорока вариаций так членовредительство и истязаний.

Взрослые и дети, парни, девушки, старики бежали вслед за клеткой, бросали в неё гнилыми фруктами. Один гадкий парнишка все время метил ей в лицо, и обстреливал гнилыми кабачками, гадко пахнущими и уже протухшими.

Хельга присела, склонила голову и обхватила голову руками: “Вот и все, допрыгалась. Доигралась, возомнила себя Миценой местного разлива. Дура”.

Вспомнила она и про казнь в кипящем масле. Насколько это ужасно она и представить себе не могла. Как жаль, что так и не увидела Храбра еще раз, и даже старик Пересмысл куда-то ушел. А ее, словно картошку фри хотят сварить.

Целительницу несли по городам Китежа с шумом и пафосом. Еще бы, девушка стала знаменита среди Китежан своей яркой внешностью. а некоторые слышали удивительную историю о том, что после того, как она посетила Серый дом, там чуть ли не мертвецы не все мертвецы воскресли.

Кроме злых ненавистников, насмешников и зевак, она

рассмотрела и тех, кто просто шел за клеткой и даже сочувствовал. Что бы не говорили эти странные старики в ярких одеждах, она хоть и тыкала ножом живых людей, но все же дарила странным образом жизнь. Да и откуда все эти люди узнали об операциях? Дикари.

Крик толпы усиливался, клетку тащили по той улице, по которой совсем недавно девушка беззаботно гуляла со своими друзьями. И погода была предательски прекрасной. Хельга вдруг выпрямилась, встала и смотрела на небо. Сейчас ее мысли и сознание перенеслось далеко от действительности. О чем она думала, перед страшной мучительной смертью? Да ни о чем, просто смотрела на спокойно подгоняемые ветром облака. Солнца уже не было видно. только алый тлеющий закат. Пышные и белые, как свежие ватные шарики, облака зависли бездвижно на небе. Этому миру было плевать на нее, плевать на все происходившее в этот самый момент. Мир продолжал жить.

Протащив клетку через половину города и дав всласть натешиться над схваченной ими, служители совета десяти, благополучно доставили ее к месту казни на “Кровавую площадь”. Это место и действительно пропиталась кровью убитых во время казней жертв. Посреди тесной и какой-то слишком не нарядной площади в специальной жаровне развели огонь пожарче и в огромном котле зловеще шипело масло. Запах гари и смолы въедался в нос.

Так жалко Хельга не выглядела никогда: грязная, опле-

ванная, побитая камнями и тухлыми фруктами. Неужели она это заслужила? Ее вытолкали в том числе и пинками из клетки и затащили на колоченный для большей зрелищности помост у котла. К самому котлу с вели широкие ступени, для удобства палачей лестница и мостик, словно на вышке бассейна. Вот только купаться нужно было в масле!

Палачи с совершенно спокойными лицами ждали ее. Для них казнь – это лишь работа, совершенно такая же, как, например, для кузнеца Храбра стучать молотком по железу. Притом они совсем не скрывали своих лиц под колпаками, как девушка видела в фильмах.

– Пошли, – сказал старший по возрасту и как поняла Хельга, по статусу душегуб.

Хельга нервно сглотнула. Перед глазами все поплыло и ноги начали подкашиваться.

– Не задерживай, – проворчал палач. – Сама не пойдешь за волосы поволоку!

Хельга сделала первый нерешительный шаг к эшафоту.

– А суд будет? – спросила она.

– Был уже.

– Как?

Вдалеке в той стороне, где, находился Серый дом, Хельга заметила серые облака дыма.

– Что случилось? – спросила она у палача.

– Серый дом сгорел дотла, чумное место! – сплюнул брезгливо палач. – И люди сгорели и, говорят, сын воеводы там

был.

– Значит Святозар... – Хельга потеряла дар речи, поняв, что все её мучения оказались напрасными. Неужели мальчик, которого она так хотела спасти...

Слезы застили глаза. Она сделала еще несколько несмелых шагов и затормозила. Палач сильно сжал ее предплечье и потащил к эшафоту силой. Там ее ждал тот старик с сизым носом. Толпа быстро заполнила площадь и теперь ждала, и жаждала криков и мольбы. И многим из этих людей и нелюдей было плевать, на то, кого казнила сейчас на площади, им хотелось жестокого зрелища.

Но тут народ как-то подозрительно притих и устремил свои взоры в сторону одной из улочек, ведущих к площади Алых костров. Потом раздались крики “поберегись” и на площадь давя и заставляя расступаться остальных влетела стадо двурогих носорогов с покрытых красными плотными панцирями. Начались паника и давка.

Огромные звери с покрасневшими белками глаз свирепо поддевали на рога и топтали всех, кто встречался им на пути. Стадо гигантов быстро промчалось до самого эшафота и один из носорогов налетел и опрокинул на себя и часть старейшин котел с кипящим маслом. Масло разлилось по мостовой и потекло шипящим ручьем дальше, обжигая всех, кто в этот момент стоял неподалеку. Крики от ужаса и страданий наводнили Кровавую площадь. Но это были крики не приговоренной Хельги, а попавших в масло старейшин и лю-

дей. Староста, приговоривший целительницу к смерти, схватился за покрывающую кровавыми лицо и дико завопил.

Обваренный носорог яростно принялся топтать корчившихся в муках старост и разбрасывать их, словно мешки, разворочал балки, на которых крепился эшафот, от чего Хельга кубарем скатилась на мостовую вместе с матерящимся палачом, разбила в кровь губу и бровь о отполированную тысячами горожан мостовую. Кто-то небрежно поднял ее оттащил в сторону одной из улочек и поставил на ноги. Девушка подняла голову и увидела перед собой проигравшего ей спор орка Батара сына Бадмы из клана Арвай.

На лице орка, словно сделанном из такого же камня, как и мостовая не промелькнуло даже тени эмоций. Но по тому, как он осматривался по сторонам, было понятно, что орк обеспокоен не заметил ли кто его крупную фигуру во всей этой суматохе и давке.

– Надеюсь мой долг выплачен, шулам? – пророкотал орк, было понятно, что он старался произнести свои слова шепотом, но, словно сотканые из оловянных нитей голосовые связки жителя степей позволяли лишь громкий бас.

– Это твоих рук дело? – Хельга запоздало “сложила два и два” и сделала вывод.

– Выплачен или нет, говори быстрее, человеческая шулам? – он снова огляделся.

– Да – да, Батар сын Бадмы, твой долг выплачен сполна, спасибо тебе житель диких степей и дай бог зелёных паст-

бищ твоему роду.

– Какие высокопарные слова от наглой шулам. Но они греют мое сердце Хел’гуа, – улыбающийся орк попытался выговорить имя девушки. – Беги же, ничего твоим врагам давать возможность загнать тебя как раненую антилопу.

Хельга нырнула в темный, переулок и хотела бежать, но обнаружила там ту самую дородную женщину, что приходила за ней в числе девяти жрецов в “Перегрызенный кнут”. Толкнув толстуху так, что та плюхнулась на мокрую от мочи мостовую, приговоренная ей девушка рванула, петляя по переулкам, оглядываясь и боясь, что кто-то все же увидел ее побег и сейчас преследует ее.

Свернув за угол, она выскочила на перекресток узкий пешеходных улиц и увидела силуэт человека в цилиндре. Решив не испытывать судьбу, девушка свернула в другую сторону. Но незнакомец снова ждал ее в полусотне шагов впереди. Хельга снова изменила маршрут. Сердце от страха готово было выпрыгнуть из груди. В отчаянии девушка скрылась за ящиком с углем, возле одного из доходных домов.

– Мы долго будем играть в догонялки?

Хельга вздрогнула, услышав мужской голос. Это оказался тот иллюзионист, представление которого она смотрела с Асей накануне в цветном огромном шатре. Она сразу узнала его клетчатый костюм и бабочку-галстук и конечно черный плащ.

– Чего ты боишься больше всего? – снова заговорил ил-

люзионист.

– Того, что однажды начну одеваться у твоего портного, – ответила с вызовом Хельга.

Этой фразой весь пафос с иллюзиониста как рукой сняло. Он тоже сгорбился и перестал строить из себя мага и чародея и сделался обычным человеком.

– Когда ты так говоришь, Хельга, пропадает вся магия, – он достал из внутреннего кармана серебряный портсигар и щелкнув крышкой, извлек из него тонкую длинную сигаретку, обернутую в коричневую бумагу, затем, добыл из рукава маленький латунный шарик с крышечкой на цепочке и отвернув ее прикурил, выпустив сизый дым в форме воздушного шара.

– Что тебе надо? – Хельга снова пошла в словесную атаку.

– Неправильно сформулированный вопрос. Вся суть в том, что нужно тебе? Я предлагаю тебе контракт: я помогаю тебе скрыться из Китежа, а за это ты должна выполнить три моих желания. Согласна?

– Да конечно ты крутой дядька, зайцев из шляпы достаёшь и все такое, но спать я с тобой не буду! – Хельга вытянула свою тоненькую ручку сунув средний палец прямо под нос иллюзиониста.

Тот засмеялся.

– Нет-нет-нет, три моих желания. Они будут для тебя удивительными, да. Ты можешь выполнить их за десять минут, или же не выполнить вовсе, – он протянул девушки плотно

скрученной в трубочку кусок бумаги.

– Ничего непристойного, надеюсь?

– Глянь, а потом рассуждай. Быстрее тебя ищут.

Хельга развернула бумагу и посмотрела на написанное в ней. Потом усмехнулась.

– И все?!

– Все! – ответил фокусник и подсунул ей появившиеся из рукава пиджака перо с чернилами.

Девушка не задумываясь поставила свою подпись.

Волшебник усмехнулся, схватился за полы своего плаща и покрыл ими девушку. Хельга исчезла вместе с ним из тёмного китежского переулка.

Время платить по счетам

На лесной поляне раздавались голоса, звериное рычание, а иногда свист.

Оборотни-подростки пытались удерживать равновесие, стоя на трехметровых столбах, вкопанных в землю и возвышающихся на три метра в высоту. Это были не просто деревенские мальчишки, а избранные из немногих. Всего тридцать волчат не более тринадцати или четырнадцати лет.

Тренировка у юных волков шла без оружия. Зачем оружие оборотням, которых сама природа одарила великой силой, ловкостью и регенерацией. Каждый из них уже прошел юношескую трансформацию. Тела юношей покрывали синяки, как свежие, так и старые, приобретавшие желтый цвет. Желтые и голубые глаза сурово смотрели на противников, не было в их взглядах ни капли страха, лишь суровость и звериный азарт. Отроки выглядели старше своих лет: высокие, поджарые тела, а в коротко стриженных шевелюрах детей из родов степных волков мелькала седина, у лесных – жесткие серые или черные волосы росли не только на голове, но и между лопаток, полярные – сменили свой цвет глаз с голубого на желтый и шевелюры их полностью стали белыми, как снег. В этом возрасте, среди своих родов они уже считались почти взрослыми мужчинами. Вот правда детские мечты все еще наполняли их буйные головы.

Но по сравнению с бойцами из Дикой сотни, они казались сопливыми щенками. Каждый из них мечтал попасть в личный отряд воеводы, разломить вместе с боевыми товарищами хлеб и испить медовухи после славного боя.

Авангардный отряд воеводы, волчья сотня – это военная элита. Их боятся настолько, что пугаю несмышленных детей перед сном заклятые враги скивов. Да и взрослые говорили о сотне полусшепотом, чтобы не накликать беду на свой дом.

Тренировались оборотни соперничая с друг с другом и борясь каждый сам за себя. Перескакивали со столба на столб, стараясь спихнуть соплеменников. Но даже звериная регенерация не всегда справлялась с синяками и ссадинами, переломами и растяжениями. Но юные волки, потирая ушибленные места, редко обращали на это внимание, взбираясь на столбы снова и продолжая тренироваться. Главной целью каждого было непреодолимое желание встать в один ряд с Дикой сотней и получить из уст самого воеводы новое имя, нанести на кожу особый знак в виде волчьей лапы.

В какой-то момент, тренировка остановилась. На землю спустился вечер и яркие звезды засверкали на небосклоне. Волчата почуяв присутствие вожака, спрыгнули на землю и завyli в один голос на молодой месяц.

Воевода Илья Лютый явился неожиданно. Только особое событие могло сподвигнуть его прийти в волчий лес, где тренировались отроки. Могучий волк, побывавшие не в одной битве. Седина полностью покрывала его голову. От колко-

го и властного взгляда карих глаз по спинам людей и нелюдей пробежал холодок. Он никогда и не перед кем не склонял своей головы, не юлил, не тратил время на красивые слова. Его поступки – говорили гораздо красноречивее слов: он, есть закон, право, сама жизнь стаи. Он не потерпит слабости, предательства, неверности. За ним следовал могучий и молчаливый боец из Дикой сотни и вел за предплечье молодую женщину с мешком на голове, почти наполовину ниже его ростом. Руки у нее были крепко связаны за спиной. Пленница рыдала и молила о пощаде, напоминала о том, что является матерью сына воеводы. Но Илья был глух к ее мольбам.

Молодые волки выстроились полумесяцем, почтительно встретив вожака и его невольницу.

Выйдя на середину, воле из Дикой сотни отпустил предплечье невольницы, и она рухнула на землю, продолжая рыдать.

– Стая! – проревел вожак, и молодые волки вытянулись в струну, словно на параде. – Дикая сотня снова вернулась с южных пределов с победой. Семь сотен скальных огров оказались бессильны против волчьей стаи. Где стая – там всегда победа!

Волки вновь завывали, встречая радостную весть из уст воеводы, но вой стих, стоило воеводе поднять руку.

– Не все смогли вернуться домой, и сегодня в их семьях всю ночь будет раздаваться вдовий плач. А в доме каждого из нашей стаи будет гореть три поминальных лучины. Рати-

бор Старший, Бурислав Гусляр и Ратко Сивый пали в этом походе и сейчас уже наверное пирует с предками, рассказывают о подвигах.

Стихло над лесной поляной, казалось даже сверчки и птицы ночные смолкли, чтобы почтить память о славных волках. И только игривый ручей продолжал бурлить, оmyвая камни. В лесу было тихо, но не безлюдно.

Илья повернулся к женщине и снял с её головы мешок. Только грубая холщевая ткань открыла молодое лицо Берены, зрачки волков расширились. Запястья женщины были стерты в кровь грубой веревкой, волосы растрепаны, из глаз ручьем текли слезы.

Затем, Илья извлек из кармана восковую свечу длиной в половину ладони, зажег её. Как только воск расплавился под огоньком, воевода капнул несколько капель на камень под ногами и, пока воск не застыл, закрепил им свечу на гладкой поверхности.

– Поднимайся! – сказал вожак своей супруге. – У тебя есть время скрыться в лесу пока горит эта свеча.

– Ты меня отпускаешь? – в миг умолкла женщина, кажется она не верила собственному счастью.

– Я дам тебе столько же шансов выжить, сколько ты дала моему сыну, – произнес он спокойным голосом и девушка вновь зарыдала. Она понимала, что шансов у неё просто нет, ведь не зря Илья привел ее на поляну, где тренируются молодые волки.

– Дай мне хотя бы нож, – всё ещё плача, но теперь стараюсь сдерживать себя произнесла женщина.

– Тебе не поможет, но если так будет легче, держи, – он извлек из голенища сапога небольшой финку с лезвием в ладонь длиной. – Свеча горит уже минуту, ты тратишь собственное время. – последние слова воевода буквально прокричал в лицо женщине. Она отпрянула от него, заторопилась вон, в спасительные тень деревьев. Сначала ползком на карачках, потом все-таки сумел встать, Берена наконец побежала, приподнимая подол некогда красивого, но теперь изорванного в платья.

Женщина скрылась в лесу.

Воевода проводил ее взглядом и потом задумался. Думы его были тяжелы и не один молодой волк не смел его потревожить. Видно было, он сделал нелегкий выбор, но уж если решился, назад пути не ведал.

Сейчас Илья уселся на то место, где с полминуты назад сидела его жена. По лицу его пробежала тень скорби и решимости. Потом произнес четко, так, чтобы его услышали все:

– Сегодня у одного из вас есть шанс занять место павших в Дикой сотне, – обратился он к отрокам. Ни один из них не издал не единого звука.

Каждый из молодых волков внимал словам вожака, боясь упустить даже дыхание командира.

– Когда погаснет свеча – начнется охота! Победитель только один: тот кто принесет мне голову этой твари. Никакой

командной игры, забудьте что вы стая, каждый сам за себя и атаковать соперников можно. Покажите, кто из вас достоин места в стае, кто сильнее, проворнее, хитрее, и завтра он обретет новое имя.

Свеча догорела чуть больше чем наполовину и ее пламя колыхалась от непонятно откуда взявшегося на лесной поляне шального в ветерка. Договорив, воевода протянул руку к горячему огоньком и двумя пальцами зажал фитиль, затушив его.

Волчата стояли недвижимо, то переглядывались между собой, то бросая взгляды на своего вожака.

– Что, никто из вас больше не хочет в Дикую сотню? Чего стоим, овечки?

Теперь голос вожака произвел на отроков эффект ушата холодной воды. Кто побежал сам, кто на ходу перевоплотился в волка, но все сорвались в сторону, где десять минут назад скрылась женщина. Охота началась. И ради того чтобы завтра получить от воеводы новое имя, под которым суждено прославиться кому-то из этих мальчишек, придётся впиться зубами в шейную артерию Берены.

Приказы вожака не обсуждаются, а выполняются. И если он сказал убить Берену, никто из волчат не просто не задаст лишних вопросов, даже не задумывается о причине, а просто возьмёт и сделает это.

– Я дал тебе столько же шансов сколько и ты дала шан-

сов выжить Святозару, Берена, – произнес он себе под нос и впервые за долгое время улыбнулся.

Конец первого флакона